

**АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ
ПРЕЗИДЕНТЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ имени
ЖУСУПА АБДРАХМАНОВА**

На правах рукописи

СЕЙДАХМАТОВА САЛИЯ ЗОДАНБЕКОВНА

**РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ
РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
(НА МАТЕРИАЛАХ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Специальность: 08.00.05 – отраслевая экономика

Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук

Научный консультант: Кожошев А.О.
доктор экономических наук, профессор

Бишкек- 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	
1.1.Эволюция предпринимательства, его сущность, формы и функции.....	19
1.2.Институциональные теории и подходы к методологии регулирования предпринимательства	42
1.3.Генезис теоретических аспектов к концепции государственного регулирования предпринимательской деятельности	54
ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	
2.1.Структурные предпосылки и историческая динамика предпринимательства.....	66
2.2.Институциональные барьеры и регуляторная среда предпринимательства	79
2.3.Формальные институты регулирования и государственные меры поддержки предпринимательства.....	95
ГЛАВА 3. ДИАГНОСТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	
3.1.Анализ социально-экономических показателей и системообразующая роль предпринимательства	106
3.2.Предпринимательская активность в региональном измерении: масштабы, структура и пространственная концентрация	145

3.3.Мультифакторный анализ влияния регуляторной политики на эффективность предпринимательской деятельности.....	173
---	-----

ГЛАВА 4. ИНСТРУМЕНТЫ, МЕХАНИЗМЫ И МОДЕЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛЯТОРНОЙ СРЕДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

4.1.Оценка регуляторной среды и условий функционирования предпринимательства по данным прикладного исследования.....	186
4.2.Цифровизация как инструмент снижения регуляторных барьеров и транзакционных издержек.....	211
4.3.Траектории моделей регулирования предпринимательской среды на примере международных практик.....	225

ГЛАВА 5. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5.1.Принципы построения современной регуляторной политики в условиях институциональной трансформации	243
5.2.Институциональные и цифровые механизмы снижения регуляторных барьеров в предпринимательской деятельности.....	247
5.3.Концептуальная модель институциональной среды для развития предпринимательской экосистемы в Кыргызской Республике.....	263
ВЫВОДЫ.....	280
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	285

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРВ	Анализ регулятивного воздействия
ВВП	Валовой внутренний продукт
ГИС	Государственная информационная система
ГЧП	Государственно-частное партнёрство
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ИП	Индивидуальный предприниматель
ИТ	Информационные технологии
КР	Кыргызская Республика
МСБ	Малый и средний бизнес
МВФ	Международный валютный фонд
НАЦСТАТКОМ КР	Национальный статистический комитет КР
НДФЛ	Налог на доходы физических лиц
НКО	Некоммерческая организация
НПА	Нормативно-правовой акт
ООН	Организация Объединённых Наций
ОРВ	Оценка регулирующего воздействия
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества
ПМЭР	Программа модернизации экономического развития
РОИ	Рентабельность инвестиций
СДГ	Цели устойчивого развития
СНГ	Содружество Независимых Государств
СЭР	Социально-экономическое развитие
ТЭК	Топливо-энергетический комплекс
ЦТ	Цифровая трансформация

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. Создание современного и развитого предпринимательства во всех секторах экономики Кыргызской Республики играет важную стратегическую роль в обеспечении стабильного экономического роста и улучшении качества жизни населения.

Для трансформации предпринимательства в стратегический ресурс, выступающий одним из фундаментальных факторов, обеспечивающих устойчивое экономическое развитие Кыргызской Республики и её интеграцию в глобальную экономику в качестве равноправного субъекта рыночных отношений, требуется глубокое осмысление экономической природы и содержания предпринимательства сформированного под воздействием исторических, политических и определенных социально-экономических факторов.

Предпринимательство за последние 20 лет имеет достаточно весомый вклад в развитие экономики страны. Так, по итогам 2023г. объем валовой добавленной стоимости, произведенной субъектами малого и среднего предпринимательства, сложился в размере 498,6 млрд. сомов, или 40,5 процента к ВВП. В 2019 г. показатель был 39,7 процента к ВВП, в то время как в среднем за 2010-2014гг. доля валовой добавленной стоимости составила около 40 процентов к ВВП [148, с.1].

В этой связи, перед научным сообществом Кыргызской Республики, встаёт необходимость исследования места и роли предпринимательства в социально-экономическом развитии страны, анализа сущности и содержания государственной политики в сфере его поддержки, а также разработки механизмов, способствующих активизации предпринимательской деятельности.

С учётом современных экономических условий, особое значение приобретает не только разработка политики, направленной на повышение

предпринимательской активности, но и формирование эффективной регуляторной среды, способствующей устойчивому развитию бизнеса. Регуляторная политика в Кыргызской Республике, как и в других государствах постсоветского пространства, исторически складывалась в условиях перехода от плановой экономики к рыночным отношениям. В этот период культура предпринимательской деятельности и структура формирования бизнес-среды имели многовекторный характер и подвергались влиянию множества факторов, что обусловило специфику организации и ведения бизнеса, а также определило уровень государственного участия в развитии предпринимательской среды.

На протяжении длительного времени мировая экономическая мысль занималась поиском и разработкой теоретических основ предпринимательства, рассматривая его как естественный процесс, обусловленный общественным разделением труда и функционированием рыночного механизма. У истоков формирования теории предпринимательства стояли такие выдающиеся экономисты, как Р. Кантильон, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэй, Д. Кларк, А. Маршалл, К. Маркс, а позднее Й. Шумпетер, А. Кирцнер, Ф. Найт, Ф. фон Хайек, Дж. М. Кейнс, Дж. К. Гэлбрейт и другие.

В трудах ведущих исследователей предпринимательство не оформлено как единая цельная концепция, однако анализ отдельных аспектов данной деятельности оказал существенное влияние на развитие экономической науки. В частности, их исследования способствовали более глубокому пониманию роли предпринимательства в экономической системе, а также формированию регуляторной политики, ориентированной на создание благоприятных условий для его развития. Например, Йозеф Шумпетер в рамках своей теории предпринимательства подчёркивает инновационную функцию предпринимателя, выступающего в качестве агента экономических изменений. Государственная поддержка инноваций, включая субсидии, налоговые льготы и доступное финансирование, является необходимым условием для реализации предпринимательского потенциала [110, с. 150-180

с]. В условиях Кыргызской Республики, где малый и средний бизнес составляет основу экономической активности, подобные меры способны существенно повысить конкурентоспособность.

Вопросы взаимодействия регуляторной политики и предпринимательства широко обсуждаются и современной научной литературе. Так, в работах Дугласа Норта и Оливера Уильямсона [63, с.50-75] подчёркивается значимость институциональной среды, которая формирует условия для экономической активности. Они утверждают, что качественные институты снижают транзакционные издержки и создают доверие между государством и предпринимательским сообществом. В контексте Кыргызской Республики это особенно важно, так как высокий уровень бюрократических барьеров и правовая неопределённость ограничивают потенциал предпринимательской деятельности.

Анализ проблем отечественного предпринимательства стал возможен благодаря появлению научных исследований, посвященных вопросам переходного периода, включая проблемы занятости, безработицы, формирования рынка труда, которые непосредственно связаны с общими социально-экономическими изменениями в стране. Особое значение в этом контексте приобретают работы, исследующие влияние проводимой приватизации, трансформации отношений собственности, а также экономической и социальной напряженности как на уровне трудовых коллективов, так и в масштабах страны в целом. Среди значимых трудов в данном направлении можно выделить исследования Л. Абалкина, С. Глазьева, Н. Гаузнера, Д. Львова, А. Илларионова, В. Медведева, Н. Петракова, В. Радаева, Н. Федоренко и Е. Ясина, которые внесли значительный вклад в осмысление этих процессов [1, с. 100-115].

Вопросы предпринимательской культуры, которая является важным фактором успешного развития бизнеса, предпринимательской инициативы обусловленной социокультурными факторами, такими как недостаток доверия к бизнесу, стереотипы относительно предпринимательской деятельности и

низкой мотивации к риску широко рассмотрены отечественными учеными Дербешевой Э.Д., Жапаровым Г.Д., Р.Ш. Базарбаевой., Г.Д., Койчуевым Т.К., Камчыбековым Т.К., Саякбаевой А.А., Кумсковым В.И., Купуевым П.К., Кожошевым А.О., Мусакожоевым Ш.М., Орузбаевым А.У., Турсуновой С.А. в своих исследованиях подчеркивают, что формирование положительного имиджа предпринимательства и развитие предпринимательского образования играют ключевую роль в преодолении этих барьеров.

Аспекты регуляторной политики в сфере предпринимательства рассмотрены рядом ученых и специалистов. Среди них можно выделить М.Ш. Алимбекова, который в своей диссертации «Гражданско-правовые вопросы предпринимательских отношений в Кыргызской Республике» анализирует правовые аспекты регулирования предпринимательской деятельности и предлагает меры по совершенствованию государственной политики в этой области [4, с. 200-225].

Также стоит отметить работы А.Б. Карбековой и Т.А. Эргешовой, которые анализируют современные аспекты развития малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике, подчеркивая необходимость решения комплекса проблем экономического и организационного характера [43, с.130-145].

Эти исследования имеют важное значение, но требуется более углубленное изучению вопросов понимания и применения регуляторной политики в сфере предпринимательства в Кыргызстане и формированию рекомендаций по ее совершенствованию.

Кроме того, актуальность темы подтверждается международными рейтингами, такими как «Doing Business 2020», опубликованному в октябре 2019 года, Кыргызская Республика заняла 80-е место среди 190 стран, ухудшив свою позицию на 10 пунктов по сравнению с предыдущим годом.

Согласно последним данным, опубликованным в марте 2024 года, Кыргызская Республика занимает 112-е место в «Index of Economic Freedom/Индексе экономической свободы» с показателем 55,2 балла, что

указывает на преимущественно несвободную экономику [129, с.55-60]. В предыдущие годы позиции Кыргызстана в данном рейтинге значительно менялись – 116-е место в 2022 году и 78-е место в 2021 год.

В региональном контексте, среди 39 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Кыргызская Республика занимает 23-е место. Авторы исследования отмечают, что основы экономической свободы в стране остаются слабыми, а коррупция и бюрократические препятствия продолжают сдерживать развитие предпринимательской среды [143, с.1].

Индекс экономической свободы оценивается по ряду показателей, включая защиту прав собственности, эффективность судебной системы, уровень коррупции, налоговую нагрузку, свободу бизнеса, торговли и инвестиций. Снижение рейтинга Кыргызстана указывает на необходимость проведения реформ для улучшения этих аспектов и создания более благоприятных условий для предпринимательской деятельности. Создание условий, способствующих снижению барьеров для бизнеса и повышению доверия предпринимателей к государственным институтам, станет ключевым драйвером роста экономики страны.

Таким образом, исследование регуляторной политики в контексте развития предпринимательства в Кыргызской Республике имеет важное значение для разработки практических рекомендаций, направленных на создание благоприятной деловой среды, стимулирование инновационной активности и обеспечение устойчивого экономического роста [112, с.296-300].

Связь темы с крупными научными программами и основными научно-исследовательскими работами заключается в её междисциплинарной направленности и актуальности в контексте глобальных экономических и социальных вызовов. Вопросы развития предпринимательства в условиях государственной регуляторной политики органично вписываются в повестку таких крупных международных инициатив, как Цели устойчивого развития ООН (Sustainable Development Goals, SDGs), Программа ОЭСР по устойчивому экономическому росту и инновациям, а также национальные

программы цифровой трансформации, ориентированные на модернизацию экономик развивающихся стран.

В Кыргызстане данная тематика находит отражение в рамках реализации национальных стратегий, таких как Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики до 2040 года, где вопросы поддержки предпринимательства занимают ключевое место в контексте стимулирования экономического роста, создания рабочих мест и повышения уровня жизни населения [59, с.15-30]. Важную роль играет Программа цифровой трансформации «Санарип Кыргызстан», направленная на внедрение цифровых технологий для повышения эффективности управления, снижения административных барьеров и обеспечения прозрачности в отношениях между бизнесом и государством. Эти инициативы ориентированы на формирование благоприятного предпринимательского климата, повышение инвестиционной привлекательности страны и развитие инновационной экономики. Таким образом, исследование вопросов предпринимательства в рамках регуляторной политики не только соответствует международной повестке, но и способствует реализации стратегических целей Кыргызстана, направленных на устойчивое развитие, модернизацию экономики и интеграцию в глобальные экономические процессы.

Таким образом, тема исследования имеет тесную связь с крупными международными и национальными программами, что подчёркивает её значимость как для теоретической науки, так и для практической реализации в целях экономического и социального развития.

Целью диссертационного исследования является разработка научно обоснованных подходов к формированию эффективной регуляторной политики, способствующей устойчивому развитию предпринимательства в Кыргызской Республике. В основе исследования лежит комплексный институционально-аналитический подход к оценке состояния нормативно-правового регулирования, административных и транзакционных барьеров, а также потенциала цифровизации и международных инструментов в

повышении качества регуляторной среды. Исследование направлено на выявление ключевых ограничений предпринимательской активности, выработку адаптированных рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере предпринимательства, с учетом региональных особенностей, глобальных трендов и задач интеграции в международные экономические процессы.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть теоретико-методологические основания предпринимательства как социально-экономической системы, функционирующей в рамках формальных и неформальных институтов, с учётом междисциплинарного подхода и специфики переходных экономик.
2. Осуществить институциональный анализ среды предпринимательства в Кыргызской Республике, выявив исторически сложившиеся поведенческие установки, специфику нормативных ограничений и доминирующие стратегии адаптационного поведения предпринимателей.
3. Провести классификацию и комплексную оценку институциональных барьеров, ограничивающих предпринимательскую активность, с построением институциональной карты и выделением ключевых проблем: правовой неопределенности, коррупции, избыточных процедур, транзакционных издержек и доступа к ресурсам.
4. Разработать концептуальную модель институциональной среды предпринимательства, отражающую взаимодействие государства, институтов развития, инфраструктурных организаций и бизнес-ассоциаций, с акцентом на необходимость согласованного институционального проектирования.
5. Оценить эффективность государственной регуляторной политики в предпринимательской сфере и обосновать направления её институциональной модернизации, включая переход к партнёрским форматам взаимодействия, цифровизацию государственных услуг, внедрение

инструментов оценки регулирующего воздействия и институциональное упрощение процедур.

6. Изучить региональную специфику предпринимательской активности, выявив устойчивые территориальные различия, разработав типологию регионов по уровню предпринимательского потенциала и обосновав необходимость гибкой, дифференцированной регуляторной политики в пространственном измерении.

7. Проанализировать компенсаторную роль малого и среднего предпринимательства в условиях институциональной нестабильности, его значение для устойчивого развития, занятости, экономической диверсификации и формирования среднего класса.

8. Сформировать предложения по трансформации институциональной среды, направленные на укрепление долгосрочной устойчивости, снижение институционального недоверия и расширение возможностей для вовлечения широких слоёв населения в предпринимательскую деятельность.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в развитии теоретико-методологических основ и в формировании научно обоснованных практических рекомендаций по трансформации регуляторной политики в целях стимулирования предпринимательской активности в Кыргызской Республике с позиций институционального и междисциплинарного анализа. В рамках диссертации получены следующие новые научные результаты:

1. Уточнено понятийное содержание дефиниции «регуляторная политика», как институционально оформленная совокупность принципов, процедур и инструментов, посредством которых государство формирует, оценивает и адаптирует среду ведения предпринимательской деятельности с целью достижения баланса между эффективностью регулирования и минимизацией издержек для бизнеса. Указанное определение акцентирует переход от административно-

контрольной модели к стратегически ориентированной политике, обеспечивающей институциональную согласованность между государственными органами и предпринимательским сектором.

2. Переложена авторами концептуальная модель институциональной среды предпринимательства, в которой отражено взаимодействие основных акторов - государства, институтов развития, инфраструктурных организаций и предпринимательских объединений в условиях трансформационной экономики. Предложенная модель позволяет обосновать необходимость перехода к согласованному институциональному проектированию и координации регуляторных решений.

3. Систематизированы и классифицированы ключевые институциональные барьеры развития малого и среднего предпринимательства, включающие правовую нестабильность, избыточность административных процедур, коррупционные издержки и ограниченный доступ к ресурсам. В рамках анализа представлена их структурная организация по уровням действия, что позволило обозначить обобщённую карту институциональных ограничений, характеризующих предпринимательскую среду Кыргызской Республики.

4. Сделана попытка выявления устойчивых региональных различий предпринимательской активности, в результате чего предложена типология регионов Кыргызской Республики по уровню предпринимательского потенциала. Указанная типология может быть использована в целях пространственно-дифференцированной регуляторной политики, ориентированной на выравнивание условий ведения бизнеса и стимулирование активности в периферийных территориях.

5. Предложены авторские подходы к институциональной модернизации регуляторной политики, предусматривающие переход от

административно-контрольной парадигмы к партнёрской модели взаимодействия государства с предпринимательским сектором. Обоснована необходимость внедрения механизмов оценки регулирующего воздействия, цифровизации государственных услуг, развития форм обратной связи и институциональной транспарентности.

6. Проведён сопоставительный анализ зарубежных регуляторных практик, в том числе оценки регулирующего воздействия, регуляторных песочниц, сервисных моделей государственного управления и цифровых платформ. На основе результатов анализа предложены рекомендации по адаптации данных инструментов к национальному контексту Кыргызской Республики с учётом институциональной специфики и ограничений правоприменительной среды.

7. Обоснована институциональная роль малого и среднего предпринимательства как компенсаторного механизма в условиях институциональной нестабильности, обеспечивающего устойчивость и адаптивность экономики в трансформационный период. Показано, что предпринимательство выполняет функцию не только экономической, но и социальной стабилизации, содействуя занятости, диверсификации и формированию среднего класса.

8. Разработана система индикаторов оценки предпринимательской активности, включающая интеграцию международных подходов (GEM, Doing Business, OECD, UNECE) и авторских индикаторов, отражающих специфику национальной институциональной среды. Предложены такие показатели, как индекс предпринимательской плотности, уровень цифровой вовлечённости бизнеса, индекс институционального доверия, степень нормативной адаптивности и др. Представленная система обеспечивает аналитическую и прогностическую основу для формирования адресной и эффективной регуляторной политики.

Практическая значимость диссертационного исследования

заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию регуляторной политики, направленных на стимулирование предпринимательской активности и устойчивое развитие малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике.

Результаты исследования также могут быть применены в разработке национальных и региональных стратегий поддержки предпринимательства, учитывающих отраслевую специфику и социально-экономические особенности различных регионов. Разработанные теоретические положения и практические рекомендации будут полезны для органов государственной власти, бизнес-ассоциаций и образовательных учреждений, способствуя решению задач модернизации экономики и интеграции Кыргызской Республики в глобальные экономические процессы.

Экономическая значимость исследования заключается в его вкладе в разработку и внедрение эффективных инструментов государственной регуляторной политики, направленных на стимулирование роста предпринимательской активности, повышение конкурентоспособности национальной экономики и обеспечение устойчивого экономического развития Кыргызской Республики.

Основные положения, выносимые на защиту, отражают теоретические и практические результаты исследования, которые обладают научной новизной и могут быть использованы для совершенствования государственной регуляторной политики в Кыргызской Республике. Эти положения включают:

1. Уточнено содержание дефиниции «регуляторная политика» применительно к предпринимательской среде в условиях переходной экономики. Обосновано, что регуляторная политика представляет собой институционально оформленную совокупность процедур, принципов и инструментов, направленных на формирование сбалансированной нормативной среды, способной обеспечить снижение транзакционных

издержек, предсказуемость правового поля и адаптивность предпринимательской активности.

2. Разработана концептуальная модель институциональной среды предпринимательства, модифицирующая взаимодействие государства, институтов развития, инфраструктурных организаций и предпринимательских объединений. Модель обоснована с позиции необходимости институциональной согласованности в процессе формирования регуляторной политики.

3. Классифицированы институциональные барьеры, ограничивающие развитие малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике. Представлена их систематизация по уровням воздействия, а также по институциональной природе.

4. Выявлены и эмпирически подтверждены региональные различия в уровне предпринимательской активности, что позволило предложить типологию регионов Кыргызской Республики по уровню предпринимательского потенциала и обосновать необходимость применения пространственно-дифференцированной регуляторной политики.

5. Обоснованы направления институциональной модернизации регуляторной политики, включающие переход от административно-контрольной модели к партнёрской парадигме, внедрение мониторинга регулирующего воздействия, цифровизацию процедур, усиление механизмов транспарентности и институциональной обратной связи.

6. Предложены подходы к адаптации международных практик регулирования предпринимательства, включая применение механизмов регуляторных песочниц, цифровых платформ, инклюзивных форм участия бизнеса в нормотворчестве. Обоснована их применимость в условиях институциональной специфики Кыргызской Республики.

7. Обоснована компенсаторная роль малого и среднего предпринимательства в условиях институциональной нестабильности. Установлено, что данный сектор способствует экономической устойчивости,

занятости и структурной адаптации, играя ключевую роль в преодолении трансформационных кризисов.

8. Разработана система индикаторов оценки предпринимательской активности, включающая количественные и качественные показатели: уровень предпринимательской плотности, степень цифровой вовлечённости, индекс институционального доверия, нормативной адаптивности и др. Представленная система обладает аналитико-прогностическим потенциалом и может применяться при формировании адресных регуляторных решений.

Эти положения направлены на совершенствование теоретических основ и практических подходов к формированию эффективной регуляторной политики, способствующей развитию предпринимательства в Кыргызской Республике.

Личный вклад соискателя заключается в проведении комплексного анализа регуляторной среды, влияющей на развитие предпринимательства в Кыргызской Республике. В рамках эмпирического исследования проведены опросы и интервью с представителями малого и среднего бизнеса, обработаны и интерпретированы полученные данные, что позволило выявить ключевые барьеры и приоритетные направления реформ.

Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе участия соискателя в научных конференциях, круглых столах, дискуссиях и публикации научных статей.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные положения диссертационного исследования опубликованы в 15 научных трудах общим объемом порядка 7 п.л., в том числе публикаций в изданиях, рекомендованных Национальной аттестационной комиссией при Президенте Кыргызской Республики.

Структура и объем диссертации. В соответствии с целью и задачами исследования определены структура и объем диссертационной работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников. Диссертационная работа изложена на 295

страницах компьютерного текста, включает 34 таблиц, 35 рисунков, 161 наименований использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

1.1. Эволюция предпринимательства, его сущность, формы и функции

Эволюция концепций предпринимательства отражает развитие научной мысли и её адаптацию к изменениям социальных, экономических и технологических условий.

Понятие предпринимательства прошло сложный путь развития, отражая изменения социально-экономической структуры общества и эволюцию научной мысли. Исследования, посвящённые этому феномену, можно разделить на несколько этапов, каждый из которых характеризуется своим уникальным подходом.

Классический этап: предпринимательство как носительство риска. Впервые понятие предпринимательства в научный оборот ввёл Ричард Кантильон в XVIII веке. Он определял предпринимателя как субъекта, который действует в условиях неопределённости, принимая на себя риски ради извлечения прибыли. Ричард Кантильон, в своей работе «Очерк о природе торговли в общем» (1730-е гг.) предложил концепцию предпринимателя как ключевой фигуры рыночной экономики. Его подход заложил основу для понимания роли предпринимателя в экономической системе и стал отправной точкой для всех последующих теорий предпринимательства. В своей теории Р. Кантильон акцентировал внимание на двух центральных функциях предпринимателя: управление ресурсами в условиях неопределённости и создание связи между рынками.

Сущность предпринимательства у Кантильона трактуется как деятельность в условиях неопределённости, направленная на получение прибыли за счёт принятия риска. Функции предпринимателя включают управление ресурсами, соединение рынков и принятие экономических

решений при высокой степени неопределённости. Форма предпринимательства в этой концепции универсальна и не дифференцирована, акцент сделан на поведенческой характеристике.

Р. Кантильон считал, что именно управление ресурсами в условиях неопределённости позволяет предпринимателю быть центральной фигурой рыночной экономики. Он писал: «Предприниматель покупает товары или услуги по определённой цене, но продаёт их по неопределённой, рискуя потерять часть своей прибыли или, наоборот, получить выгоду» [140, с. 150]. Современные исследователи, такие как Херберт Саймон, развили эту идею, подчеркнув ограниченную рациональность предпринимателя и его способность принимать решения в условиях асимметричной информации. Р. Кантильоновское понятие предпринимателя как носителя риска остаётся актуальным и сегодня, особенно в анализе стартапов, венчурного бизнеса и высокотехнологичных отраслей, где неопределённость особенно велика.

Р. Кантильон также видел в предпринимателе связующее звено между различными рынками и секторами экономики. Он подчёркивал, что предприниматель не просто использует ресурсы, но и соединяет производителей с потребителями, создавая добавленную стоимость через оптимизацию распределения. Р. Кантильон подчёркивал, что через эту деятельность предприниматель способствует развитию экономики, делая её более устойчивой и интегрированной. Он писал: «Предприниматель — это тот, кто понимает, как использовать различия в ценах и спросе, чтобы принести пользу как себе, так и обществу в целом» [140, с.17-23].

Эта идея нашла отклик в трудах более поздних экономистов, таких как Адам Смит и Жан-Батист Сэй, которые подчёркивали важность предпринимателя как организатора и координатора экономической активности. В современной науке эта концепция используется для анализа глобальных цепочек поставок и трансграничной торговли.

Индустриальная эпоха: предприниматель как организатор производства. В XIX веке Ж.Б. Сэй и А. Смит уже акцентировали внимание на роли

предпринимателя в создании богатства. Ж.Б. Сэй впервые обозначил предпринимателя как посредника между производством и рынком, подчеркивая его организационные способности. А. Смит, в свою очередь, видел в предпринимательстве одну из ключевых функций рыночной экономики, связанную с распределением ресурсов.

Жан-Батист Сэй расширил подход Р. Кантильона, добавив в него организационный аспект. В своей работе «Трактат политической экономии» он описал предпринимателя как субъекта, который соединяет три основных фактора производства - труд, капитал и землю для создания добавленной стоимости. По мнению Ж.Б. Сэя, предприниматель не только управляет ресурсами, но и несёт ответственность за их эффективное использование.

Сущность предпринимательства у Ж.-Б. Сэя заключается в координации факторов производства для создания добавленной стоимости. Основные функции: организационная, логистическая, производственная. Формы предпринимательства, хотя и не выделяются явно, подразумеваются через институционально оформленный бизнес с ответственностью за ресурсы.

Особое внимание Ж.Б. Сэй уделил функции предпринимателя как связующего звена между производством и потреблением. Ж.Б. Сэй писал: «Предприниматель получает ресурсы и управляет ими с целью создания продукта, который будет востребован на рынке» [129, с. 15]. Эта функция подчёркивает стратегическую роль предпринимателя в распределении ограниченных ресурсов, что остаётся актуальным и в современных условиях.

Также, одной из наиболее известных идей Ж.Б. Сэя является его «закон рынков», который утверждает, что «предложение создаёт свой собственный спрос». В этом контексте предприниматель играет роль координатора, который обеспечивает соответствие между созданием продукции и её потреблением. Закон Ж.Б. Сэя предполагает, что успешная предпринимательская деятельность устраняет избыточное предложение, поскольку произведённая продукция создаёт доходы, которые потребители используют для покупки товаров и услуг. Хотя закон Ж.Б. Сэя подвергался критике, особенно со

стороны Джона Мейнарда Кейнса, он остаётся важным элементом экономической теории, подчёркивающим значимость предпринимателя в сбалансировании экономических процессов. Ж.Б. Сэй утверждал, что предпринимательская способность предвидеть рыночные потребности и реагировать на них способствует общей экономической стабильности.

Рассмотрение предпринимателя как связующего звена между производством и потреблением актуально и сегодня, где рынок становится всё более сложным и глобализованным. Так, например, в малом бизнесе предприниматели непосредственно взаимодействуют с клиентами, получая обратную связь и адаптируя свои продукты под запросы потребителей, в высокотехнологичных отраслях предприниматели играют стратегическую роль в определении будущего спроса, ориентируясь на перспективные технологии и инновации, в условиях глобализации предприниматели связывают рынки разных стран, обеспечивая не только производство и потребление, но и их международное согласование.

В целом, Ж.-Б. Сэй подчёркивал, что успех предпринимателя зависит от его способности предвидеть рыночный спрос и адаптировать производство к этим требованиям. Эта концепция стала основой для анализа предпринимательской деятельности в классической экономической теории.

Адам Смит, продолживший идеи Ж.-Б. Сэя и известный как отец классической экономики, в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) заложил фундамент для понимания рыночной экономики и предпринимательства. Хотя он не употреблял термин «предприниматель» в современном смысле, его теория предпринимательской деятельности подразумевает центральную роль деловых людей в создании и распределении богатства. Смит считал, что основой экономического прогресса является разделение труда. Он утверждал, что предприниматель играет ключевую роль в организации и координации этого процесса через его основные функции как организация производства, руководство рынком через

«невидимую руку», стимулирование конкуренции и инноваций, создание экономического равновесия.

Сущность предпринимательства у Адама Смита проявляется в частной инициативе, направленной на личную выгоду, которая ведёт к общественному благу. Функции предпринимателя — координация разделения труда, установление рыночного равновесия, мотивация к инновациям. Формы — индивидуальные хозяйствующие субъекты, участвующие в конкурентной рыночной системе.

В концепции А. Смита предприниматель - это агент, который через стремление к собственной выгоде невольно способствует общественному благу. Он писал: «Не от благосклонности мясника, пивовара или булочника мы ожидаем получить свой ужин, а от их заботы о собственной выгоде» [114, с.10]. Таким образом, предприниматели, преследуя личные интересы способствуют эффективному распределению ресурсов через рыночные механизмы.

Теория Адама Смита о предпринимательстве сохраняет свою актуальность и применяется для анализа современных экономических процессов, так например, концепция «невидимой руки» особенно применима в условиях глобальных рынков. Транснациональные корпорации выступают как современные предприниматели, координируя производство и поставки на международном уровне. Например, компании, такие как Amazon или Apple, реализуют идеи А. Смита о разделении труда и эффективной организации ресурсов на глобальном масштабе.

А. Смитовская роль предпринимателя как координатора ресурсов и новатора стала ещё более значимой. Технологические предприниматели, такие как Илон Маск или Джефф Безос, демонстрируют, как рыночная динамика, основанная на индивидуальной выгоде, приводит к созданию инновационных продуктов и услуг, которые преобразуют целые отрасли.

Современные экономисты адаптировали идеи А. Смита для анализа устойчивого предпринимательства. Разделение труда и рыночная конкуренция способствуют более эффективному использованию ресурсов, что важно для

экологически ориентированного бизнеса. Например, предприниматели в области возобновляемой энергетики, такие как разработчики солнечных панелей и ветрогенераторов, реализуют принципы А. Смита, стремясь к личной выгоде и одновременно способствуя общественному благу.

Хотя социальное предпринимательство не было центральной темой в работе А. Смита, его концепция гармонии между личной выгодой и общественным благом применима и здесь. Современные социальные предприниматели, такие как Мухаммад Юнус, создатель Grameen Bank, показывают, как рыночные принципы могут быть использованы для решения социальных проблем, таких как бедность и неравенство.

Цифровые платформы и их компании, такие как Uber или Airbnb, реализуют идею разделения труда, где платформа выступает посредником между предложением и спросом. Эти компании координируют ресурсы так например, труд водителей или жильё владельцев недвижимости, предоставляя их пользователям наиболее эффективным способом.

Теория А. Смита остаётся актуальной для анализа современных экономических процессов, включая инновационное предпринимательство, глобализацию и роль частного сектора в устойчивом развитии.

Несмотря на значимость теории А. Смита, её применение в современных условиях сталкивается с некоторыми ограничениями:

- Игнорирование внешних эффектов. А. Смит недооценивал влияние внешних эффектов, таких как экологический ущерб или социальное неравенство, возникающих в результате деятельности предпринимателей.

- Отсутствие анализа монополий. Хотя А. Смит подчёркивал важность конкуренции, он не рассматривал проблемы, возникающие из-за монополизации рынков, которые актуальны в современных условиях.

Современные экономисты, такие как Джозеф Стиглиц и Пол Кругман, дополнили теорию А. Смита, предложив механизмы государственного регулирования для устранения рыночных провалов.

На рубеже XIX–XX веков Йозеф Шумпетер внёс значительный вклад в теорию предпринимательства, предложив концепцию «креативного разрушения». Он определил предпринимателей как новаторов, которые внедряют новые продукты, технологии или организационные структуры, разрушая устаревшие рыночные механизмы и создавая новые. По мнению Шумпетера, предпринимательство является двигателем экономического развития, а циклы «креативного разрушения» лежат в основе экономического роста [110, с.153].

Шумпетер определяет сущность предпринимательства как инновационную деятельность, разрушающую старые структуры ради формирования новых рынков. Функции: внедрение инноваций, технологических решений, преобразование институциональной среды. Формы — новаторское предпринимательство, стартапы, венчурные структуры.

Й. Шумпетер определяет предпринимателя как субъекта, который внедряет инновации, изменяя структуру экономики. В отличие от традиционного понимания предпринимательства как управленческой функции или посредничества, Й. Шумпетер акцентирует внимание на предпринимателе как инициаторе перемен. Он писал: «Предприниматель — это не просто хозяйственник, а человек, который внедряет что-то новое в экономическую систему, разрывая её привычные циклы» [110, с.155].

Й. Шумпетер утверждал, что экономическое развитие происходит через циклы, которые иницируются предпринимательскими инновациями (рисунок 1.1).

Рисунок 1.1. Циклы экономического развития по Й. Шумпетеру

Этот циклический характер экономического развития был позднее подтверждён другими исследователями, такими как Н. Кондратьев, который связали инновации с долгосрочными экономическими циклами.

Теория Й. Шумпетера остаётся актуальной в анализе инновационного предпринимательства, особенно в высокотехнологичных отраслях. Компании, такие как Apple, Tesla или Google, демонстрируют, как внедрение новых продуктов и технологий трансформирует целые индустрии. Например:

- Apple: Введение iPhone в 2007 году инициировало волну инноваций в мобильной индустрии, изменив способы коммуникации, работы и развлечений.

- Tesla: Инновации в области электротранспорта и аккумуляторов способствовали переходу к экологически чистой мобильности.

Эти компании действуют как агенты «креативного разрушения», заменяя традиционные технологии на новые. Многие правительства разрабатывают программы поддержки инноваций, основанные на идеях Й. Шумпетера и включают а) создание кластеров инноваций, например Кремниевая долина в США и Сколково в России являются примерами того, как государственная политика может стимулировать предпринимательскую активность, б)

финансирование исследований и разработок, как Государственные гранты и налоговые льготы способствуют развитию технологий.

Несмотря на свою значимость, теория Й. Шумпетера имеет ограничения:

Игнорирование социальных эффектов. «Креативное разрушение» может приводить к социальным издержкам, таким как безработица в устаревших секторах.

Риск монополизации. Инновационные компании могут со временем становиться монополистами, подавляя конкуренцию.

Эти аспекты были изучены последователями Й. Шумпетера, такими как Кеннет Эрроу и Уильям Баумоль, которые дополнили теорию анализом роли государственных институтов в предотвращении рыночных провалов.

Неоавстрийская школа экономики, развившая идеи классической австрийской школы, в свою очередь, предложила уникальный взгляд на природу предпринимательства. В рамках этой школы предпринимательская деятельность рассматривается как процесс выявления и использования рыночных возможностей. Израэль Кирцнер, один из ключевых представителей неоавстрийской школы, внёс значительный вклад в теорию предпринимательства, введя концепцию «предпринимательской бдительности» (*entrepreneurial alertness*). Эта теория остаётся актуальной в анализе современных экономических процессов, таких как стартап-экосистемы, венчурный капитал и цифровизация.

Сущность предпринимательства по И. Кирцнеру заключается в способности замечать рыночные возможности и неэффективности. Функции предпринимателя — наблюдательность, адаптация, эксплуатация несбалансированности рынков. Формы — гибкие структуры, работающие в условиях несовершенной информации.

И. Кирцнер писал: «Предпринимательская деятельность не является процессом создания чего-то нового. Она скорее представляет собой акт осознания возможностей, которые уже существуют, но остаются неиспользованными» [47, с.24]. Эта бдительность позволяет

предпринимателю извлекать прибыль, даже не обладая значительными ресурсами или технологическими инновациями и утверждал, что несовершенства рынка как недостаток информации, асимметрия данных или неравномерное распределение ресурсов, создают дисбалансы, которые открывают возможности для предпринимателей. Предприниматель, обладая бдительностью, выявляет такие ситуации и быстро адаптируется, чтобы извлечь выгоду.

В условиях цифровизации и глобализации концепция предпринимательской бдительности особенно актуальна для анализа стартап-экосистем. Предприниматели, создающие стартапы, часто основываются на выявлении рыночных возможностей, которые не были замечены крупными корпорациями. Примеры включают такие компании как Uber, Airbnb, где были использованы недовольство потребителей традиционным сервисом и внедрили платформу, связывающую водителей и пассажиров, туристов и арендаторов.

Платформы, такие как Amazon или Alibaba, успешно адаптировались к изменениям в потребительских предпочтениях, воспользовавшись возможностями, связанными с ростом интернета и мобильных технологий. Эти компании продемонстрировали бдительность в выявлении спроса на удобные, масштабируемые и персонализированные сервисы посредством электронной коммерции.

Финтех-компании, такие как PayPal, Stripe или Revolut, также используют концепцию предпринимательской бдительности из-за растущей потребности в упрощении финансовых транзакций и предоставили пользователям инновационные платформы для онлайн-платежей.

Современные технологии, такие как искусственный интеллект и большие данные, усиливают возможности предпринимательской бдительности. Предприниматели используют аналитические инструменты для выявления рыночных трендов, анализа потребительского поведения и прогнозирования

спроса. Например, компании, работающие в сфере предиктивной аналитики, помогают бизнесу принимать более обоснованные решения.

Несмотря на свою значимость, теория предпринимательской бдительности сталкивается с рядом ограничений, в числе которых:

- невозможность измерения бдительности, поскольку достаточно трудно количественно оценить или измерить бдительность, что ограничивает её применение в эмпирических исследованиях;

- игнорирование институциональных факторов, поскольку теория И. Кирцнера недостаточно учитывает влияние правовой, культурной и экономической среды на предпринимательскую активность;

- недооценка инноваций, поскольку подход И. Кирцнера уделяет меньше внимания радикальным инновациям, сосредотачиваясь на адаптации и использовании существующих возможностей.

Обозначенные аспекты были предметом обсуждения среди экономистов, таких как Фридрих Хайек и Дуглас Норт, предложивших дополнить теорию И. Кирцнера анализом институциональной среды и роли государственного регулирования.

Уже в XXI веке предпринимательство рассматривается через призму междисциплинарных исследований, которые включают экономику, социологию, психологию, нейронауки и экологические аспекты. Современные теории акцентируют внимание на человеческих факторах, таких как когнитивные способности, эмоциональный интеллект и социальные связи.

Появляется поведенческая экономика, которая как междисциплинарное направление, объединяет элементы классической экономической теории и психологии, предлагая новые подходы к анализу принятия решений. В контексте предпринимательства поведенческая экономика изучает, как когнитивные и эмоциональные факторы влияют на поведение предпринимателей в условиях неопределённости и риска. Теория помогает понять, почему предприниматели часто отклоняются от рационального выбора, полагаясь на интуицию, эвристики и субъективные оценки.

Работы таких учёных, как Ричард Талер, Даниэль Канеман и Амос Тверски [140], заложили основу для анализа предпринимательского поведения с учётом когнитивных искажений, что делает этот подход особенно актуальным для изучения современной предпринимательской среды.

Несмотря на её применимость, поведенческая экономика сталкивается с критикой:

Сложность количественной оценки, что значит эмоции и когнитивные искажения трудно измерить и провести эмпирический анализ.

Некоторые эффекты, такие как стадное поведение, могут проявляться только в определённых культурных или экономических условиях, что приводит к контекстуальной зависимости.

Использование поведенческой экономики для управления поведением может приводить к манипуляциям, например, в маркетинге.

Тем не менее, государство и международные организации используют принципы поведенческой экономики для стимулирования предпринимательской активности посредством обучения, направленные на развитие у предпринимателей навыков объективного анализа рисков, или разработки налоговых льгот и субсидий, минимизирующих страх потерь у начинающих предпринимателей.

Дуглас Норт, один из основателей современной институциональной теории, трактовал институты как совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих социальные и экономические взаимодействия в обществе [63, с. 50]. К формальным институтам он относил законы, регламенты, налоговые системы и договорные обязательства, которые создают структурированную основу для функционирования экономики. Неформальные институты, в свою очередь, включают социальные нормы, традиции и культурные ценности, оказывающие значительное влияние на поведение экономических агентов. Норт подчёркивал, что качество институтов играет ключевую роль в определении эффективности экономической деятельности, включая развитие предпринимательства, поскольку именно

институты обеспечивают предсказуемость, стабильность и снижение неопределённости в экономических процессах, тем самым способствуя устойчивому росту экономики.

Сущность предпринимательства в институциональной теории формируется через взаимодействие с институтами — как ограничениями, так и стимулами. Функции предпринимателя — интерпретация и использование институтов, минимизация транзакционных издержек. Формы — формализованный бизнес в рамках институционального поля.

Институциональная теория утверждает, что предприниматели адаптируют свои действия в зависимости от институциональной среды. Институты в свою очередь, определяют:

- правила входа на рынок (лицензирование, регистрация бизнеса, налоговая политика);
- доступ к ресурсам (финансовая система, защита прав собственности, механизм разрешения споров);
- стимулы и ограничения (субсидии, налоги, регуляторные барьеры).

Например, в странах с сильной защитой прав собственности предприниматели склонны инвестировать в долгосрочные проекты, в то время как в условиях правовой нестабильности они могут избегать рисков и предпочитать неформальные договорённости.

Фридрих Хайек и Дуглас Норт имеют важное концептуальное значение для экономической науки и предпринимательской деятельности, поскольку их подходы дают глубокое понимание процессов, влияющих на развитие экономики [133].

Дуглас Норт акцентировал внимание на необходимости взаимного дополнения формальных и неформальных институтов, подчеркивая, что их гармоничное взаимодействие является важным условием эффективности институциональной среды. Формальные институты, такие как законы и регламенты, становятся малоэффективными в ситуациях, когда они не подкреплены соответствующими культурными нормами и традициями.

Например, антикоррупционные меры не приносят должного результата в обществах с высокой толерантностью к коррупционным практикам, поскольку отсутствует поддержка со стороны общественных ценностей и поведения [135, с.10].

Оливер Уильямсон расширил рамки институциональной теории, введя концепцию транзакционных издержек, которые представляют собой затраты, связанные с поиском информации, проведением переговоров и обеспечением выполнения договорённостей. Он отметил, что предприниматели стремятся минимизировать эти издержки, что делает эффективные институты фундаментальным условием успешного экономического взаимодействия. Качественные институты способствуют снижению неопределённости, обеспечивают предсказуемость и создают условия для более продуктивного ведения бизнеса [146, с. 35].

Основной вклад Ф. Хайека заключается в его концепции спонтанного порядка и теории децентрализованного знания. Он утверждал, что рынки наиболее эффективны, когда решения принимаются децентрализованно, а не регулируются государством. Это особенно важно для предпринимательства, поскольку инновации и инициативы возникают из свободных действий отдельных экономических агентов [126, с. 10-19]. Ф. Хайек также подчеркивал значимость правовых рамок для функционирования рыночной экономики, что связано с регуляторной политикой.

Дуглас Норт фокусировался на институтах как ключевом факторе долгосрочного экономического роста. Он выделял роль формальных и неформальных институтов, которые обеспечивают предсказуемость и снижают транзакционные издержки [135, с. 14]. Это напрямую связано с предпринимательством, так как стабильные и предсказуемые институциональные условия стимулируют бизнес-активность. Д. Норт также подчеркивал важность адаптации институтов к изменениям в экономике, что актуально для регулирования инновационного предпринимательства.

Обе концепции обосновывают важность регуляторной политики, основанной на создании благоприятной институциональной среды, которая поддерживает предпринимательскую инициативу, минимизирует барьеры и способствует экономическому росту.

Несмотря на свою значимость, институциональная теория сталкивается с критикой:

Принцип каузальности, ведь не всегда очевидно, что именно слабость институтов или экономическая отсталость является источником проблем.

Теория акцентирует внимание на институциональной среде, но игнорирует личные качества и мотивацию предпринимателей. Формирование и адаптация институтов занимает длительное время, что может тормозить развитие предпринимательства.

Институциональная теория играет ключевую роль в понимании того, как правила и нормы влияют на предпринимательскую активность. Она показывает, что качественные институты создают условия для эффективного ведения бизнеса, снижения транзакционных издержек и устойчивого роста. В современных условиях глобализации, цифровизации и экологических вызовов институциональная теория становится важным инструментом для разработки стратегий поддержки предпринимательства и экономического развития.

Значимо влияние на предпринимательскую активность теории культурных измерений. Культурные различия играют ключевую роль в формировании предпринимательской активности в различных странах. Герт Хофстеде, один из ведущих исследователей в области межкультурного менеджмента, разработал модель культурных измерений, которая помогает объяснить, как культурные особенности общества влияют на экономическое поведение, включая предпринимательство. В своей работе «Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values» (1980 г.) Г. Хофстеде предложил несколько измерений культуры, среди которых особое значение для предпринимательства имеют индивидуализм, дистанция власти и толерантность к неопределённости [124, с. 26].

Сущность предпринимательства в культурологическом подходе раскрывается через влияние ценностей и норм на предпринимательскую активность. Функции — адаптация к культурной среде, учет социальных ожиданий, стратегическая гибкость. Формы — локализованное предпринимательство, отражающее специфику культурных предпочтений.

Высокий уровень индивидуализма стимулирует предпринимательскую активность, так как люди в таких обществах склонны брать на себя личную ответственность за риск и успех. Индивидуалистические культуры, такие как США, Великобритания и Австралия, характеризуются высокой степенью стартап-активности и ориентацией на инновации. Например, американская культура предприимчивости поощряет креативность, независимость и готовность идти на риск.

Коллективистические культуры, такие как Китай, Индонезия или Япония, склонны поощрять сотрудничество и командные подходы. Это может ограничивать индивидуальную предпринимательскую активность, но создавать условия для кооперативных форм бизнеса, таких как семейные компании или кластеры.

Дистанция власти отражает степень неравенства между людьми в обществе и принятие этого неравенства. В странах с высокой дистанцией власти, такие как Индия, Россия или Саудовская Аравия, предприниматели чаще зависят от формальных правил, иерархии и связей с властными структурами.

Низкая дистанция власти в странах, таких как Швеция, Нидерланды или Новая Зеландия, стимулирует демократические процессы в принятии решений и гибкость в управлении. Предприниматели в таких культурах имеют больше возможностей для самостоятельных действий и реализации инновационных идей.

В странах с высокой дистанцией власти предприниматели могут быть сдерживаемы бюрократией и необходимостью согласования своих действий с властями или вышестоящими руководителями. Это ограничивает возможности

для внедрения радикальных инноваций, но способствует устойчивости традиционных бизнес-моделей.

Толерантность к неопределённости описывает степень, в которой люди готовы принимать неопределённость и риск в своей жизни. Это измерение имеет прямое отношение к предпринимательской активности, поскольку предпринимательство неизбежно связано с рисками и неопределённостью.

Культуры с высокой толерантностью к неопределённости (например, США, Великобритания, Австралия) более склонны поддерживать предпринимателей, которые готовы экспериментировать и пробовать новые идеи. Такие общества стимулируют стартапы и инновационные проекты, несмотря на высокую вероятность неудач.

Культуры с низкой толерантностью к неопределённости (например, Япония, Греция, Португалия) склонны избегать рисков, предпочитая стабильность и предсказуемость. Предпринимательская активность в таких странах может быть ограничена из-за чрезмерного акцента на безопасности и страхе неудачи.

Несмотря на её значимость, в теории Г. Хофстеде существуют определенные критические аспекты:

- обобщение культурных особенностей может не учитывать индивидуальные различия и субкультурные нюансы.
- культурные измерения меняются со временем, что делает некоторые выводы Г. Хофстеде менее актуальными для современных условий [107, с. 210-211].

Первоначальные исследования Г. Хофстеде были основаны на данных одной корпорации IBM, что может ограничивать их универсальность.

Особое место занимает экологическое и социальное предпринимательство, ориентированное на решение глобальных проблем, таких как изменение климата, бедность и социальное неравенство. Это направление рассматривает предпринимательство не только как инструмент

создания экономической прибыли, но и как средство достижения устойчивого развития.

Эволюция концепции предпринимательства демонстрирует переход от экономико-центрированного подхода к междисциплинарному анализу. Сначала предпринимательство рассматривалось исключительно как экономическая деятельность, связанная с риском, затем как процесс организации производства. На современном этапе предпринимательство интегрирует инновационные, социальные и культурные аспекты, отражая сложность и многообразие современных вызовов.

Каждая из рассмотренных теорий представляет собой значимый вклад в понимание природы предпринимательства, её функций и влияния на экономическое развитие. Завершая анализ теоретических подходов к изучению концепций предпринимательства, можно сделать следующие обобщения (Таблица.1.1)

Таблица 1.1.- Сравнительный анализ эволюции предпринимательских концепций

Теоретический подход	Сущность предпринимательства	Ключевые функции	Преобладающие формы	Контекст предпринимательской среды
Классическая школа (Р. Кантильон)	Предприниматель - это экономический агент, действующий в условиях неопределенности, который покупает по известной цене и продает по неизвестной, принимая на себя риск. Сущность заключается в способности работать в условиях рыночной	Принятие риска, соединение производства и потребления, создание рыночных связей, формирование цен.	Недифференцированные формы, универсальная предпринимательская роль без институциональной спецификации.	Формальные институты почти не рассматриваются, предприниматель действует в условиях минимального государственного вмешательства.

	нестабильности			
Классическая и неоклассическая школа (Ж.-Б. Сэй, А. Смит)	Сущность заключается в организации факторов производства с целью получения прибыли и обеспечения эффективности обмена. Предприниматель — это координатор ресурсов.	Координация, управление, обеспечение рентабельности, повышение эффективности.	Индивидуальные и семейные хозяйства, мелкие торгово-ремесленные предприятия.	Рынок рассматривается как саморегулируемая система, где роль институтов ограничена, а регулирование минимально.
Инновационная теория (Й. Шумпетер)	Предприниматель — агент нововведений, который осуществляет 'созидательное разрушение', трансформируя экономику через инновации.	Инновационная деятельность, внедрение новых товаров, услуг и методов производства, разрушение устоявшихся рыночных структур.	Стартапы, инновационные компании, технологические предприниматели.	Необходимость адаптации институциональной среды к новым формам бизнеса. Институты должны поддерживать инновации.
Неоавстрийская школа (И. Кирцнер)	Сущность предпринимательства — в бдительности и способности замечать рыночные диспропорции. Предприниматель действует на основе информации и предвидения.	Восстановление рыночного равновесия, реагирование на скрытые возможности, использование несовершенств в рынке.	Гибкие организационные структуры, платформенные бизнес-модели, цифровые сервисы.	Роль институтов косвенная; акцент на индивидуальной инициативе и способности адаптироваться к рыночной динамике.
Институциональная теория (Д. Норт, О. Уильямсон)	Предпринимательство рассматривается в контексте формальных и неформальных институтов. Сущность определяется доступом к	Институциональная адаптация, снижение транзакционных издержек, правовая интерпретация, структуриров	Юридически оформленные субъекты бизнеса, особенно МСП и крупные корпорации в регулируемой среде.	Институциональная среда является определяющей для предпринимательской активности. Требуется стабильность,

	институтам, правилам и нормам.	ание поведения.		предсказуемость и защита прав собственности.
Культурологический подход (Г. Хофстеде)	Сущность предпринимательства обусловлена доминирующим и культурными установками: индивидуализмом, толерантностью к неопределенности и уровнем дистанции власти.	Адаптация к культурной среде, учет национальных и региональных норм поведения, развитие межкультурной компетенции.	Предпринимательство, формирующееся в зависимости от культурных моделей: семейный бизнес, коллективные формы, этническое предпринимательство.	Институты действуют через культуру, формируя устойчивые модели поведения. Требуется учет культурной специфики при формировании политики поддержки бизнеса.
Поведенческая экономика (Канеман, Тверски, Талер)	Сущность предпринимательства раскрывается через иррациональность, поведенческие паттерны, когнитивные искажения и эмоции. Решения часто принимаются нерационально.	Адаптация в условиях неопределенности, принятие решений под давлением эмоций, управление субъективным риском.	Индивидуальные, малые и средние субъекты, ориентированные на восприятие и личный опыт.	Институциональная среда должна учитывать поведенческие ограничения и проектировать 'мягкие' регуляторные механизмы (nudges, поведенческие стимулы).

Источник: Составлено автором

Классические теории заложили основы анализа предпринимательства как важнейшего элемента рыночной экономики. Научный интерес этих работ заключается в систематизации функций предпринимателя, как например, управление рисками, установление рыночного равновесия, которые до сих пор остаются актуальными в экономической науке. Классические теории остаются актуальными для анализа базовых функций предпринимательства, таких как организация ресурсов и распределение доходов

Теория Й. Шумпетера внесла концептуально новый взгляд на предпринимательство, рассматривая его как движущую силу экономического

прогресса через «креативное разрушение». Инновационность этого подхода заключается в объяснении динамической природы рыночной экономики, в которой старые структуры заменяются новыми через внедрение инноваций [104, с. 56]. Теория Й. Шумпетера объясняет, как инновации способствуют экономическому росту и технологическим трансформациям.

Неоавстрийская школа предложила уникальное понимание предпринимательства как процесса использования рыночных возможностей и восстановления равновесия. Возвышена роль информации, бдительности и спонтанного порядка, что особенно важно в современных условиях цифровизации и глобализации. Неоавстрийская школа предоставляет инструменты для анализа стартапов и платформенной экономики, где ключевую роль играют информация и децентрализация.

Поведенческая экономика добавила психологический контекст в анализ предпринимательской деятельности. Эти исследования выявили, как когнитивные искажения, эмоции и социальные факторы формируют предпринимательское поведение. Исследовательский интерес этого подхода заключается в отказе от традиционного предположения о полной рациональности экономических агентов. Поведенческая экономика помогает понять, как предприниматели принимают решения в условиях неопределённости, что важно для финансового планирования и управления рисками.

Институциональная теория представила предпринимательство как явление, тесно связанное с качеством формальных и неформальных институтов. Значимость этой теории заключается в объяснении того, как институциональная среда создаёт стимулы или барьеры для предпринимателей, что важно для экономической политики. Институциональная теория даёт рекомендации по созданию благоприятной среды для предпринимательства, акцентируя внимание на роли правовых и культурных факторов.

Культурные измерения Г. Хофстеде внесли межкультурное измерение в анализ предпринимательства. Идея подхода заключается в понимании влияния таких факторов, как индивидуализм, дистанция власти и толерантность к неопределённости, на предпринимательскую активность. Культурные измерения Г. Хофстеде имеют особое значение для глобального бизнеса, так как объясняют, как адаптировать стратегии к культурным особенностям разных стран [107, с. 223].

Совокупность представленных теорий демонстрирует, что предпринимательство - это сложное и многогранное явление, которое требует междисциплинарного анализа. Научная новизна заключается в синтезе экономических, социологических, психологических и институциональных подходов, что позволяет:

Охватить как макроэкономические, так и микроэкономические аспекты предпринимательской деятельности.

Учитывать влияние как индивидуальных качеств предпринимателей, так и внешних факторов, включая культуру, институты и технологии.

Создавать более целостное представление о механизмах формирования и развития предпринимательской активности.

Современные вызовы как глобализация, цифровизация и необходимость устойчивого развития подтверждают актуальность и практическую значимость рассмотренных теорий. Каждая из них вносит свой вклад в решение этих задач.

Эволюция теорий предпринимательства демонстрирует их усложнение и интеграцию с другими дисциплинами, что открывает новые перспективы для анализа предпринимательской деятельности и разработки эффективных регуляторных подходов, которые учитывают культурные, институциональные и психологические аспекты.

Представленные теории создают основу для:

- изучения влияния современных цифровых технологий и инновационных технологий на предпринимательство.

- исследования взаимодействия культурных, институциональных и поведенческих факторов в стране и изучение особенностей регионов.

- разработки новых моделей государственной поддержки предпринимательства с учётом инновационных и институциональных особенностей.

Таким образом, представленные теории предпринимательства отражают эволюцию экономической мысли и демонстрируют глубокую взаимосвязь между экономическими, культурными, психологическими и институциональными аспектами, способными объяснять сложные процессы формирования предпринимательской активности и адаптироваться к современным вызовам. В условиях глобализации, цифровизации и необходимости устойчивого развития синтез этих теорий становится ключевым инструментом для анализа и поддержки предпринимательства как движущей силы экономики.

Эволюция теоретических подходов к предпринимательству — от трактовки его как носителя риска до междисциплинарной модели, учитывающей институциональные, поведенческие и культурные факторы — демонстрирует усложнение понимания сущности, форм и функций предпринимательской деятельности.

Это подтверждает, что предпринимательство следует рассматривать не как изолированную экономическую функцию, а как сложную институционально-культурную конструкцию, зависящую от качества регуляторной среды, стабильности институтов и восприятия предпринимателями условий ведения бизнеса.

Такой подход создаёт необходимую теоретико-методологическую базу для анализа институциональных и регуляторных барьеров, влияющих на развитие предпринимательства в Кыргызской Республике, что и составляет предмет настоящего исследования.

1.2. Институциональные теории и подходы к методологии регулирования предпринимательства

Эволюция теоретических подходов к предпринимательству отражает не только изменение понимания его сущности, функций и форм, но и возрастающее внимание к внешним условиям, в которых осуществляется предпринимательская деятельность. Современные концепции всё чаще подчеркивают значимость институциональной среды, в том числе формальных и неформальных правил, определяющих рамки экономического поведения. Это свидетельствует о необходимости рассматривать предпринимательство не как изолированный экономический процесс, а как явление, тесно связанное с качеством институтов, стабильностью правового поля и эффективностью регуляторной политики. В этой связи целесообразно обратиться к институциональным теориям, раскрывающим влияние институтов на предпринимательскую активность и логику государственного вмешательства.

Институциональные теории предпринимательства занимают важное место в современной экономической науке, особенно в контексте изучения трансформационных и развивающихся экономик. Они позволяют выявить сложную систему факторов, влияющих на поведение экономических агентов в условиях институциональной неоднородности и правовой неопределенности. В отличие от неоклассических концепций, основанных на предположении о полной рациональности агентов и совершенной информации, институциональный подход акцентирует внимание на институциональных ограничениях, социальных нормах, формальных и неформальных правилах, которые структурируют поведение предпринимателей. Такой подход позволяет глубже понять причины теневой экономики, неформализации бизнеса, избегания регулирования и недоверия к государственным институтам. В условиях переходной экономики, где формальные институты слабы или нестабильны, именно институциональная перспектива даёт аналитический инструментарий для объяснения устойчивости неэффективных практик и

оценки потенциала институциональных реформ, направленных на формирование благоприятной предпринимательской среды.

Одним из ключевых понятий институциональной теории является «институт». Согласно классическому определению Д. Норта, институты представляют собой «правила игры» в обществе - формальные (законодательство, контракты, правоприменительная практика) и неформальные (традиции, нормы поведения, мораль, культура), которые структурируют поведение людей и организаций[60]. Институты не являются нейтральной оболочкой: они задают рамки допустимого, формируют стимулы и издержки, влияют на распределение ресурсов и доступ к экономическим факторам.

С точки зрения институциональной экономики, предпринимательская деятельность осуществляется не в вакууме, а в рамках определённой институциональной среды, которая формирует рамки допустимого поведения и влияет на принятие решений экономическими агентами. Институциональная среда включает совокупность формальных правил (законодательство, административные регламенты, система разрешений), процедур (механизмы правоприменения, административные процедуры) и неформальных ограничений (традиции, нормы, практики), которые задают предпринимателю поле возможностей и издержек. Как подчёркивает Д. Норт, именно институты, а не только ценовые сигналы, определяют структуру стимулов и обеспечивают предсказуемость поведения в обществе [60, с.25].

В условиях, где институциональные правила стабильны, прозрачны и подлежат исполнению, предприниматели склонны к легальной и долгосрочной экономической активности, в том числе инвестиционной и инновационной. Напротив, институциональная неопределённость - выражающаяся в произвольном правоприменении, коррупции, частом изменении законодательства - формирует поведенческую адаптацию, побуждая бизнес прибегать к неформальным практикам, уходить в тень или минимизировать масштаб операций. Такая ситуация характерна для переходных экономик, где

существует разрыв между формальными институтами и реальной институциональной практикой. Это делает институциональную теорию особенно важной для понимания причин роста неформального сектора, высокой транзакционной нагрузки и институциональной уязвимости предпринимательства.

Д. Норт показал, что формальные институты не могут эффективно работать без поддержки со стороны неформальных институтов - таких как общественные нормы, уровень доверия, традиции и культура. Несовпадение между ними ведёт к институциональным провалам. Например, в странах с высоким уровнем клиентелизма и слабым верховенством права предприниматели ориентируются не на закон, а на персональные связи, коррупционные каналы, неформальные договорённости. Это снижает эффективность.

В развитие институционального подхода к экономике и предпринимательству значительный вклад внёс О. Уильямсон, который предложил четырёхуровневую модель институционального анализа. Эта модель позволяет структурно оценивать взаимосвязь между институтами различной глубины и скоростью изменений, что особенно важно при изучении предпринимательской активности, формирующейся в сложной институциональной среде.

Первый уровень институционального анализа включает *глубинные культурные нормы*, традиции, устоявшиеся поведенческие установки, религиозные догмы и этические принципы. Эти институты обладают высокой устойчивостью и крайне медленно поддаются трансформации (горизонт временного изменения - от 100 до 1000 лет). Несмотря на свою негибкость, они оказывают фундаментальное влияние на предпринимательское поведение, определяя уровень допустимого риска, отношение к инновациям, структуру доверия и социальную легитимацию предпринимательской инициативы.

Второй уровень охватывает *формальные институциональные рамки* - конституции, законодательство, нормы гражданского, налогового,

корпоративного права, а также определённые системы прав собственности и лицензирования. Эти институты уже поддаются изменению на временном интервале 10–100 лет, но по-прежнему обладают инерционностью и требуют высокого уровня согласования между ветвями власти и социальными группами. В контексте предпринимательства именно здесь формируются правовые основания для старта и развития бизнеса: регистрация, лицензирование, защита прав собственности, порядок заключения сделок.

Третий уровень включает *механизмы управления контрактами*, корпоративное управление, структуру взаимодействия внутри фирм, поведенческие стратегии партнёров. Это уровень транзакционного поведения, где формируются институциональные технологии: франчайзинг, сублицензии, венчурные соглашения и др. Предприниматели здесь действуют в рамках не только законов, но и внутренних регламентов, соглашений, стандартов. Изменения на этом уровне происходят быстро (1–10 лет), и предприниматели адаптируются путём реорганизации процессов или изменения рыночной стратегии.

Четвёртый уровень - это *аллокативные механизмы*, то есть краткосрочные решения и поведенческие реакции, которые определяются действующими стимулами, издержками и возможностями. На этом уровне наблюдаются повседневные предпринимательские решения - ценовая политика, выбор контрагента, способ ведения отчётности и т. п. Эти институты являются наиболее динамичными и могут изменяться в течение месяцев или даже недель.

Таким образом, модель Уильямсона демонстрирует, что эффективность предпринимательской активности зависит не только от текущих законов, но и от глубинных культурных и институциональных факторов, находящихся вне поля немедленного воздействия. Для стран с переходной экономикой, таких как Кыргызская Республика, это особенно актуально: поверхностные реформы например, упрощение регистрации или внедрение цифровых сервисов не могут дать устойчивый эффект без согласованного воздействия на более

глубокие уровни институциональной структуры. Регуляторная политика, не учитывающая эти уровни, рискует остаться формальной и неэффективной [147].

Особое значение в рамках институционального подхода приобретают исследования В. М. Полтеровича, который развивает представление о неэффективных институтах, вводя категорию *«институциональной ловушки»*. Под этим термином понимается устойчивое состояние социально-экономической системы, при котором действуют неэффективные, но устойчиво воспроизводимые институты, сохраняющиеся из-за наличия краткосрочной выгоды для большинства участников [86, С. 3].

Институциональные ловушки характерны для переходных и развивающихся экономик и включают такие формы, как: коррупция, низкое качество правосудия, административный произвол, преобладание неформальных механизмов регулирования, теневой характер деловых отношений. Их устойчивость объясняется тем, что при отсутствии действенных механизмов институциональной трансформации участники системы (включая чиновников, судей, предпринимателей) адаптируются к неэффективным правилам и даже получают из этого выгоду — через избежание формальных процедур, неуплату налогов, получение ренты от административных решений и т. д.

Для предпринимательской среды институциональные ловушки чрезвычайно опасны, поскольку они создают высокие системные барьеры для развития бизнеса. В частности, такие ловушки:

- дестимулируют легализацию и формализацию бизнеса, снижая уровень прозрачности и ограничивая доступ к кредитам, инвестициям и господдержке;
- усиливают транзакционные издержки, заставляя предпринимателей включать в расчёты неформальные платежи, бюрократическое давление и издержки правовой защиты;

- подрывают доверие к институтам, что снижает готовность к долгосрочному планированию, инвестициям и расширению бизнеса.

Кроме того, институциональные ловушки имеют эффект самовоспроизводства: поскольку экономические агенты адаптируются к этим условиям, они теряют стимулы к реформированию системы. Например, предприниматель, успешно работающий в условиях теневого сектора, может быть не заинтересован в легализации бизнеса, так как это приведёт к росту затрат и регуляторной нагрузки. Таким образом, выход из институциональных ловушек требует согласованных усилий государства, гражданского общества и самого бизнеса, направленных на трансформацию формальных институтов, повышение доверия и правовую защиту предпринимательской деятельности.

Типология институциональной среды представляет собой важный элемент теоретического анализа, позволяющий классифицировать институциональные конфигурации в разных странах и экономических режимах. Различные исследователи выделяют ключевые параметры, по которым можно группировать институциональные системы: уровень участия государства, степень свободы рынков, стабильность правового поля, открытость институтов, механизмы правоприменения и др. [145].

В современной научной литературе одной из базовых типологий является противопоставление дирижистских и либеральных режимов.

Дирижистская институциональная модель предполагает доминирующую роль государства в регулировании экономических процессов. В рамках этой модели предпринимательская активность формируется и поддерживается преимущественно через государственные программы, субсидии, лицензирование и стратегическое планирование. Подобный подход характерен для стран Восточной Азии (например, Южная Корея, Сингапур в определённые исторические периоды), а также для экономик с авторитарным управлением [136, С.22].

Либеральная институциональная модель, напротив, опирается на рыночный механизм как основной регулятор предпринимательской

активности. Государство здесь выполняет роль арбитра и гаранта прав собственности, не вмешиваясь напрямую в рыночные процессы. Такая модель характерна для англосаксонских стран (США, Великобритания), где институты обеспечивают свободу предпринимательства, снижение барьеров входа и высокий уровень конкуренции [113].

Также в институциональной теории используется дихотомия открытых и закрытых институтов.

Открытые институциональные системы предполагают равный доступ к правам, институтам и возможностям для различных групп предпринимателей. Такие системы способствуют конкуренции, инновациям, притоку инвестиций и устойчивому экономическому росту [135].

Закрытые системы, напротив, характеризуются ограниченным доступом к ресурсам, контролируемым элитами, корпоративными или бюрократическими структурами. В таких условиях предприниматели сталкиваются с неформальными барьерами, административной рентой и необходимостью включения в неформальные сети, что сдерживает развитие малого и среднего бизнеса [141].

Для стран с переходной экономикой, таких как Кыргызская Республика, типичной является смешанная институциональная модель, в которой формальные элементы либеральной системы (законодательство, регистрационные процедуры) сосуществуют с неформальными иерархическими практиками, свойственными дирижистским или закрытым системам. Такая амбивалентность создает институциональную фрагментацию: одни предприниматели адаптируются к рыночным условиям, другие продолжают функционировать в условиях неформального давления и административных соглашений.

Отдельное место в институциональной теории занимает проблема общественного доверия как неформального института, оказывающего глубокое влияние на экономическое поведение и предпринимательскую активность. Согласно Ф. Фукуяме, доверие — это ожидание того, что другие

члены общества будут вести себя в предсказуемой, честной и кооперативной манере, основанной не только на формальных правилах, но и на моральных обязательствах. Высокий уровень доверия способствует сокращению транзакционных издержек, снижает потребность в контроле и мониторинге, а также способствует формированию долгосрочных деловых отношений [123].

В условиях высокого общественного доверия предприниматели более склонны к кооперации, созданию партнерских сетей, обмену знаниями и совместному инвестированию. Возникают устойчивые горизонтальные связи, облегчающие доступ к информации, ресурсам и инновациям. Такая среда способствует формированию кластеров, развитию институтов совместного пользования как бизнес-инкубаторы, кооперативы, деловые ассоциации и т.д и росту устойчивых малых и средних предприятий.

Напротив, низкий уровень доверия формирует среду институциональной разобщенности. В такой ситуации предприниматели склонны минимизировать взаимодействие с внешними контрагентами, действуют в рамках узких, часто этнических или семейных сетей, полагаются на неформальные договоренности и избегают участия в публичных инициативах. Это ограничивает масштабируемость бизнеса, снижает прозрачность и повышает риски транзакций. Кроме того, низкий уровень доверия усиливает спрос на жесткое государственное регулирование, поскольку субъекты не доверяют механизмам саморегулирования и справедливости судебной системы.

Для стран с переходной экономикой, таких как Кыргызская Республика, проблема доверия особенно актуальна. Историческая наследственность, слабые институты правосудия и высокая доля неформального сектора подрывают доверие к государственным структурам, регулирующим органы и другим участникам рынка. Это препятствует развитию прозрачных и устойчивых предпринимательских экосистем, затрудняет внедрение механизмов цифрового регулирования, оценки регулирующего воздействия (RIA) и других форм «умного регулирования», основанного на ответственности и самоконтроле. В результате, даже при наличии формальных

институтов, предприниматели продолжают действовать в логике минимизации рисков и затрат, избегая расширения, формализации и долгосрочных проектов.

Важным дополнением к институциональному подходу является теория поведения, которая учитывает реальные когнитивные и психологические особенности поведения экономических агентов, в том числе предпринимателей. Как показал Г. Саймон, экономические субъекты действуют не в условиях полной информации и рациональности, а в рамках ограниченной рациональности (*bounded rationality*), что означает принятие решений на основе упрощённых моделей реальности, эвристик и повседневного опыта [142]. Для предпринимателей это означает склонность к рутинным стратегиям поведения, особенно в условиях нестабильной институциональной среды. Вместо рационального просчёта всех альтернатив предприниматель опирается на шаблоны, сформированные прошлым опытом, ожиданиями от взаимодействия с институтами и уровнем доверия к ним. В результате реакция на институциональные изменения — такие как регуляторные реформы, цифровизация или налоговые нововведения — может быть асимметричной и нелинейной.

Например, внедрение цифровых инструментов регулирования (электронные сервисы, порталы разрешений, онлайн-бухгалтерия) без предварительного институционального сопровождения - обучения, поддержки, формирования доверия - может привести не к улучшению делового климата, а к росту неформальных практик или уходу бизнеса в тень. Это связано с тем, что в условиях низкого доверия и слабой правовой защищённости предприниматели воспринимают изменения как риск, а не как возможность. Более того, недостаток институциональной последовательности, частая смена правил или противоречие между формальными требованиями и их реальным применением усиливают эффект неопределённости и подталкивают к сохранению привычных, часто неформальных, поведенческих моделей.

Поведенческая институциональная теория таким образом дополняет классические концепции, показывая, что даже при наличии формально «правильных» институтов результативность их функционирования будет зависеть от восприятия, ожиданий и адаптационных стратегий субъектов. В этом контексте государственная регуляторная политика должна учитывать не только нормативный дизайн, но и способы институциональной интернализации — через обучение, стимулирование доверия, вовлечение предпринимателей в совместное проектирование решений [130, С.147].

Институциональный подход важен также тем, что позволяет понять устойчивость неэффективных структур и причины провала «импортированных» реформ. Во многих развивающихся странах попытки заимствования моделей государственного регулирования например, внедрение RIA, дерегулирование, цифровизация, без учета местной институциональной специфики приводят к формализму и бюрократизации процессов. Это показывает, что эффективное регулирование невозможно без понимания реального институционального контекста.

Существенную роль в институциональной динамике играет механизм институциональной трансформации, то есть процесс изменения существующих институтов в направлении повышения их эффективности, прозрачности и адаптивности к меняющимся экономическим условиям. Согласно теоретическим положениям Дж. Кэмпбелла, институциональные изменения не происходят автоматически в ответ на внутренние экономические стимулы. Наоборот, трансформация требует совокупности условий, включающих наличие институциональной конкуренции, внешнего давления со стороны международных организаций, доноров или торговых партнёров, а также внутреннего политико-общественного запроса на реформирование [115, С.25].

Кэмпбелл подчёркивает, что устойчивость неэффективных институтов может быть преодолена только при наличии механизмов, которые создают конкуренцию между альтернативными институциональными практиками, а

также при формировании новых когнитивных рамок, в которых те или иные изменения воспринимаются как легитимные и желаемые. Таким образом, институциональная трансформация — это не только изменение законов или процедур, но и изменение восприятия, норм и доверия, сопровождающееся институциональным обучением и адаптацией.

В условиях Кыргызстана примером направленного институционального вмешательства выступает внедрение механизма анализа регулирующего воздействия (АРВ).

Как показывает практика, в странах успешная институциональная трансформация требует не только заимствования передовых моделей регулирования, но и формирования среды, в которой новые институты будут восприняты как легитимные и эффективные. В противном случае даже хорошо спроектированные инструменты как RIA, «регуляторные песочницы», электронное лицензирование и др. могут остаться формальными или превратиться в дополнительные административные барьеры. Следовательно, устойчивость трансформации возможна лишь при сочетании нормативных реформ с когнитивным и культурным сдвигом в отношениях между государством и бизнесом.

Таблица 1.2 – Сравнительный анализ институциональных подходов к предпринимательству

Автор / Теория	Ключевые категории	Воздействие на предпринимательство	Методологическое значение
Д. Норт (неоинституционализм)	Формальные и неформальные институты, правила игры, транзакционные издержки	Институты задают стимулы и издержки; стабильность институтов стимулирует развитие бизнеса	Основа для анализа барьеров и институциональной среды ведения бизнеса
О. Уильямсон (институциональная иерархия)	Четыре уровня анализа: культура, формальные правила, контракты, поведение	Предприниматель зависит от всех уровней: от ценностей до контрактной среды	Даёт многоуровневую структуру для анализа регуляторной среды и реформ

В. Полтерович (институциональные ловушки)	Устойчивые неэффективные институты, самоусложняющиеся практики	Создают системные барьеры, усиливают неформальность, дестимулируют рост	Анализ устойчивых ограничений и стратегий выхода из институционального тупика
Ф. Фукуяма (доверие как институт)	Неформальные механизмы координации, горизонтальные связи, культурный капитал	Высокое доверие снижает издержки и развивает кооперацию; низкое — ограничивает рост	Подчеркивает значимость культуры и социальных норм для предпринимательства
Дж. Кэмпбелл (трансформация институтов)	Институциональные условия изменений, внешние и внутренние драйверы реформ	Трансформация требует легитимности, давления и когнитивной адаптации бизнеса	Даёт инструменты для анализа реформ и программ трансформации (например, RIA)

Источник: Составлено автором

Таким образом, институциональный подход к анализу предпринимательства позволяет глубоко осмыслить природу барьеров, сдерживающих развитие деловой активности в странах с переходной экономикой. В отличие от неоклассических теорий, институциональный анализ акцентирует внимание на роли правил, норм и механизмов принуждения, определяющих доступ к ресурсам, защиту прав собственности и уровень транзакционных издержек.

Теоретические модели, разработанные Д. Нормом, О. Уильямсоном, В. Полтеровичем, Дж. Кэмпбеллом, Ф. Фукуямой и другими учёными, позволяют объяснить, почему формальные реформы оказываются неэффективными без учета культурных установок, доверия, устойчивых неформальных практик и поведенческих реакций субъектов.

Для Кыргызской Республики, где наблюдается институциональная фрагментация и высокая доля неформального сектора, применение институционального подхода является не просто теоретическим инструментом, а необходимым основанием для диагностики текущей регуляторной среды и формирования устойчивой предпринимательской

политики. Институциональные теории задают методологическую рамку для последующего анализа регуляторных механизмов, восприятия бизнеса и выработки рекомендаций по институциональной трансформации, что соответствует целям и задачам данного исследования.

1.3. Генезис теоретических аспектов к концепции государственного регулирования предпринимательской деятельности

Как отмечено в предыдущем параграфе, институциональный подход позволяет глубоко раскрыть природу предпринимательства как социально-экономического феномена, зависящего от качества формальных и неформальных институтов. Особую роль в этом контексте играет государство, выступающее не только гарантом прав собственности и правоприменения, но и активным участником формирования институциональной среды. Формальные институты - нормы, законы, административные процедуры - являются результатом государственной деятельности и служат основой регуляторной системы. Это обуславливает необходимость перехода от общего институционального анализа к рассмотрению конкретных теоретических подходов к государственному регулированию предпринимательской деятельности как важнейшего элемента институциональной архитектуры современной экономики.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности представляет собой сложную и многогранную категорию, отражающую вмешательство государства в рыночную экономику с целью формирования благоприятной деловой среды, минимизации рыночных провалов и обеспечения устойчивого социально-экономического развития. В рамках институциональной экономической теории регулирование рассматривается не как исключение из рыночного равновесия, а как необходимый элемент институциональной архитектуры, формирующий поведенческие стимулы, ограничивающий оппортунистическое поведение и обеспечивающий

устойчивость предпринимательской среды в условиях информационной асимметрии и транзакционных издержек.

В классических экономических подходах А. Смита, Д. Рикардо, где предпринимательство рассматривалось как деятельность, развивающаяся в условиях саморегулирующегося рынка, роль государства ограничивалась обеспечением безопасности, правопорядка и защиты частной собственности. Однако в условиях цикличности экономических кризисов и социальной поляризации неолиберальная модель подверглась критике.

С позиций кейнсианской теории, особенно в работах Дж. М. Кейнса, государство обязано вмешиваться в экономику для обеспечения эффективного совокупного спроса, сглаживания циклических колебаний, снижения уровня безработицы и стимулирования инвестиционной активности, включая поддержку предпринимательства в периоды экономической нестабильности.

Современные подходы к государственному регулированию предпринимательства можно разделить на несколько методологических направлений.

Первый - «неолиберальный подход», в основе которого лежит концепция минимального государства - минимизация налогов, дерегулирование, приватизация. Он получил развитие в 1980-е гг. в политике «рейганомики» и «тетчеризма». В рамках данного подхода предпринимательство рассматривается как самоорганизующаяся система, нуждающаяся лишь в защите базовых прав и функционировании конкурентных рынков [142, с. 305.]

Практическая реализация указанных теоретических подходов может быть прослежена в государственной политике ряда зарубежных стран. Так, принципы неолиберального регулирования в полной мере воплощены в экономической политике США и Великобритании в 1980–1990-х годах: приватизация государственных предприятий, дерегулирование рынков, снижение налогов и сокращение участия государства в экономике. Эти меры основывались на идее минимизации вмешательства государства и укрепления саморегулирующегося рынка [142, с.310].

Второй — «институциональный подход», в котором государство выступает как ключевой институт, определяющий правила игры и обеспечивающий правовую и экономическую инфраструктуру. При этом государственное регулирование направлено не на замещение рынка, а на его корректировку, т.е. устранение информационных асимметрий, снижение транзакционных издержек, защиту прав собственности, контроль за монополиями. Теоретиками данного подхода выступают Д. Норт, О. Уильямсон, Дж. Ходжсон [133, С.8].

Институциональный подход к регулированию получил широкое распространение в странах Европейского союза. В частности, Германия демонстрирует эффективное сочетание формальных институтов (жёсткие стандарты, антимонопольная политика, система корпоративного права) с механизмами поддержки МСП и устойчивыми общественными нормами. Здесь государство не заменяет рынок, но создает условия его стабильного функционирования, выступая гарантом справедливых правил [137, с.34].

Третий — «поведенческий (бихевиористский) подход», опирающийся на результаты исследований Канемана, Талера, Саймона и поясняющие когнитивные искажения и ограничения рационального поведения предпринимателей. Здесь государство рассматривается как «архитектор выбора», способный через мягкое вмешательство (nudging) направлять поведение экономических агентов без прямого принуждения. Такие методы эффективны при цифровизации регуляторной среды, внедрении электронных сервисов, упрощении процедур и минимизации бюрократических барьеров.

Поведенческие подходы активно используются в Сингапуре, Нидерландах и странах ОЭСР, где внедрены инструменты «мягкого регулирования» (nudge-regulation). Например, в Сингапуре цифровые сервисы государственных услуг (открытие бизнеса, подача отчётности) сопровождаются интерактивными подсказками и автоматическими сценариями поведения, что снижает нагрузку на предпринимателя и повышает предсказуемость среды.

В дополнение к этим подходам, в современной литературе, широко применяется «комплементарный (смешанный) подход», согласно которому государственное регулирование должно быть адаптивным и учитывать институциональную специфику страны. Подчёркивается, что универсальные подходы, как например, дерегулирование, приватизация не работают без учёта контекста - уровня развития институтов, правоприменительной практики, доверия, политической стабильности. Исследования Д. Родрика и Дж. Стиглица подчёркивают, что успешные примеры развития предпринимательства в различных странах не связаны с универсальными рецептами, а опираются на гибкие модели государственного регулирования, адаптированные к национальному институциональному контексту, уровню развития правовой системы и качеству государственного управления.

Комплементарный или смешанный подход применяется в странах Восточной Азии (Южная Корея, Япония), где сочетание стратегического государственного планирования с гибкими рыночными инструментами позволило достичь высоких темпов роста. Государство в этих странах действует как стратегический партнёр бизнеса, обеспечивая инфраструктуру, координацию и поддержку инноваций, не разрушая при этом рыночные стимулы.

Таким образом, целями государственного регулирования предпринимательства, согласно обобщённому научному подходу, являются: обеспечение экономической безопасности, развитие конкурентной среды, снижение издержек ведения бизнеса, поддержка инноваций, устранение негативных внешних эффектов, защита общественных интересов и стимуляция роста МСП. При этом эффективность регулирования зависит от качества нормативной базы, прозрачности процедур, профессионализма регулирующих органов и степени вовлечённости предпринимательского сообщества.

Инструментарием регулирования, в зависимости от подхода, выступают:

- административные меры (лицензии, разрешения, проверки);

- налогово-бюджетная политика;
- институциональное проектирование;
- оценка регулирующего воздействия;
- механизмы публично-частного диалога;
- цифровые платформы;
- регуляторные песочницы.

Особую роль приобретают гибкие и поведенческие инструменты, минимизирующие контакт бизнеса с чиновником и увеличивающие предсказуемость среды.

Современная парадигма регулирования постепенно смещается в сторону «проактивной регуляторной политики», при которой государство не просто корректирует рыночные сбои, но и создает условия для формирования предпринимательских экосистем. Эта модель активно применяется в странах ОЭСР, а также адаптируется в ряде государств Центральной Азии, включая Казахстан и Узбекистан, где внедряются цифровые регуляторные инструменты, снижаются издержки и развивается платформа взаимодействия с бизнесом.

В целом, теоретические подходы к государственному регулированию предпринимательской деятельности показывают, что эффективность вмешательства государства в экономику зависит не столько от масштаба регулирования, сколько от качества институтов, гибкости инструментов и уровня доверия между государством и предпринимателями.

Понимание этих подходов позволяет выстроить аналитическую рамку для оценки регуляторной среды Кыргызской Республики и последующего проектирования институциональных реформ, что является необходимым условием для формирования благоприятного предпринимательского климата, стимулирования деловой активности и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Институциональные теории подчёркивают, что устойчивое развитие предпринимательства невозможно без стабильной и предсказуемой

институциональной среды, в которой ключевую роль играет государство как носитель формальных институтов. Качество правового поля, степень регуляторной нагрузки, эффективность механизмов правоприменения — всё это находится в сфере прямой или косвенной ответственности государственных структур. Следовательно, для полноценного понимания условий функционирования предпринимательства необходимо обратиться к теоретическим подходам, объясняющим цели, модели и инструменты государственного регулирования предпринимательской деятельности как важнейшего институционального механизма.

В теоретико-методологическом плане важно разграничить понятия «государственное регулирование» и «регуляторная политика», которые нередко употребляются как взаимозаменяемые, однако отражают разные уровни воздействия государства на предпринимательскую среду.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности в широком смысле представляет собой целенаправленную деятельность государственных институтов, направленную на установление, изменение и обеспечение соблюдения правил ведения бизнеса, с целью обеспечения баланса интересов государства, общества и предпринимателей [87, с.101].

В узком смысле регулирование предполагает систему правовых, организационных и экономических мер, используемых государством для воздействия на экономическое поведение субъектов предпринимательства.

Термин «регуляторная политика» трактуется как совокупность принципов, целей, методов и инструментов, используемых государственными структурами для проектирования и реализации нормативно-правовых решений в отношении бизнеса. Она включает в себя оценку последствий регулирования, мониторинг нормативной нагрузки, институциональную координацию и обеспечение транспарентности регулирующих решений. [81]

В теоретико-экономической литературе категории «государственное регулирование» и «регуляторная политика» нередко рассматриваются как взаимозаменяемые. Однако в рамках современной институциональной

методологии между ними проводится важное содержательное разграничение, имеющее как концептуальное, так и прикладное значение для оценки предпринимательской среды.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности трактуется как система нормативно-правовых, организационных, фискальных и административных мер, реализуемых государственными институтами с целью воздействия на поведение субъектов рынка и обеспечения общественно значимых результатов. Согласно А.И. Соловьёву, это форма прямого или косвенного вмешательства государства в экономику, направленная на обеспечение баланса интересов государства, общества и бизнеса, защиту прав собственности, снижение рисков, преодоление рыночных провалов и поддержку приоритетных отраслей [87, с. 112]. Содержательно данная категория охватывает весь спектр механизмов взаимодействия государства с предпринимателями — от лицензирования и налогового администрирования до санкционного контроля и государственных субсидий.

В научной литературе российских авторов существует ряд подходов к определению сущности государственного регулирования предпринимательской деятельности и регуляторной политики. Так, О.В. Флоря трактует государственное регулирование как совокупность методов и способов воздействия государства на экономику и предпринимательство, реализуемых через соответствующий правовой режим [106, с. 124]. В.П. Орешин рассматривает регулирование как деятельность органов власти, направленную на упорядочение рыночной экономики и достижение общественно значимых результатов [77, с.18].

В научной литературе Кыргызстана государственное регулирование предпринимательской деятельности рассматривается через призму перехода от централизованной к рыночной экономике, подчёркивая роль государства в формировании благоприятной бизнес-среды и правовой базы.

Так, по мнению Т.К. Камчибекова, одним из ключевых направлений государственной политики в сфере поддержки малого и среднего

предпринимательства является организация эффективного обеспечения и расширения полномочий региональных и муниципальных органов власти в вопросах регулирования деятельности МСП. При этом подчёркивается необходимость соблюдения единства общегосударственных стратегических ориентиров, правовой системы и информационного пространства [39, с.64].

Как отмечает С.А. Турсунова, в условиях переходной экономики одной из приоритетных функций государства в сфере развития предпринимательства является создание благоприятной институциональной среды, способствующей устойчивому функционированию и росту деловой активности. В числе ключевых направлений государственной поддержки, по мнению автора, следует выделить обеспечение доступа предпринимательских структур к финансовым ресурсам, формирование условий для накопления и инвестирования собственных средств, содействие научно-техническому прогрессу и внедрению инновационных технологий, а также предоставление помощи в снабжении материально-техническими ресурсами. Особое значение придаётся развитию системы информационной поддержки субъектов предпринимательства. Кроме того, среди основных организационных форм поддержки рассматриваются меры по стимулированию внешнеэкономической деятельности предпринимателей и созданию специализированных государственных органов, ориентированных на поддержку данного сектора [103, 11.]

Р.Т. Ибраимов в своей диссертации подчёркивает, что государственное регулирование предпринимательства базируется на принципах рыночной организации экономики, необходимости государственного вмешательства и эффективности процесса принятия решений [37].

С.Ж. Жоробекова отмечает, что формирование рыночной экономики в Кыргызстане осуществляется в рамках предпринимательского права с применением элементов публичного права, что выходит за рамки чисто гражданско-правового регулирования [32, с. 125].

В трактовке Э.С. Омурзаковой, государственное регулирование предпринимательской деятельности представляет собой целенаправленное воздействие государства на сферу предпринимательства, ориентированное на формирование благоприятных социально-экономических и правовых условий для её устойчивого развития [80].

Сравнительный анализ показывает, что государственное регулирование выступает как инструментальное проявление государственной власти в экономике, то есть реализует уже принятые решения и директивы. В то время как регуляторная политика является метауровнем, где вырабатываются подходы, определяются цели и проектируются механизмы самого регулирования. Различие касается не только понятийной глубины, но и институциональной логики: если государственное регулирование формируется на уровне министерств и ведомств, то регуляторная политика требует координации между государственными и общественными структурами, вовлечения экспертного сообщества и оценки воздействия на заинтересованные стороны.

В научной литературе Кыргызстана термин *«регуляторная политика»* пока не получил широкого и систематического освещения. Тем не менее, в отдельных источниках он встречается и используется в контексте государственных документов и программ направленных на регулирование предпринимательской деятельности. Так, в «Словаре терминов по государственному и муниципальному управлению» под редакцией А.А. Акматалиева, К.Б. Шадыбекова и А.А. Исраилова регуляторная политика определяется как совокупность методов и способов воздействия государства на экономику и предпринимательскую сферу, реализуемых как внутри страны, так и за её пределами. Правовая реализация этих методов и способов формирует соответствующий правовой режим регулирования [8, с.113].

Таким образом, несмотря на ограниченную распространённость термина в отечественной научной среде, регуляторная политика трактуется как неотъемлемый элемент институционального механизма управления

предпринимательской деятельностью и частью государственной экономической стратегии.

Практическое значение этого различия особенно важно для стран с переходной экономикой, таких как Кыргызская Республика. Здесь нередко наблюдается гипертрофированное использование инструментов государственного вмешательства (лицензий, проверок, штрафов) при отсутствии полноценной регуляторной политики, ориентированной на оценку эффективности, сокращение издержек и развитие предпринимательской среды. Отсутствие института регуляторной оценки последствий нормативных решений либо его формальный характер, низкий уровень прозрачности и правоприменительной практики приводят к перегрузке бизнеса административными барьерами и институциональной неопределённости.

Следовательно, эффективная институциональная трансформация требует не только реформирования текущих инструментов регулирования, но и внедрения полноценной регуляторной политики как стратегического направления развития государственной экономической политики. Только при условии системного сочетания этих двух элементов возможно формирование устойчивой и конкурентоспособной предпринимательской среды, отвечающей задачам экономического роста, инвестиционной привлекательности и инновационной активности.

Следует подчеркнуть, что в рамках настоящего диссертационного исследования категория *регуляторной политики* рассматривается не в контексте анализа конкретных нормативно-правовых актов Кыргызской Республики, а в качестве концептуального инструмента институционального анализа.

Такой подход позволяет сосредоточиться на теоретическом осмыслении качества регуляторной среды, степени её согласованности с интересами предпринимательского сектора, а также на выявлении ключевых факторов, влияющих на эффективность взаимодействия между государством и бизнесом. Использование данной категории способствует формированию целостной

методологической базы для последующего анализа институциональных условий развития предпринимательства в условиях переходной экономики.

В контексте диссертационного исследования предлагается рассматривать регуляторную политику как более узкую, но стратегически ориентированную категорию. В отличие от традиционного регулирования, регуляторная политика не только отвечает на вопрос *«что и как регулировать»*, но и ставит вопросы *«зачем»*, *«какими средствами»*, *«какой эффект это даст»*. Поэтому предлагается рассматривать регуляторную политику в следующем изложении:

Регуляторная политика - это институционально оформленная совокупность принципов, процедур и инструментов, посредством которых государство формирует, оценивает и адаптирует среду ведения предпринимательской деятельности с целью достижения баланса между эффективностью регулирования и минимизацией издержек для бизнеса.

В отличие от традиционного административного регулирования, регуляторная политика ориентирована не на контроль и вмешательство, а на повышение качества регулирующих решений через научно обоснованное проектирование норм, участие заинтересованных сторон, цифровизацию процедур и обеспечение прозрачности.

В условиях переходной экономики регуляторная политика выступает как стратегический механизм институционального развития, направленный на формирование предсказуемой, адаптивной и стимулирующей предпринимательской среды. В отличие от общего государственного регулирования, регуляторная политика ориентирована не столько на прямое вмешательство в экономику, сколько на повышение эффективности регулирующих решений, обеспечение прозрачности, снижение транзакционных и административных издержек, а также институциональное согласование интересов государства и бизнеса.

В качестве концептуальной категории регуляторная политика включает следующие элементы:

- оценку регулирующего воздействия;

- вовлечение заинтересованных сторон в процесс нормотворчества;
- оптимизацию регуляторной среды через цифровизацию;
- институциональное обучение и развитие компетенций органов власти.

Таким образом, регуляторная политика выступает не только как управленческая практика, но и как инструмент институционального развития, обеспечивающий формирование предсказуемой, рациональной и стимулирующей среды для предпринимательской активности в условиях глобализации, конкуренции, рисков и других факторов.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

2.1. Структурные предпосылки и историческая динамика предпринимательства

Историческое развитие предпринимательства в Кыргызстане прошло через несколько этапов, каждый из которых отражает адаптацию экономической деятельности к изменениям социально-экономических условий и политического контекста.

Первый этап развития предпринимательства в Кыргызстане, охватывающий дореволюционный период до конца XIX века, представляет собой важный исторический контекст, который характеризуется традиционным укладом хозяйственной деятельности, тесно связанным с природными, географическими и социально-культурными условиями региона. Экономическая активность в этот период основывалась на кочевом скотоводстве, ремесленничестве и торговле, которые играли центральную роль в обеспечении жизнедеятельности местного населения. Структура предпринимательства была мало диверсифицированной, а экономические отношения имели преимущественно натуральный характер [84, с. 442]

Ключевой особенностью предпринимательства этого периода было доминирование кочевого скотоводства как основного вида хозяйственной деятельности. Кыргызстан, обладая благоприятными природными условиями для выпаса скота, развивал крупное и мелкое животноводство. Продукция скотоводства, такая как шерсть, кожа, мясо и молочные продукты, не только обеспечивала потребности местного населения, но и служила основой для обмена на ремесленные изделия и товары, привозимые из соседних регионов. Скотоводческая экономика была тесно связана с сезонными миграциями, что определяло высокую мобильность и адаптивность местных предпринимателей.

Другой значимой сферой экономической деятельности было ремесленничество. Ремесленные центры в регионе специализировались на изготовлении ковров, войлока, ювелирных украшений, оружия, посуды и других изделий из металла, дерева и шерсти. Ремесленники, как правило, работали в рамках семейного производства, передавая свои навыки из поколения в поколение. Продукция ремесленного производства пользовалась спросом не только внутри региона, но и за его пределами, что способствовало укреплению экономических связей с соседними территориями.

Особое место в экономике занимала торговля, которая развивалась благодаря стратегическому расположению Кыргызстана на Великом шелковом пути. Караванная торговля связывала регион с Китаем, Персией, Индией и другими странами, что в значительной степени способствовало интенсивному обмену товарами. В эту эпоху торговля носила преимущественно межрегиональный характер, а её организация требовала высокого уровня мобильности, знания географии, языка и традиций. Торговые сделки заключались устно, что подчеркивало важность доверительных отношений между участниками. Базары и ярмарки, которые регулярно проводились в крупных поселениях, становились важными экономическими и социальными центрами, где происходил обмен товарами и информация.

Культура предпринимательства в этот период была глубоко укоренена в традициях и общественных ценностях. Экономическая активность регулировалась не только спросом и предложением, но и этическими нормами. Важную роль играли взаимопомощь, коллективизм и уважение к договорным обязательствам. В условиях отсутствия формальных институтов регулирования экономических отношений предпринимательство опиралось на личные связи и доверие. Кроме того, успешные предприниматели часто использовали свои доходы для поддержки общины, что укрепляло их социальный статус.

Несмотря на свою адаптивность, предпринимательство в этот период оставалось ограниченным по масштабам и уровню развития. Оно зависело от

природных ресурсов, сезонности и стабильности межрегиональных связей. При этом политическая нестабильность, внешние угрозы и отсутствие инфраструктуры создавали значительные вызовы для предпринимателей.

Таким образом, первый этап развития предпринимательства в Кыргызстане характеризовался традиционной структурой экономики, доминированием кочевого скотоводства, развитием ремесленничества и караванной торговли, а также сильной зависимостью от социально-культурных норм и природных условий. Эти особенности определяли специфику хозяйственной деятельности, формируя устойчивую, но ограниченную экономическую систему, в рамках которой предпринимательство выполняло вспомогательную роль в обеспечении благосостояния общин. Важно подчеркнуть, что в условиях отсутствия формализованных институтов предпринимательская активность регулировалась преимущественно неформальными механизмами — обычаями, устными договоренностями и личными отношениями. Это сформировало устойчивую институциональную модель, опирающуюся на доверие и коллективные нормы, что в дальнейшем определило склонность бизнеса к неформальным практикам. По Д. Норту, такие неформальные институты являются медленно изменяющимися и задают траекторию развития формальных структур [133, с.4]. Ф. Фукуяма подчеркивал роль общественного доверия как основы для горизонтальных связей в условиях дефицита эффективного правового регулирования [122]. Следовательно, историческая предпринимательская модель Кыргызстана задала институциональные предпосылки для доминирования адаптивного и доверительного поведения в современной экономике.

Второй этап развития предпринимательства в Кыргызстане охватывает период интеграции региона в состав Российской империи, который начался во второй половине XIX века и продолжался до Октябрьской революции 1917 года. Этот этап, по всей видимости, характеризуется существенными изменениями в экономической структуре региона, обусловленными

расширением связей с внешним миром, внедрением новых форм хозяйствования и началом индустриализации. Подобные трансформации, как можно утверждать, отражают влияние колониальной политики Российской империи, которая стремилась включить экономику Средней Азии в общую хозяйственную систему империи [51, с. 27].

Прежде всего, следует отметить, что присоединение территории Кыргызстана к Российской империи в значительной мере способствовало внедрению элементов товарного производства и формированию первых зачатков промышленного предпринимательства. В этот период началось освоение природных ресурсов региона, в частности добыча угля, золота и других полезных ископаемых, что стало возможным благодаря строительству инфраструктуры, включая дороги и мосты. Появление горнодобывающих предприятий, а также небольших перерабатывающих производств можно рассматривать как важный этап в развитии региональной экономики. Тем не менее, данные предприятия, как правило, контролировались переселенцами и представителями центральных властей, что, безусловно, ограничивало доступ местного населения к возможностям промышленного предпринимательства.

В торговле наблюдались значительные изменения, что объясняется расширением рыночных связей региона с другими частями Российской империи. Строительство железных дорог и улучшение транспортной инфраструктуры способствовали увеличению объёмов торговли, что, в свою очередь, создавало благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности. На местных базарах активно велась купля-продажа как традиционных товаров, таких как шерсть, скот и ремесленные изделия, так и новых промышленных продуктов, импортируемых из центральных регионов империи.

Следует подчеркнуть, что в этот период начала формироваться новая социальная группа – мелкие торговцы и ремесленники, которые постепенно адаптировались к изменяющимся экономическим реалиям. Эти предприниматели, используя ограниченные ресурсы, стремились занять своё

место в новой рыночной системе. Однако их экономическая активность часто ограничивалась как недостатком капитала, так и отсутствием системной государственной поддержки.

Особое значение для развития предпринимательства имело постепенное изменение социальной структуры. В регионе начали возникать элементы оседлого хозяйствования, что, как можно предположить, стимулировало развитие земледелия, ирригационной инфраструктуры и местного производства. Вместе с тем, колониальная политика Российской империи, направленная на эксплуатацию ресурсов региона, создавала значительные социально-экономические диспропорции. Предпринимательская активность местного населения оставалась ограниченной из-за отсутствия доступа к финансовым ресурсам и институциональной поддержки, что, несомненно, способствовало сохранению преимущественно натурального характера экономики.

Культура предпринимательства в этот период также претерпела изменения. Если на предыдущем этапе экономическая деятельность регулировалась в основном традициями и устоявшимися социальными нормами, то в рассматриваемый период начинают внедряться новые формы взаимодействия. Коммерческие соглашения становились более формализованными, а роль письменных контрактов и долговых обязательств возрастала. Вместе с тем, доверие и личные связи продолжали играть важную роль в регулировании предпринимательских отношений, особенно среди местного населения.

Таким образом, второй этап развития предпринимательства в Кыргызской Республике можно охарактеризовать как период перехода от традиционного уклада к более сложной, интегрированной в рыночную систему хозяйственной модели. В этот период наблюдается становление промышленного производства, расширение торговли и начало институционализации предпринимательской деятельности. Однако предпринимательство оставалось ограниченным по масштабам, сталкиваясь с барьерами, связанными с

социально-экономической структурой и политикой колониального государства. Эти особенности представляются важными для понимания дальнейшего развития предпринимательства в условиях смены политических и экономических систем в последующие исторические периоды. При этом сохранялось доминирование неформальных практик и низкий уровень вовлечения местного населения в формальные институты предпринимательства. Институциональные ловушки, о которых писал В. Полтерович, проявлялись в воспроизводстве неэффективных механизмов доступа к экономическим ресурсам, монополизации административных решений и закреплении барьеров к формализации бизнеса [86, с.5].

Третий этап развития предпринимательства в Кыргызской Республике охватывает период с установления советской власти в 1917 году до распада Советского Союза в 1991 году. Этот этап, по своей сути, стал временем радикальных изменений в экономической системе и преобразования традиционных форм хозяйствования. Основной чертой данного периода было ликвидирование частного предпринимательства как самостоятельной экономической деятельности и замена его государственным регулированием, коллективизацией и централизованным планированием. Следует отметить, что данный этап был обусловлен не только социально-экономическими трансформациями, но и идеологическими установками, направленными на отказ от рыночной экономики в пользу плановой системы.

С установлением советской власти предпринимательство в традиционном понимании перестало существовать. Частная собственность была упразднена, а экономическая активность сосредоточилась в руках государства. Как можно утверждать, в этот период основной формой организации хозяйственной деятельности стали коллективные и государственные предприятия. Артели, колхозы и совхозы замещали традиционные частные хозяйства, в то время как промышленное производство находилось под полным контролем государства. Это, в значительной мере, ограничивало свободу предпринимательской

инициативы, так как все ключевые аспекты экономической деятельности регулировались центральными плановыми органами.

Экономическая структура региона претерпела значительные изменения. Коллективизация, начавшаяся в 1920–1930-е годы, изменила традиционный уклад кочевого скотоводства, переводя его в рамки колхозно-совхозной системы. Ирригационные проекты, проводимые под контролем государства, способствовали развитию сельского хозяйства, которое было ориентировано на обеспечение потребностей всей страны. Следует подчеркнуть, что это привело к упрощению структуры хозяйства, где предпринимательская активность сводилась к участию в государственно-контролируемых производственных процессах.

Вместе с тем, определённая форма предпринимательства сохранялась в рамках кооперативного движения. Артели, которые занимались производством товаров народного потребления, ремонтом и переработкой сырья, представляли собой одну из немногих возможностей для реализации экономической инициативы. Однако, как можно предположить, деятельность таких структур оставалась строго регламентированной, а их экономическая эффективность была ограниченной из-за централизованного планирования и бюрократического контроля.

Важно также упомянуть о развитии промышленного производства в Кыргызстане, которое в значительной степени определялось стратегическими целями Советского Союза. В годы индустриализации 1930-х годов на территории республики были построены предприятия горнодобывающей и перерабатывающей промышленности. Кроме того, во время Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) Кыргызская Республика стала важным тыловым регионом, что способствовало усилению роли государственных промышленных предприятий. Тем не менее, местное население оставалось преимущественно занятым в сельском хозяйстве, что, по всей видимости, указывало на структурные дисбалансы экономики [111, с. 7].

Культура предпринимательства в этот период претерпела значительные изменения. Рыночные отношения, характерные для предыдущих этапов, были практически полностью вытеснены. Экономическая активность строилась на основе коллективной ответственности и идеологической преданности социалистическим принципам. Взаимопомощь и коллективизм, которые ранее были частью традиционного предпринимательства, теперь стали официальной частью государственной идеологии. Однако, несмотря на эти изменения, элементы неформальной экономической активности, такие как мелкая торговля и кустарное производство, продолжали существовать в тени официальной системы, особенно в сельских районах.

Таким образом, третий этап развития предпринимательства в Кыргызстане можно охарактеризовать как период полной трансформации экономической системы, связанной с заменой рыночных отношений централизованным планированием и государственной собственностью. Предпринимательство в традиционном понимании было вытеснено, а его место заняли коллективные формы хозяйствования. Тем не менее, остаточные элементы экономической инициативы сохранялись в рамках кооперативного сектора и неформальной экономики. Этот этап, по всей видимости, подготовил почву для будущих изменений, которые произошли после распада Советского Союза, когда предпринимательство стало одним из ключевых факторов экономического восстановления и развития. Несмотря на формальное исчезновение частного сектора, неформальные предпринимательские практики сохранялись, особенно в виде кустарного производства и бытовой торговли. Это подтверждает идею институциональной инерции: даже при изменении формальных правил поведение предпринимателей сохраняло черты, унаследованные из прошлого.

Современные тренды в секторе малого, среднего и крупного бизнеса в Кыргызстане, по своей сути, отражают динамику глобальных экономических процессов, локальные вызовы и особенности национальной экономики. Следует отметить, что развитие предпринимательской деятельности в стране

характеризуется как позитивными изменениями, такими как внедрение инноваций и цифровизация, так и ограничениями, связанными с экономической нестабильностью, недостаточной инфраструктурой и административными барьерами. Малый, средний и крупный бизнес демонстрируют разные тенденции, которые, в значительной мере, формируют облик национальной экономики.

Как можно утверждать, малый бизнес играет ключевую роль в обеспечении занятости населения и формировании доходов. В последние годы наблюдается стремительное развитие электронных платформ и онлайн-торговли, что обусловлено ростом проникновения интернета и цифровых технологий. Малые предприятия активно используют социальные сети и маркетплейсы для продвижения своих услуг и продукции, что позволяет им минимизировать затраты и расширять клиентскую базу. Вместе с тем, существует высокая зависимость малого бизнеса от внутреннего спроса, что делает его уязвимым перед экономическими кризисами. Кроме того, недостаток доступа к кредитным ресурсам и сложность административных процедур остаются существенными барьерами для роста и развития малого предпринимательства.

Средний бизнес, в свою очередь, демонстрирует более устойчивую динамику и играет важную роль в диверсификации экономики. Следует подчеркнуть, что именно в сегменте среднего бизнеса активно внедряются современные технологии и инновации, особенно в таких секторах, как агропромышленный комплекс, информационные технологии и услуги. Средние компании зачастую выступают мостом между малым и крупным бизнесом, обеспечивая создание новых рабочих мест, развитие экспорта и интеграцию Кыргызстана в международные торговые цепочки. Однако, как можно предположить, для дальнейшего развития среднего бизнеса требуется значительное улучшение инфраструктуры, правовой базы и мер государственной поддержки, что пока остается недостаточно проработанным.

Крупный бизнес в Кыргызстане, по всей видимости, ориентирован преимущественно на экспортно-ориентированные отрасли, такие как горнодобывающая промышленность, энергетика и переработка сырья. Эти предприятия играют важную роль в формировании ВВП страны и привлечении иностранных инвестиций. Как можно утверждать, современные тренды в крупном бизнесе связаны с усилением акцента на устойчивое развитие, экологические стандарты и корпоративную социальную ответственность. Крупные компании стремятся интегрировать экологические и социальные аспекты в свою стратегию, что обусловлено как международными требованиями, так и растущими ожиданиями со стороны общества. В то же время, высока зависимость крупных предприятий от внешних рынков и конъюнктуры мировых цен на сырьевые ресурсы, что делает их уязвимыми перед глобальными экономическими потрясениями.

Ключевым трендом для всех категорий бизнеса в Кыргызстане является цифровизация. Развитие цифровых технологий, таких как электронные платежи, автоматизация процессов и онлайн-управление бизнесом, в значительной мере меняет традиционные модели ведения предпринимательской деятельности. Малые и средние предприятия используют цифровые решения для оптимизации процессов и снижения издержек, в то время как крупные компании инвестируют в создание цифровых экосистем. Однако, следует отметить, что цифровизация сопровождается вызовами, такими как недостаток квалифицированных кадров, слабая технологическая база и низкий уровень цифровой грамотности в отдельных регионах.

Таким образом, современные тренды в секторе малого, среднего и крупного бизнеса в Кыргызстане можно охарактеризовать как этап, сочетающий перспективы роста с серьёзными вызовами. Важнейшими направлениями развития остаются внедрение инноваций, цифровизация, устойчивое развитие и интеграция в международные рынки. Несомненно, преодоление текущих барьеров и реализация потенциала всех категорий

бизнеса требует комплексных усилий со стороны государства, бизнеса и международных партнёров, что, по всей видимости, станет решающим фактором для будущего экономического роста страны.

Анализ основных характеристик этапов развития предпринимательства в Кыргызской Республике позволяет выделить ключевые тенденции и проблемы, определяющие динамику данного процесса. Исторически предпринимательство в стране прошло путь от доминирования индивидуальной и семейной торговли в постсоветский период к постепенному формированию более структурированного сектора малого и среднего бизнеса [98, с.259].

Особенности кыргызского предпринимательства, сформировавшиеся под влиянием исторического развития и этапов его формирования, отражают как специфику национальной культуры, так и последствия социально-экономических трансформаций. Автор предлагает выделить следующие особенности, выделяющие сущностный подходы к формированию «кыргызского предпринимательства»:

- доминирование мелкого и семейного бизнеса. Исторически предпринимательство в Кыргызстане основывалось на традициях ремесленничества, торговли и скотоводства, что привело к широкому распространению семейных предприятий. Эти структуры остаются важной формой бизнеса и в современный период, особенно в сельских районах;

- гибкость и адаптивность. Условия нестабильной экономической среды в постсоветский период способствовали формированию у предпринимателей высокой адаптивности. Многие бизнесы ориентированы на краткосрочные выгоды, что связано с ограниченным доступом к долгосрочным финансам и высоким уровнем экономических рисков;

- роль неформального сектора. Важной чертой является значительный масштаб теневой экономики, обусловленный исторически слабой институциональной базой, избыточными административными барьерами и

недоверием к государственным институтам. Это ограничивает возможности для роста формального предпринимательства;

- региональные различия. Экономическое развитие регионов Кыргызстана неоднородно, что отражается на структуре и характере предпринимательства. В южных регионах преобладают традиционные торговые и сельскохозяйственные виды деятельности, в то время как северные регионы, особенно Бишкек, демонстрируют более высокий уровень модернизации и ориентированы на услуги и инновации;

- культурные и социальные влияния. Национальные традиции, такие как поддержка семейных и этнических связей, играют значительную роль в предпринимательской деятельности, включая доступ к ресурсам и формирование бизнес-партнёрств;

- влияние миграции. Значительный объём трудовой миграции за рубеж оказывает влияние на предпринимательство через денежные переводы, которые становятся источником инвестиций в малый бизнес, а также через приобретение мигрантами новых навыков и опыта.

Эти особенности не только определяют самобытность культуры предпринимательства кыргызского народа, но и указывают на необходимость формирования регуляторной политики, учитывающей как историческую специфику, так и современные вызовы для развития предпринимательства в Кыргызстане. Учитывая изложенное, можно заключить, что современные особенности кыргызского предпринимательства являются результатом длительного институционального развития, в ходе которого сложились устойчивые поведенческие шаблоны и доминирующие практики, основанные на историческом опыте. Для формирования эффективной регуляторной политики необходимо учитывать эти глубинные институциональные детерминанты.

Для систематизации институциональных характеристик предпринимательства в Кыргызской Республике в исторической ретроспективе целесообразно обобщить ключевые черты каждого этапа в виде

сравнительной таблицы, позволяющей проследить устойчивость неформальных практик, трансформацию механизмов регулирования и формирование адаптивных поведенческих стратегий предпринимателей.

Таблица 2.1 – Институциональные особенности предпринимательства в Кыргызстане в исторической динамике

Исторический этап	Основные формы предпринимательства	Характер регулирования	Институциональные особенности	Институциональное наследие в современных условиях
Доиндустриальный (до 1917 г.)	Скотоводство, ремесло, торговля на базарах, натуральный обмен	Обычное право, институт аксакалов, нормы адата и шариата	Доминирование неформальных институтов, межличностное доверие, автономность местных сообществ	Сохранение практики устных соглашений, ориентация на неформальные каналы взаимодействия, ограниченное восприятие формальных процедур
Советский период (1917–1991)	Кооперативы, артели, теневой частный сектор	Централизованное планирование, государственный контроль, запрет частного сектора	Искусственное подавление предпринимательской инициативы, правовой нигилизм, административное принуждение	Недоверие к формальным институтам, склонность к уклонению от формализации, низкая правовая культура бизнеса
Переходный этап (1991–2005)	Мелкий частный бизнес, челночная торговля, фермерство	Формальная либерализация при слабом институциональном обеспечении	Неформализация экономики, коррупционные практики, институциональная неопределённость	Закрепление теневых стратегий, фрагментарное соблюдение правовых норм, недоверие к механизмам государственной поддержки
Современный этап (2005–н.в.)	Малый и средний бизнес, торговля, услуги,	Формализованное регулирование с элементами	Постепенное укрепление формальных институтов, сосуществование с	Смешанный характер институциональной среды, высокая зависимость от личных связей, неполное доверие

	цифровой сектор	цифровизации и оценки воздействия	неформальными практиками	к правовой системе, слабая предсказуемость регулирующего
--	--------------------	---	-----------------------------	--

Источник: составлена автором.

Таким образом, предпринимательская среда Кыргызстана формировалась в условиях глубоких институциональных трансформаций, сопровождаемых преобладанием неформальных практик, адаптивных стратегий и доверительных механизмов координации. Историческая эволюция — от обычного права и локальных сообществ до фрагментарной институционализации и цифровизации — предопределила устойчивость специфических поведенческих паттернов, таких как склонность к теневым формам ведения бизнеса, избегание формализации и высокая зависимость от межличностных связей. Учитывая эти институциональные предпосылки, современная регуляторная политика должна учитывать исторически сложившиеся институциональные ограничения и социальные ожидания, влияющие на восприятие предпринимателями регулирующей среды.

2.2. Институциональные барьеры и регуляторная среда предпринимательства

Развитие регуляторной среды в Кыргызской Республике связано с процессами трансформации от плановой экономики к рыночным отношениям, начавшимися в 1990-х годах. Основными задачами регуляторной политики на протяжении трёх десятилетий оставались снижение административных барьеров, создание благоприятных условий для предпринимательства и повышение прозрачности государственного управления. На различных этапах развития страны не только принимались ключевые нормативно-правовые акты, которые формировали правовую основу для регулирования экономики и

деловой среды, но формировалась институциональная среда, способствующая развитию предпринимательства в Кыргызской Республике.

Государственные институты играют ключевую роль в создании и поддержании благоприятной среды для развития предпринимательской активности, что обусловлено их влиянием на формирование институциональных условий, стимулирующих инновации, инвестиции и экономический рост.

В контексте современной экономики институты рассматриваются как «правила игры» которые включают формальные - законодательные и нормативные акты и неформальные - социальные нормы, культурные ценности и структуры, регулирующие взаимодействие экономических агентов (Д. Норт, 1990). Рассмотрим более подробно этапы становления экономического развития страны и сопровождающие -это процесс институциональные реформы.

Распад Советского Союза и провозглашение независимости Кыргызстана в 1991 году стали началом радикальных экономических реформ. Государственная регуляторная политика в этот период была направлена на демонтаж командно-административной системы и переход к рыночной модели экономики. Основное внимание уделялось приватизации государственных предприятий, дерегулированию цен и либерализации внешнеэкономической деятельности.

Этот период характеризуется достаточно сложным экономическим состоянием. После обретения независимости Кыргызская Республика испытала глубокий экономический кризис, вызванный разрывом экономических связей внутри бывшего СССР и переходом к рыночной экономике. В период с 1991 по 1995 годы ВВП страны сократился на 50%, а инфляция достигала трёхзначных показателей [53, с.1]. Промышленное производство упало на 70%, что особенно остро сказалось на занятости и доходах населения.

Отсутствие чёткой регуляторной политики и слабость институциональной среды привели к росту теневой экономики. По оценкам

Всемирного банка, в середине 1990-х годов теневая экономика составляла до 50% от официального ВВП страны [53, с.3]. Это ограничивало поступления в бюджет и снижало эффективность государственного регулирования. Бюрократические барьеры и отсутствие прозрачных правил делали ведение бизнеса крайне сложным. Например, регистрация компании в начале 1990-х годов могла занимать несколько месяцев [17, с.18]. Высокий уровень коррупции. Кыргызская Республика занимала низкие позиции в международных рейтингах восприятия коррупции. В 1996 году страна находилась на 123-м месте из 147 стран, включённых в индекс Transparency International [102, с. 20].

Первый этап можно характеризовать как переходный от плановой к рыночной экономике (1991-2000гг). В это период были предприняты определенные шаги по внедрению регуляторной политики направленные на:

- формирование правовой базы. Принятие закона Кыргызской Республики «о лицензировании» (1997г) способствовало упрощению доступа бизнеса к ключевым рынкам, гражданский кодекс кр (1996г) стал основой для правового регулирования договорных отношений и защиты собственности [22, с.2];

- упрощение административных процедур. В 1998 году начался процесс реформирования системы государственной регистрации предприятий, что позволило сократить время регистрации бизнеса с нескольких месяцев до 21 дня [89, с. 260];

- приватизацию и либерализацию экономики. Приватизация государственных предприятий позволила уменьшить влияние государства на экономику и увеличить долю частного сектора. к 2000 году было приватизировано более 80% предприятий [91, с. 418].

Однако отсутствие институциональной структуры и высокая степень бюрократизации стали значительными препятствиями для предпринимателей. Тем не менее, первые шаги на пути развития предпринимательства дали определенные достижения. Так, количество зарегистрированных предприятий

выросло с 12 тысяч в 1995 году до 32 тысяч к 2000 году, что свидетельствовало о повышении интереса к предпринимательской деятельности [1, с.110]. Формирование рыночной экономики сопровождалось либерализацией цен и приватизацией государственных предприятий.

Период с 2000х по 2010-е годы характеризуется как институционализация регуляторной среды.

На рубеже тысячелетий начался процесс институционализации рыночных механизмов. Государственная регуляторная политика стала более структурированной, с акцентом на создание правовой базы для предпринимательской деятельности. В этот период были приняты ключевые законы, направленные на упрощение регистрации бизнеса, налогового администрирования и лицензирования.

Методология оценки регулирующего воздействия является ключевым инструментом для улучшения регуляторной среды в Кыргызской Республике. Её разработка и внедрение стали важным этапом на пути к созданию эффективной и прозрачной регуляторной системы, направленной на снижение административных барьеров и повышение качества принимаемых нормативно-правовых актов. В настоящем исследовании рассмотрены исторические, юридические и экономические аспекты внедрения АРВ в КР.

К середине 2000-х годов в КР начало формироваться понимание важности анализа регуляторного воздействия. В 2008 году было принято Постановление Правительства КР «О мониторинге регуляторного воздействия», которое закрепило основные положения АРВ. Этот шаг был обусловлен:

- необходимостью адаптации международного опыта;
- растущими запросами предпринимательского сообщества на снижение административных барьеров;
- поддержкой международных доноров, таких как Всемирный банк и ПРООН [86, с. 21].

Разработка полноценной Методологии АРВ началась в 2010 году при активной поддержке международных организаций. Основой стали

рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития, а также лучшие практики стран Европейского Союза и СНГ. Методология была утверждена в 2015 году и включала пошаговые процедуры анализа воздействия принимаемых НПА.

Юридической основой для внедрения АРВ стало Постановление Правительства КР № 650 от 20 ноября 2015 года, которое закрепило требования к проведению анализа регулирующего воздействия. Основные принципы Методологии включали:

- принцип прозрачности, реализуемого посредством участия общественности и заинтересованных сторон;
- принцип эффективности применяемого через оценку экономических, социальных и экологических последствий;
- принцип объективности, реализуемого посредством обязательного использования количественных и качественных методов анализа [55, с. 2].

Методология АРВ была интегрирована в законодательный процесс через обязательность проведения анализа для всех НПА, оказывающих значительное влияние на бизнес-среду. Это стало важным шагом для повышения качества законодательства и сокращения избыточного регулирования.

Для реализации Методологии были созданы специальные структурные подразделения в Министерстве экономики и других государственных органах, ответственные за проведение АРВ. Также был внедрён механизм межведомственного взаимодействия, позволяющий координировать работу различных министерств и ведомств.

Методика устанавливала порядок проведения АРВ и мониторинг эффекта регуляторного применения НПА в развитии бизнес и общественного сектора. С того момента, проекты НПА, регулирующих бизнес-процессы подлежат прохождению процедуры АРВ. Далее, было принято постановление Правительства КР «О методике анализа регулятивного воздействия нормативных правовых актов на деятельность субъектов предпринимательства» от 30 сентября 2014 №559, этим же постановлением

признан утратившим силу постановление Правительства КР 20 декабря 2007 года №603. В данной Методике были определены цели, задачи и порядок проведения анализа регулятивного воздействия. В методике описаны этапы проведения АРВ которые состоят из 10 обязательных действий, создания рабочей группы, описания порядка взаимодействия уполномоченного органа и органа-разработчика АРВ, взаимодействия рабочей группы АРВ и заинтересованных лиц, консультаций рабочей группы с заинтересованными лицами, и порядка разрешения споров в процессе проведения АРВ [55, с. 2].

Внедрение АРВ позволило существенно сократить издержки бизнеса. Например, проведение анализа НПА, касающихся процедур лицензирования, привело к сокращению времени получения лицензий на 30% и уменьшению административных издержек для бизнеса на 20% в 2016–2018 годах [2, с. 193].

Повышение качества регуляторной среды способствовало росту прямых иностранных инвестиций. В 2019 году объём ПИИ увеличился на 12% по сравнению с 2015 годом, что свидетельствует о положительном влиянии АРВ на инвестиционный климат.

Внедрение АРВ способствовало росту доверия со стороны бизнеса и гражданского общества. По данным исследования ПРООН, уровень удовлетворённости предпринимателей качеством регулирования вырос с 35% в 2015 году до 52% в 2020 году.

Внедрение методики анализа регулирующего воздействия (АРВ) сопровождалось не только положительными аспектами, но и рядом проблем, проявившихся на этапе её практической реализации. В частности, отсутствовало чёткое разграничение случаев, когда проведение АРВ не требуется. Это приводило к необходимости согласования и утверждения нормативных правовых актов, не имеющих непосредственного отношения к предпринимательской деятельности, но подпадающих под действие методики. Таким образом, проекты НПА, не затрагивающие предпринимательскую среду, требовали проведения АРВ, что усложняло процесс нормотворчества, увеличивало временные издержки рассмотрения и принятия правовых актов.

Аналогичные трудности возникали в случаях внесения поправок и дополнений в существующие НПА. Эти противоречия способствовали разночтениям и неоднозначным интерпретациям положений методики, а также формировали негативное отношение к АРВ как к инструменту, способствующему улучшению предпринимательской среды.

Дополнительно, процесс реализации АРВ был осложнён несоответствиями установленной методике. Например, требование о создании рабочей группы, включающей юристов, экономистов, финансистов и представителей бизнес-ассоциаций, часто не соблюдалось на практике. Отсутствие функциональности подобных групп приводило к формализации процесса и снижению качества подготовки аналитических материалов по АРВ.

По итогам реализации методики Министерство экономики Кыргызской Республики выявило ряд систематических нарушений. К ним относятся: некорректное определение и описание проблемы, формулировка корневой проблемы как «отсутствие нормативного правового акта», отсутствие точного анализа масштабов проблемы или её неправильное определение. Также часто отсутствовали обоснования необходимости государственного вмешательства, нарушалась логическая последовательность этапов проведения анализа, не проводился правовой, экономический и иной сопутствующий анализ, а также игнорировались результаты общественных обсуждений альтернативных вариантов регулирования.

Помимо этого, проекты АРВ нередко отражали исключительно позицию государственного органа или государства в целом, не предоставляя анализа позитивных и негативных последствий для рассматриваемых вариантов регулирования. Отсутствовали описания норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, а также результаты общественного обсуждения проектов НПА и АРВ. Эти недостатки существенно снижали эффективность методики и её восприятие в качестве действенного инструмента государственного управления [96, с. 81].

В целом, можно заключить, что несмотря на достигнутые успехи, остаются проблемы:

- нехватка квалифицированных кадров;
- слабое использование количественных методов анализа;
- низкая информированность предпринимателей о механизме АРВ.

Разработка и внедрение Методологии АРВ в Кыргызской Республике стали важным шагом на пути к совершенствованию регуляторной среды. Она позволила повысить качество принимаемых НПА, сократить административные барьеры и улучшить инвестиционный климат. Однако для дальнейшего развития АРВ требуется усиление институционального потенциала и активное использование цифровых технологий для автоматизации процессов анализа.

Также, среди значимых шагов следует отметить внедрение системы единого окна для регистрации предприятий, что способствовало снижению бюрократических барьеров. Кроме того, были реализованы меры по сокращению количества регуляторных актов и проведению их анализа на предмет избыточности. Однако высокая степень коррупции и недостаточная прозрачность процессов всё ещё препятствовали созданию устойчивой деловой среды.

В 2000-е годы КР сделала значительные шаги в направлении упрощения административных процедур и повышения прозрачности регулирования. В 2007 году была запущена программа реформ, направленная на снижение регуляторного давления на бизнес.

Основные нормативные акты, принятые в этот период и введение системы «единого окна» для регистрации бизнеса в 2008 году сократило время регистрации предприятий с 21 до 10 дней, что способствовало росту количества новых компаний на 15% в 2009 году [9]. По данным Всемирного банка, в 2010 году Кыргызская Республика поднялась с 96-го на 70-е место в рейтинге «Doing Business» [19, с.24].

Таблица 2.2.- Этапы и основные достижения развития регуляторной политики в Кыргызской Республике

Этапы	Принятые НПА	Значимые результаты	Воздействие на предпринимательство	Ключевые институциональные барьеры
1990–2000-е годы	Закон КР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1991г) Гражданский кодекс КР (1996г) Закон «О лицензировании» (1997г)	Легализация частной инициативы и рыночных отношений. Приватизация более 80% гос. предприятий. Рост числа зарегистрированных предприятий с 12 тыс. до 32 тыс.	Снижение барьеров для входа на рынок. Рост активности малого и среднего бизнеса.	Отсутствие правовой базы, доминирование устных договорённостей, слабое разделение функций государства и бизнеса
2000–2010-е годы	Закон КР «О защите прав предпринимателей» (2002г) Постановление «О мониторинге регуляторного воздействия» (2008г) Введение системы «единого окна» (2008г)	Системный анализ последствий НПА. Сокращение времени регистрации бизнеса с 21 до 10 дней. Улучшение позиции КР в рейтинге 'Лёгкость ведения бизнеса'.	Приток инвестиций. Увеличение числа новых компаний. Создание новых рабочих мест.	Формальное регулирование при фактической неэффективности, отсутствие институтов рыночной конкуренции
2010–настоящее время	Закон КР «О гос. регулировании предпринимательской деятельности» (2016г) Внедрение платформы «Тундук» (2019г) Программа «Цифровой Кыргызстан» (2019г)	Установление принципов минимального вмешательства государства. Цифровизация услуг, повышение прозрачности. Увеличение числа зарегистрированных	Снижение коррупции. Рост доверия бизнеса к госорганам. Повышение инвестиционной привлекательности.	Коррупция, непредсказуемость норм, несогласованность между институтами, избыточные процедуры регистрации

		ных предприятий на 50%.		
--	--	----------------------------	--	--

Источник: составлена автором

Современный этап с 2020г, эволюции государственной регуляторной политики в КР характеризуется стремлением к интеграции в региональные и международные экономические структуры и характеризуется как этап интеграции и устойчивого развития. В рамках Евразийского экономического союза (регуляторная политика приобрела новое измерение, требующее гармонизации национальных стандартов с нормами союза. Это стимулирует модернизацию нормативной базы и улучшение координации между государственными органами.

В целом хотелось бы отметить, что векторным элементом современного этапа является усиление акцента на устойчивое развитие и поддержку малого и среднего бизнеса [40, с. 36].

Определяя значимость развитой институциональной среды и функций каждого института необходимо отметить, что Государственные институты играют ключевую роль в создании и поддержании благоприятной среды для развития предпринимательской активности, что обусловлено их влиянием на формирование институциональных условий, стимулирующих инновации, инвестиции и экономический рост.

Формальные институты обеспечивают правовую определённость и стабильность экономической среды. Надёжная защита прав собственности, прозрачные процедуры регистрации и лицензирования, а также эффективная судебная система снижают транзакционные издержки, повышают доверие к государственным органам и способствуют долгосрочным инвестициям. Например, упрощение административных процедур и цифровизация государственных услуг в странах с развивающейся экономикой привели к увеличению числа зарегистрированных предприятий и повышению их конкурентоспособности.

Законодательные меры, такие как налоговые льготы и субсидии, также стимулируют развитие малого и среднего бизнеса, который является основой экономического роста и социальной стабильности. Государственная поддержка, направленная на создание технологических парков и инновационных кластеров, формирует благоприятные условия для внедрения новых технологий.

Современные реформы в Кыргызской Республике направлены на цифровизацию государственных услуг, снижение коррупционных рисков и обеспечение прозрачности регуляторной среды.

Цифровизация позволила снизить административные издержки бизнеса на 20% в период с 2019 по 2022 годы. Программа «Цифровой Кыргызстан» способствовала увеличению доли онлайн-регистрации бизнеса до 75% в 2022 году [100, с. 191]. Общее число зарегистрированных предприятий увеличилось до 75 тысяч в 2022 году, что на 50% выше уровня 2010 года [79, с. 3].

Несмотря на то, что Государственные институты КР являются важнейшим элементом управления социально-экономическими процессами в стране, однако их развитие сталкивается с рядом серьёзных проблем, обусловленных как историческими особенностями, так и текущими вызовами переходной экономики.

Текущее состояние государственных институтов характеризуется низким уровнем эффективности, недостаточной координацией между различными ведомствами, а также высокой степенью коррупции, что в совокупности ограничивает их способность обеспечивать устойчивое развитие страны.

Одной из ключевых проблем является политическая нестабильность, проявляющаяся в частых изменениях правительства и недостаточной устойчивости государственной политики. Такая ситуация подрывает доверие граждан к государственным институтам, снижает легитимность принимаемых решений и затрудняет реализацию долгосрочных стратегий. Недостаток прозрачности в процессах принятия решений и низкий уровень политической

ответственности создают значительные препятствия для повышения институциональной эффективности.

Коррупция остаётся одним из наиболее серьёзных барьеров для эффективного функционирования государственных институтов КР. Она пронизывает различные уровни управления, включая судебную систему, правоохранительные органы и сферу управления государственными ресурсами. Низкая прозрачность и слабая система контроля создают условия для незаконного присвоения государственных средств, что, в свою очередь, подрывает возможности для развития экономики и социальной сферы.

Частые изменения в законодательстве, а также несовершенство правовой базы усложняют деятельность предпринимателей и инвесторов. Низкий уровень защиты прав собственности, неэффективное исполнение судебных решений и бюрократические барьеры создают значительные транзакционные издержки и снижают привлекательность Кыргызстана для иностранных инвестиций.

Недостаточный уровень финансирования государственных программ, особенно в таких сферах, как образование, здравоохранение и инфраструктура, является ещё одной серьёзной проблемой. При этом имеющиеся ресурсы часто используются нерационально, что усугубляется коррупцией и слабым контролем за их распределением. Ограниченность бюджетных средств также сказывается на невозможности модернизации инфраструктуры и внедрения инновационных технологий в государственном управлении.

Несмотря на предпринимаемые шаги по внедрению электронного правительства, уровень цифровизации государственных услуг остаётся низким. Это приводит к избыточной бюрократии, снижению доступности и прозрачности услуг для граждан, а также ограничивает потенциал повышения эффективности государственного управления.

Государственные органы КР зачастую действуют изолированно, что приводит к дублированию функций, несогласованности действий и низкой эффективности реализации государственной политики. Отсутствие

интегрированного подхода затрудняет решение комплексных задач, таких как борьба с бедностью, развитие инфраструктуры или стимулирование предпринимательской активности.

Также, государственные институты не в полной мере учитывают особенности регионального развития, что приводит к усилению социального и экономического неравенства. Недостаток внимания к нуждам отдалённых регионов усугубляет проблему миграции, снижает уровень социальной защищённости и ограничивает потенциал устойчивого развития.

Государственные институты КР сталкиваются с вызовами глобализации и региональной интеграции. Отсутствие чёткой стратегии в рамках сотрудничества с ЕАЭС и международными финансовыми институтами ограничивает возможности для привлечения инвестиций и повышения конкурентоспособности национальной экономики [8, с. 171].

Обобщая, следует отметить, что государственные институты Кыргызской Республики нуждаются в комплексной модернизации, направленной на повышение их прозрачности, эффективности и адаптивности к современным глобальным вызовам.

Отдельно хотелось бы выделить и неформальные институты, которые играют важную роль в формировании и развитии предпринимательской активности, оказывая значительное влияние на процессы принятия решений, взаимодействие экономических агентов и создание устойчивой деловой среды. Под неформальными институтами понимаются социальные нормы, традиции, обычаи, культурные ценности и другие негласные правила, регулирующие поведение индивидов и групп. Эти институты формируют основу для социального капитала, доверия и взаимного сотрудничества, которые необходимы для эффективного функционирования предпринимательской среды.

Одним из ключевых элементов неформальных институтов является доверие. Высокий уровень доверия в обществе способствует снижению транзакционных издержек, ускорению принятия решений и минимизации

рисков. В предпринимательской деятельности доверие особенно важно при установлении деловых отношений, заключении контрактов и координации совместных действий. Например, в обществах с высокой степенью социальной сплочённости предприниматели могут полагаться на устные договорённости и личные связи, что упрощает процессы сотрудничества. Фактор доверия был учтен в проведении исследования на определение восприимчивости к государственной политике и более подробно описаны результаты в Главе 4.

Социальный капитал, включающий сеть связей, взаимную поддержку и обмен информацией, играет ключевую роль в развитии предпринимательства. Неформальные институты, основанные на культуре взаимопомощи и коллективизма, способствуют созданию деловых объединений, которые оказывают поддержку предпринимателям, особенно на начальных этапах их деятельности. Культурные ценности и нормы, определяющие отношение общества к предпринимательству, формируют степень готовности к поддержке инноваций, инициативы и рисков. В обществах с сильной предпринимательской культурой, таких как США, отмечается высокая толерантность к неудачам и поощрение креативного мышления, что способствует созданию множества стартапов и инновационных компаний. Однако в странах, где традиции склоняются к консерватизму, предпринимательская активность часто ограничивается, что замедляет внедрение новых форм бизнеса и технологий.

Неформальные институты также играют важную роль в создании сетевых структур, способствующих кооперации и доступу предпринимателей к информации, ресурсам и рынкам. Эти связи особенно важны в условиях слабости формальных институтов, компенсируя их недостатки и обеспечивая альтернативные механизмы взаимодействия. Сетевые структуры, основанные на семейных или этнических отношениях, часто используются для привлечения стартового капитала или расширения бизнеса. Таким образом, неформальные институты, несмотря на существующие ограничения,

обеспечивают значительную поддержку предпринимательской деятельности, особенно в условиях бюрократизма и институциональной нестабильности.

Неформальные институты выполняют важную функцию регуляции поведения, особенно в условиях, где формальные институты слабы или неэффективны. Они обеспечивают соблюдение негласных правил через социальное давление, репутационные механизмы и общественное мнение. Например, в небольших сообществах предприниматели могут придерживаться высоких этических стандартов, чтобы не потерять доверие клиентов и партнёров.

Несмотря на свои преимущества, неформальные институты могут создавать барьеры для развития предпринимательства. Например, коррупция, часто являющаяся частью неформальных отношений в обществах с низким уровнем правовой культуры, увеличивает транзакционные издержки и снижает доверие к институтам. Традиции, препятствующие изменениям, могут ограничивать внедрение новых технологий и развитие инновационного бизнеса.

Кроме того, неформальные институты могут создавать избыточную зависимость от личных/семейных связей, что затрудняет развитие прозрачных и равноправных рыночных отношений. Это особенно актуально в Кыргызской Республике, исторически деловая активность часто ограничивается узким кругом лиц, имеющих доступ к ресурсам через неформальные каналы.

Для стран с переходной экономикой, таких как Кыргызстан, неформальные институты играют двойственную роль. С одной стороны, они могут компенсировать слабость формальных институтов, поддерживая предпринимателей через социальные сети и доверие. С другой стороны, негативные проявления неформальных институтов, такие как коррупция или семейные привилегии, могут замедлять экономическое развитие и снижать равенство возможностей для предпринимателей.

Таким образом, неформальные институты оказывают существенное влияние на развитие предпринимательства, поскольку формируют базис для

установления доверия, содействия кооперации и адаптации к рыночным условиям. Вместе с тем, их эффективность в значительной мере определяется уровнем согласованности с формальными институтами, а также их способностью стимулировать инновационную деятельность и предпринимательскую инициативу. В данном контексте представляется важным отметить, что для максимизации позитивного воздействия неформальных институтов необходимо обеспечить создание условий, способствующих их гармонизации с существующей правовой и экономической средой. Особенно актуальной эта задача становится в условиях переходной экономики, характеризующейся институциональной нестабильностью, и на фоне глобальных изменений, требующих адаптации к новым вызовам и возможностям.

Современный этап развития регуляторной среды характеризуется частыми изменениями в нормативной базе, фрагментарным правоприменением и доминированием издержек взаимодействия с государством. По данным опросов бизнеса, ключевыми барьерами остаются непредсказуемость регулирования, сложность администрирования и ограниченность правовой защиты. Как подчёркивает Ф. Фукуяма, доверие к институтам ключевой ресурс экономического взаимодействия, и его дефицит ведёт к замыканию бизнеса на неформальные стратегии [Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. 1995].

Согласно В. Полтеровичу, институциональные ловушки формируются в условиях, когда существующие неэффективные механизмы выгодны большинству участников, а реформы воспринимаются как рискованные [Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы. — 2007]. Для Кыргызстана характерно устойчивое воспроизводство таких ловушек - от коррупции до теневых практик оформления бизнеса. Низкий уровень вовлечения предпринимателей в диалог с государством и слабая транспарентность регулирования лишают систему необходимой обратной связи и корректирующих механизмов.

Таким образом, несмотря на многолетние попытки либерализовать и модернизировать регуляторную среду, предприниматели продолжают сталкиваться с институциональной неопределённостью, высокой стоимостью соблюдения правил и низким уровнем предсказуемости поведения государственных органов. Восприятие предпринимателями регулирования в Кыргызстане формируется не только на основе формальных процедур, но и через призму накопленного опыта, недоверия, ожиданий и стратегий минимизации рисков. Это подчёркивает необходимость смещения акцента с исключительно нормативного подхода к институциональному анализу регуляторной среды.

2.3. Формальные институты регулирования и государственные меры поддержки предпринимательства

Формальные институты в предпринимательской сфере представляют собой закреплённые в нормативно-правовых актах правила, процедуры и механизмы регулирования, призванные обеспечивать правовую определённость, предсказуемость и доступ к экономическим возможностям. Однако эффективность этих институтов определяется не только их наличием, но и качеством реализации, согласованностью и восприятием со стороны предпринимательского сообщества. Система формальных институтов, обеспечивающих регулирование предпринимательской деятельности, включает в себя не только нормативно-правовую базу, но и совокупность организационных, административных, фискальных и цифровых механизмов воздействия со стороны государства. Для обобщения и структурирования указанных элементов целесообразно использовать визуализированную модель регуляторной политики (рисунок 2.1), отражающий основные направления её реализации.

Схема иллюстрирует институционально оформленные подходы к управлению предпринимательской средой, объединяя в себе правовые, организационные и инструментальные компоненты государственной политики. Включение данной схемы в контекст анализа формальных институтов является методологически оправданным, поскольку позволяет наглядно представить, каким образом конкретные инструменты (лицензирование, налогообложение, субсидирование, цифровые платформы и др.) встроены в институциональную архитектуру регулирования. Эти элементы задают формализованные правила поведения для субъектов предпринимательства и одновременно служат индикаторами степени развитости и согласованности государственной регуляторной среды.

Таким образом, схема представляет собой синтетическое обобщение действующих формальных механизмов, через которые осуществляется реализация регуляторной политики и формируется институциональная предсказуемость в предпринимательском секторе Кыргызской Республики (рисунок 2.1).

В представленной схеме обобщены ключевые направления и инструменты государственной регуляторной политики в предпринимательской сфере. Структура отражает комплексный характер государственного воздействия на предпринимательскую деятельность, реализуемого посредством институциональных механизмов. Среди них выделяются налоговое, административное и правовое регулирование, а также финансово-кредитное стимулирование. Особое внимание уделяется созданию условий для цифровой трансформации, финансированию инновационной деятельности, а также снижению барьеров, препятствующих развитию предпринимательства. Таким образом, схема демонстрирует системный подход к формированию благоприятной бизнес-среды и раскрывает содержание государственной поддержки малого и среднего предпринимательства с учётом современного этапа социально-экономического развития.

Рисунок 2.1. Основные направления и инструменты государственной регуляторной политики. Источник: составлен автором.

Кыргызская Республика занимает позицию страны с переходной экономикой, где малый и средний бизнес играет ключевую роль в экономическом развитии.

Правовая инфраструктура МСП в Кыргызстане включает законы, подзаконные акты и национальные программы, направленные на поддержку предпринимателей. Рассмотрим нормативно правовую базу, формирующую развитие предпринимательской среды в КР.

Закон Кыргызской Республики от 11 августа 2021 года №98 «О государственно-частном партнерстве». Закон регулирует взаимодействие частного сектора с государством, включая предоставление доступа к инфраструктурным проектам и финансированию. Однако эффективность его применения ограничена недостаточной институциональной базой. Практическое применение встречает сложности из-за недостаточной

прозрачности конкурсов и слабой мотивации частного сектора участвовать в инициативах.

Закон Кыргызской Республики от 29 декабря 2000 года №15 «О защите прав предпринимателей». Этот нормативный акт направлен на минимизацию административного давления на бизнес, защиту от неправомерных проверок и создания условий для справедливого ведения бизнеса. Несмотря на это, в реальности предприниматели продолжают сталкиваться с коррупцией, непрозрачностью решений контролирующих органов и административными барьерами.

Налоговый кодекс Кыргызской Республики от 18 января 2022 года №3 предполагает ряд льгот для субъектов МСП, включая патентную систему налогообложения и упрощенные режимы для отдельных категорий предпринимателей. Однако предприниматели часто жалуются на сложность отчетности и высокую частоту изменений в налоговом кодексе, что снижает предсказуемость для бизнеса.

Закон Кыргызской Республики от 19 октября 2013 года №195 «О лицензировании отдельных видов деятельности». Закон регулирует порядок лицензирования в Кыргызстане, что особенно важно для МСП, работающих в специфических секторах (например, медицина, транспорт, строительство). Несмотря на наличие единого портала для подачи заявок, лицензирование остается сложным и дорогостоящим процессом для предпринимателей.

Вопросы, связанные с поддержкой и развитием малого и среднего бизнеса, регулируются рядом нормативных правовых актов, включая Закон Кыргызской Республики от 25 мая 2007 года №73 «О государственной поддержке малого предпринимательства».

Кроме того, в 1998 году была утверждена «Концепция развития малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике», которая определяет стратегические направления государственной политики в этой сфере.

Также в 2019 году была утверждена «Программа Правительства Кыргызской Республики по развитию и поддержке малого и среднего

предпринимательства в Кыргызской Республике на 2019–2023 годы», направленная на создание благоприятных условий для развития предпринимательства в стране.

Эти документы формируют основу государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике и закрепляют цели и механизмы государственной поддержки МСП.

Среди ключевых мер поддержки МСП, также создание центров обслуживания предпринимателей, грантовые проекты и субсидии. Закон также подчеркивает необходимость развития инфраструктуры - бизнес-инкубаторов и промышленных парков. Однако его реализация сдерживается низким уровнем финансирования и слабой координацией между государственными органами.

Закон Кыргызской Республики от 14 апреля 2022 года №27 «О государственных закупках» устанавливает общие правовые и экономические принципы государственных закупок и регулирует порядок их осуществления. Закон посредством основных принципов как оптимизация процессов государственных закупок через создание единой системы государственных закупок и формирование общественного доверия к ней, соблюдение прав и законных интересов участников государственных закупок, открытость, беспристрастность, публичность и прозрачность при осуществлении государственных закупок, приобретение инновационных и высокотехнологичных товаров, работ, услуг, создает открытые условия для участия МСП в государственных тендерах.

В целях создания благоприятных условий ведения предпринимательства и стимулирования его дальнейшего развития в Кыргызской Республике, были приняты также следующие меры:

1. Для защиты прав и законных интересов предпринимателей Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 31 декабря 2018 года № 647 «Об уполномоченном лице по защите прав субъектов предпринимательской деятельности» создан Институт Бизнес-омбудсмена.

2. С целью восстановления и обеспечения экономической и социальной стабильности, поддержки предпринимательской деятельности и региональных проектов развития Постановление Правительства Кыргызской Республики 9 июня 2020 года №315 принята Программа «Финансирование субъектов предпринимательства» [72, с. 6].

3. В целях усиления и привлечения женщин в бизнес, поддержки и развития женского предпринимательства в Кыргызской Республике Постановлением Правительства КР от 17 ноября 2021 года № 270 утверждена Государственная программа по развитию и поддержке женского предпринимательства на 2022-2026 годы.

4. Развитие креативной экономики в стране сопровождается принятым Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 21 апреля 2022 года № 228 «Об утверждении Концепции развития креативной экономики в Кыргызской Республике на 2022-2026 годы» и Закона Кыргызской Республики от 8 августа 2022 года № 88 «О Парке креативных индустрий», который был открыт в 2024 году.

5. Принят Закон Кыргызской Республики от 8 июля 2011 года №84 «О Парке высоких технологий Кыргызской Республики и на основании Постановления Правительства Кыргызской Республики от 2 мая 2012 года №267 «О создании Парка высоких технологий Кыргызской Республики» был открыт новый формат реализации предпринимательской деятельности в виде парка высоких технологий. Для создания благоприятной среды для развития высокотехнологичных отраслей и привлечения инвестиций в IT-сектор Кыргызской Республики, в 2024 году были внесены изменения, направленные на улучшение условий для резидентов ПВТ КР по введению бессрочного налогового режима для Парка высоких технологий. В настоящее время резиденты Парка, согласно Закону Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Законы «О Парке высоких технологий» и «О тарифах страховых взносов по государственному социальному страхованию», освобождены от налога с

продаж, налога на прибыль, налога на добавленную стоимость. Подоходный налог для сотрудников резидентов составляет 5%, а ставка страховых взносов — 12% от среднемесячной зарплаты. Согласно данному Закону, налоговый режим для Парка высоких технологий становится бессрочным, что повышает его привлекательность как для отечественных, так и для зарубежных ИТ-компаний, заинтересованных в перемещении бизнеса в нашу страну.

6. Повышение статуса и имиджа предпринимателей и разработка соответствующих нормативных правовых актов обеспечивается принятым от 1 июля 2022 года № 212 Указом Президента Кыргызской Республики «О повышении статуса и имиджа предпринимателей Кыргызской Республики».

7. Для стабилизации экономической деятельности предпринимателей, развитие бизнес-среды и улучшение инвестиционного климата вышел Указ Президента Кыргызской Республики от 9 января 2024 года № 1 «О введении временного запрета на проведение проверок субъектов предпринимательства».

Анализ регулятивного воздействия нового Налогового кодекса на экономику Кыргызской Республики.

Новый Налоговый Кодекс Кыргызской Республики вступил в силу с 1 января 2022 года (данный кодекс был принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики от 22 декабря 2021 года, в новой редакции. 18 января 2021 года данный Кодекс был подписан Президентом Кыргызской Республики и вступил в силу в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 18 января 2022 года №4)[58, с.3].

Основные цели нового Кодекса, согласно справке-обоснованию к нему, являются:

- адаптация налогового законодательства к современным экономическим условиям;
- дальнейшее совершенствования цифровизации налоговых процедур;
- создание равных условий ведения предпринимательской деятельности;
- сокращение теневой составляющей экономики.

Налоговое законодательство Кыргызской Республики, представленное в новой редакции Налогового кодекса, требует системных изменений, основанных на научно обоснованном и концептуальном подходе, с ориентацией на цели Стратегии развития КР до 2040 года. Несмотря на заявленные цели — повышение собираемости налогов, создание благоприятного инвестиционного климата и противодействие теневой экономике — анализ выявляет как позитивные элементы, так и существенные риски и противоречия.

К числу стимулирующих положений можно отнести нормы, направленные на стабилизацию налоговой политики и упрощение администрирования: ограничение частоты изменений в законодательстве (ст. 15), обязательность письменных разъяснений со стороны налогового органа (ст. 20), введение системы личного кабинета налогоплательщика с освобождением от проверок при добровольном доступе к бухгалтерии (ст. 48), механизм частичного списания санкций (ст. 72), система возврата части налога при использовании фискальных чеков (ст. 95) и расширение упрощённого режима налогообложения для среднего бизнеса (ст. 255). Эти меры потенциально могут стимулировать выход бизнеса из тени, снизить административную нагрузку и укрепить доверие к налоговой системе.

В то же время в кодексе содержатся положения, вызывающие обоснованные опасения. Наиболее острые риски связаны с наделением налоговых органов статусом правоохранительного органа (ст. 55), что противоречит принципу разделения функций и может спровоцировать рост коррупции. Финансирование ГНС за счёт процента от собранных налогов (ст. 57) также создает риск заинтересованности в завышенных доначислениях. Дополнительные угрозы включают непрозрачное введение налога на электронную торговлю (ст. 443), ограничения в правах на обжалование решений (ст. 97), усиление штрафных санкций без учёта тяжести нарушения, отсутствие механизма досудебного урегулирования споров и введение

обратного НДС для МСП, что противоречит заявленной концепции единого налога и отчетности.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных положительных норм, общий характер реформы носит противоречивый и фрагментарный характер. Усиление фискального и карательного компонента в ущерб принципам справедливости, прозрачности и доверия ставит под угрозу достижение стратегических целей налоговой политики. Введение новых функций и полномочий без институционального баланса может спровоцировать институциональные и правовые конфликты, усилить административное давление и увеличить риски теневой активности. Реформирование налогового законодательства требует пересмотра отдельных положений с целью устранения правовых противоречий, усиления гарантий прав налогоплательщика и выстраивания сбалансированной модели фискального взаимодействия, основанной на диалоге, доверии и предсказуемости.

В последние годы Кыргызская Республика внедряет реформы, направленные на сокращение административных барьеров и цифровизацию услуг для бизнеса. Однако ряд проблем, таких как нестабильность законодательства, частые изменения налоговой политики и низкий уровень правоприменения, затрудняют устойчивое развитие МСП.

К примеру, Казахстан, как ближайший партнер Кыргызстана по ЕАЭС, имеет более развитую правовую инфраструктуру для поддержки МСП. В Казахстане активно реализуется Программа «Дорожная карта бизнеса 2025», предоставляющая льготное финансирование и поддержку экспортерам. Цифровизация налоговой отчетности и обязательная интеграция с системой электронных счетов-фактур позволяют снижать уровень теневой экономики. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей действует более активно, чем в Кыргызстане, оказывая реальную помощь бизнесу. Кыргызская Республика отстает в цифровизации бизнес-процессов и масштабах государственной поддержки.

Примером для стран региона в упрощении условий ведения бизнеса является Грузия. В Грузии регистрация бизнеса занимает всего один день, а стоимость регистрации минимальна. Также существуют налоговые льготы для микробизнеса, где налоговая ставка может быть снижена до 1% от оборота. Базой для привлечения иностранных инвестиций служат высокий уровень прозрачности и отсутствие бюрократических препятствий. Кыргызская Республика значительно уступает Грузии по скорости административных процедур и прозрачности регуляторной среды.

Принимая во внимание текущую ситуацию в нормативно-правовом поле и перспективу развития по примеру других стран, можно выделить основные аспекты, которые препятствуют успешной реализации НПА для сектора МСП:

- частые изменения в законодательстве, что снижает доверие бизнеса;
- отсутствие системной поддержки стартапов и инновационных проектов;
- низкий уровень правоприменения и коррупционные риски;
- сложности в доступе к финансированию из-за недостаточного правового регулирования микрофинансовой деятельности;

Несмотря на наличие формализованных механизмов государственной поддержки, предприниматели в Кыргызской Республике воспринимают регуляторную среду как непредсказуемую и высокзатратную. Это объясняется не только недостатками правовой базы, но и ограниченной эффективностью правоприменения, низким уровнем транспарентности и институциональным недоверием. Формальные институты функционируют в условиях слабой координации между ведомствами, что повышает транзакционные издержки для бизнеса.

Цифровизация, включая электронное лицензирование, онлайн-отчётность и системы межведомственного взаимодействия (например, «Тундук»), рассматривается как шаг к снижению барьеров. Однако её эффект ограничен институциональной неподготовленностью, низкой цифровой грамотностью и формальным исполнением процедур без переработки

регуляторной логики. По сути, происходит цифровое дублирование устаревших процессов.

Таким образом, наличие обширной нормативной базы не гарантирует доступности, эффективности и справедливости регулирования. Механизмы поддержки предпринимательства требуют не только расширения, но и институционального переосмысления от акта предоставления льгот к формированию среды предсказуемого, прозрачного и стимулирующего взаимодействия между государством и бизнесом.

ГЛАВА 3. ДИАГНОСТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

3.1. Анализ социально-экономических показателей и системообразующая роль предпринимательства

Условия функционирования предпринимательства формируются не только через институты регулирования, но и в тесной взаимосвязи с социально-экономической динамикой. Глава 3 направлена на эмпирическое выявление вклада предпринимательства в экономику Кыргызской Республики с акцентом на роль малого и среднего бизнеса, региональные различия и институциональные факторы, влияющие на результативность предпринимательской активности.

Кыргызская Республика включает в себя 7 областей и 2 города республиканского значения г. Бишкек и г. Ош. Для Кыргызской Республики характерно неравномерное размещение населения по ее территории. Средняя плотность постоянного населения составляет 36 человек на 1 кв. км.

Наиболее плотно заселена Чуйская долина – 31,4% всего населения, занимающая по площади 10,2% территории страны, включая жителей г. Бишкек, а плотность населения при этом составляет 107 человек на 1 кв. км. К сравнительно густонаселенным территориям Кыргызстана относятся Ошская область и город Ош - 61 человек на 1 кв. км, где проживает 25,8% населения. Малонаселенными с низкой плотностью населения являются Нарынская – 7 человек на 1 кв. км и Иссык-Кульская -12 человек на 1 кв. км области [82, с. 1].
Таблица 3.1. – Общая характеристика регионов КР, за 2023 г., 2010 г.

	Население, тыс.чел. (2010 г.)	Население, тыс.чел. (2023 г.)	Уровень бедности % (2010г.)	Уровень бедности, % (2023г.)
Кыргызская Республика	5 418,3	7 037,60	33,7	29,8

Баткенская область	433,8	570,9	33,6	48,1
Джалал-Абадская область	1 023,2	1 311,00	44,7	36,1
Иссык-Кульская область	441,3	538,4	38,0	30,9
Нарынская область	259,3	308,4	53,5	38,1
Ошская область	1 117,9	1 460,40	41,9	20,4
Таласская область	229,0	273,5	42,3	23,2
Чуйская область	808,2	1 068,70	21,9	26,6
г.Бишкек	846,5	1 145,00	7,9	32,4
г.Ош	259,1	361,3		13,9

Источник: составлена автором [61]

В таблице 3.1. проведено сопоставление ключевых социально-экономических показателей по регионам Кыргызской Республики за два временных периода 2010 и 2023 годы. В частности, проанализированы следующие параметры: численность населения и уровень бедности.

В динамике численности населения наблюдается устойчивая тенденция к росту во всех административно-территориальных единицах. Наиболее значительный прирост зафиксирован в городе Бишкек - с 848,5 тыс. человек в 2010 году до 1147,0 тыс. человек в 2023 году увеличение на 35,2%, в Ошской области - с 1120,6 тыс. до 1463,1 тыс. человек -30,6% и в городе Ош - с 259,3 тыс. до 361,5 тыс. человек, что составило 39,4%. Такие темпы прироста обусловлены как естественным увеличением населения, так и миграционными потоками, направленными в более урбанизированные и экономически активные территории.

Численность рабочей силы в соотношении к 2010 году увеличилась на 10,4% составив 2656,2 тыс. чел. Анализ динамики занятости по видам экономической деятельности за период с 2010 по 2023 год позволяет проследить структурные изменения на рынке труда и сделать выводы о трансформации экономики (Таблица 3.3). Общая численность занятого

населения за рассматриваемый период увеличилась на 18,4%, что свидетельствует о положительной динамике в целом. Однако внутри этого роста происходят заметные сдвиги между отраслями.

Прежде всего, наблюдается резкий спад занятости в традиционных секторах первичного производства. В сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве и рыболовстве численность занятых сократилась на 36,6%, в горнодобывающей промышленности – на колоссальные 91,0%. Аналогичная ситуация и в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды (снижение на 76,7%), а также в деятельности, связанной с недвижимостью (– 95,7%). Эти тенденции, вероятно, обусловлены автоматизацией процессов, внедрением энергоэффективных технологий и общим сокращением доли сырьевого сектора в структуре экономики.

Напротив, значительный рост числа занятых наблюдается в обрабатывающей промышленности (+601,2%), что может свидетельствовать о переориентации экономики на более высокотехнологичные и производственные сектора. Особенно впечатляет увеличение занятости в транспортной деятельности и хранении – рост на 1132,5%, что, возможно, связано с развитием логистической инфраструктуры, электронной коммерции и интернационализации торговых потоков.

Также заметен рост в секторах с высокой добавленной стоимостью и социальной направленностью. Так, в образовании занятость выросла на 251,9%, в здравоохранении и социальных услугах – на 142,4%. Эти данные могут отражать как демографические вызовы, так и растущие государственные инвестиции в социальную сферу.

Интерес представляет также прирост в розничной и оптовой торговле (+406,8%), что указывает на рост потребления и развитие предпринимательства. В гостиничном и ресторанном бизнесе – умеренный рост (20,7%), который может быть связан с ростом внутреннего туризма.

Значительное увеличение (550%) зафиксировано в категории «деятельность частных домашних хозяйств», что может свидетельствовать о

расширении неформального сектора или увеличении спроса на услуги личного характера.

Таблица 3.3. - Распределение занятых на основной работе по видам экономической деятельности, 2010-2023 г, тыс. чел.

Отрасль	2010г.	2023г.	Изменение в %
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство и рыболовство	716,69	454,4	-36,6
Горнодобывающая промышленность	174,68		-91,0
Добыча полезных ископаемых (2023г)		15,7	
Обрабатывающая промышленность	41,36	290	601,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	240,12		-76,7
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом (2023г)		38,6	
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья (2023г)		11,9	
Строительство	337,47	331,7	-1,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	82,74	419,3	406,8
Транспортная деятельность и хранение грузов	18,11	223,2	1132,5
Деятельность гостиниц и ресторанов	147,53	178,1	20,7
Информация и связь (2023г.)		20,9	
Финансовое посредничество и страхование	58,38	48,3	-17,3
Операции с недвижимым имуществом (2023 г)	100,1	4,3	-95,7
Профессиональная, научная и техническая деятельность (2023г)		23,1	
Административная и вспомогательная деятельность (2023 г)		20,4	
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	171,98	109,9	-36,1
Образование	74,34	261,6	251,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	48,67	118	142,4
Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг	31,12	16,4	-47,3

Искусство, развлечение и отдых (2023г)		15,8	
Прочая обслуживающая деятельность (2023г)		50,4	
Деятельность частных домашних хозяйств	0,6	3,9	550,0
Деятельность экстерриториальных организаций (2023 г)		0,3	
Всего занятого населения, тыс. чел.	2243,54	2656,2	18,4

Источник: составлена автором [61]

Таким образом, основным выводом, который можно сделать на основе проведённого анализа, является постепенное смещение структуры занятости в сторону секторов с высокой добавленной стоимостью, сервиса, образования и технологий, при одновременном снижении роли традиционных отраслей промышленности и добычи. Это отражает общую трансформацию экономики в сторону постиндустриальной модели и повышение роли человеческого капитала в обеспечении устойчивого роста.

Изменение численности рабочей силы также имеет различные направления по регионам, так в Баткенской области численность рабочей силы на 2023 год по отношению к 2010 году уменьшилась на 3,14%, такой же отрицательный показатель и по Джала -Абадской и Иссык-Кульской областях, где показатели 5,9% и 3,9% процентов соответственно. В тоже время, можно отметить рост численности рабочей силы по Нарынской области, Таласской области на 22%, 12% соответственно. Исходя из предыдущего анализа роста населения в г.Бишкек можно отметить увеличение рабочей силы на 35,5%. В целом по республике за период с 2010 по 2023 годы произошло увеличение на 11,17%. Незначительное увеличение, а в некоторых регионах и понижение может трактоваться как не полный учет рабочей силы или сокрытие количество работников.

Среднемесячная заработная плата по итогам 2023 года составила 31604 сом. Наиболее высокие среднемесячные заработные платы в секторах финансового посредничества - 46329 сом, информации и связи – 45432сом, а также добычи полезных ископаемых – 45674сом. Самая низкая среднемесячная заработная плата в секторе сельского хозяйства – 15194 сом.

В разрезе областей наиболее низкая заработная плата в Ошской области, самая высокая – в Иссык-Кульской, разрыв между ними – 14907 сом.

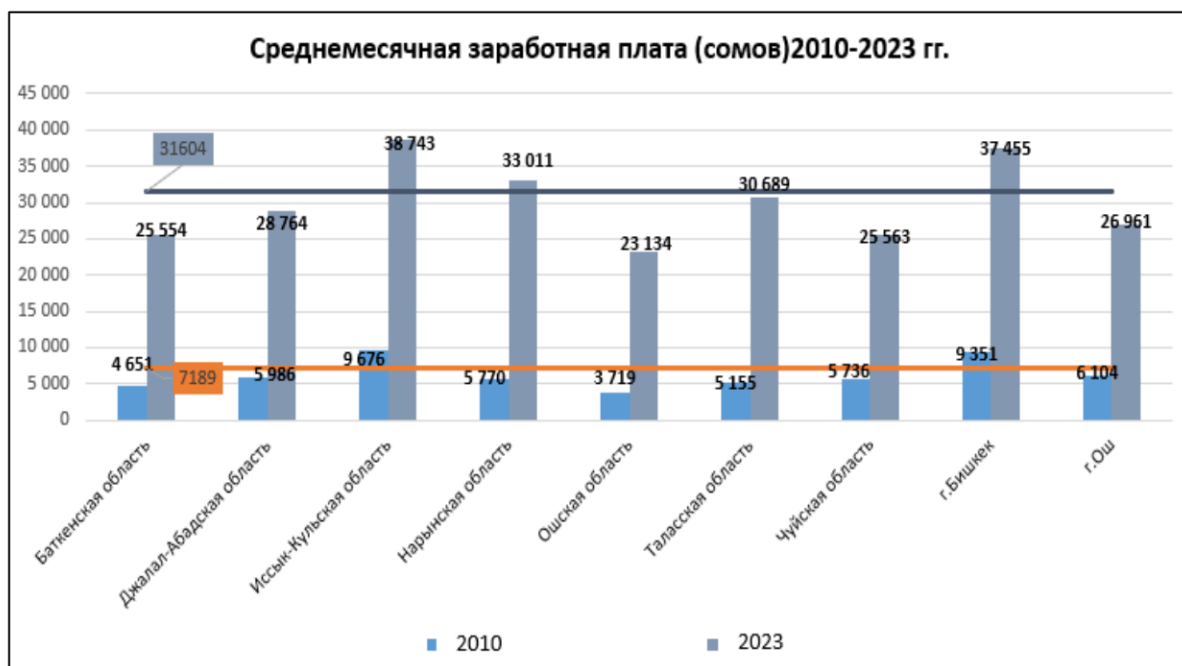

Рисунок 3.2. Среднемесячная заработная плата по территории КР, 2010, 2023гг., сом. Источник: составлен автором [61]

Уровень безработицы в Кыргызской Республике составляет на 2023 год 4,1%, [61, с. 38], что значительно ниже по сравнению с 2010 годом, где показатель был 8.6%. Уровень безработицы среди женщины выше, чем среди мужчин при низком уровне участия в составе рабочей силы со стороны женского населения. Обращает на себя внимание показатель численности не входящих в состав рабочей силы в трудоспособном возрасте – почти 1379,5 тыс. человек, из них не выразили желание работать – 1074,5 тыс. чел. и потенциальной рабочей силой считается 33,2 тыс. человек.

Анализ экономических показателей регионов показал что валовый региональный продукт (ВРП) является основным показателем, характеризующим экономическое развитие территорий Кыргызской Республики.

Таблица 3.4 - Динамика ВРП в текущих ценах по регионам КР, 2010, 2018-2023г., млн. сом

	2010г.	2018г.	2019г.	2020г.	202г.1	2022г.	2023г.
Кыргызская Республика	220,369.3	569,385.6	654,015.2	639,688.6	782,854.3	1,020,744.6	1,333,730.0
Области							
Баткенская	7,864.6	18,334.5	21,958.9	22,912.9	27,083.3	36,864.5	45,596.0
Джалал-Абадская	26,491.3	66,971.7	75,474.2	68,566.8	87,275.7	108,126.9	144,613.9
Иссык-Кульская	35,461.9	67,232.8	86,918.6	88,452.1	82,462.5	107,532.8	118,842.4
Нарынская	7,274.6	14,069.6	15,545.6	18,165.4	18,213.3	28,094.6	33,366.5
Ошская	20,400.8	42,540.5	47,588.8	50,996.5	60,550.7	77,621.9	96,701.0
Таласская	7,339.7	14,789.9	16,899.5	17,902.5	31,340.8	39,161.4	41,087.6
Чуйская	29,820.1	83,075.2	87,524.0	84,972.3	111,233.1	146,415.5	183,367.3
Города							
Бишкек	79,638.5	230,006.8	265,415.4	251,304.9	321,994.3	417,953.3	595,335.5
Ош	6,077.8	32,364.6	36,690.2	36,415.2	42,700.6	58,973.7	74,819.8

Источник: составлена автором [61]

На основе сравнительного анализа двух таблиц, содержащих данные о валовом региональном продукте (ВРП) и ВРП на душу населения в текущих ценах по регионам Кыргызской Республики за периоды с 2010 по 2023 годы, можно сделать ряд содержательных выводов о трансформации экономического ландшафта страны за указанный период (таблица 3.4, таблица 3.5).

Прежде всего, наблюдается значительный рост как совокупного ВРП, так и ВРП на душу населения по всем регионам, что отражает общее расширение экономической активности. Так, ВРП по республике увеличился с 220,4 млрд сомов в 2010 году до 1 333,7 млрд сомов в 2023 году, то есть более чем в 6 раз. При этом ВРП на душу населения за тот же период вырос с 42,4 тыс. сомов до 187,9 тыс. сомов, что свидетельствует не только о расширении объемов производства, но и о росте благосостояния населения в номинальном выражении.

Наиболее динамичный рост наблюдается в столице - городе Бишкек. С 2010 по 2023 годы общий ВРП города увеличился с 79,6 млрд сомов до 595,3 млрд сомов, что составило рост в 7,5 раза, а ВРП на душу населения - с 90,2 до 515,3 тыс. сомов. Это подтверждает усиливающуюся концентрацию экономической активности в административном центре страны, что, вероятно, связано с развитием сферы услуг, промышленности, торговли, а также с высокой плотностью населения и миграционным притоком.

Значительное увеличение ВРП также отмечается в городе Ош, где наблюдается рост с 6,1 млрд сомов до 74,8 млрд сомов, а ВРП на душу населения - с 25,1 до 205,5 тыс. сомов. Особенно впечатляющим является скачок после 2018 года, что, возможно, связано с улучшением инфраструктуры и ростом региональных инвестиций.

В Иссык-Кульской области, несмотря на колебания в валовом показателе (в частности, снижение в 2021 году), ВРП на душу населения остается одним из самых высоких среди регионов - 219,5 тыс. сомов в 2023 году, что может быть связано с сезонной туристической активностью, сравнительно небольшой численностью населения и развитием услуг.

Наименее динамичными остаются южные области - Баткенская и Ошская, хотя и здесь прослеживается устойчивый рост. Например, в Баткенской области ВРП увеличился почти в 6 раз с 7,9 до 45,6 млрд сомов, а ВРП на душу населения - с 20,2 до 79,0 тыс. сомов, что указывает на сохраняющееся отставание региона в экономическом развитии по сравнению с центральными и северными районами страны.

Особый интерес вызывает Таласская область, в которой, начиная с 2021 года, зафиксирован резкий рост ВРП на душу населения с 67,3 до 149,2 тыс. сомов, что может быть следствием реализации крупных проектов в сельском хозяйстве или горнорудной промышленности. Тем не менее, общий ВРП области остается относительно невысоким 41,1 млрд сомов в 2023 году, что указывает на малую численность населения как ключевой фактор высоких душевых показателей.

Таблица 3.5. - Динамика ВРП на душу населения в текущих ценах по регионам КР, 2010, 2018-2023 г., тыс. сомов

Наименование показателей	2010г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	2023г.
Кыргызская Республика	42,4	93,8	99.2	95.1	114.3	146.3	187.9
Область							
Баткенская	20,2	38,9	41.3	42.2	48.9	65.2	79.0
Джалал-Абадская	27,6	59,2	61.3	54.6	68.3	83.2	109.3
Иссык-Кульская	82,5	142,1	168.6	168.9	155.4	200.6	219.5
Нарынская	29,3	51,5	52.1	60.2	59.7	91.4	107.6
Ошская	20	34,8	34.7	36.5	42.5	53.6	65.5
Таласская	32,9	58,2	64.4	67.3	116.6	144.0	149.2
Чуйская	37,3	90,4	87.0	82.6	106.3	137.9	170.1
Города							
Бишкек	90,2	220,2	252.1	233.2	292.4	370.1	515.3
Ош	25,1	115,9	114.8	109.6	124.1	165.7	205.5

Источник: составлена автором [61]

Таким образом, на основании сопоставления данных за периоды с 2010 по 2023 годы можно заключить следующее:

- республика в целом демонстрирует устойчивую тенденцию к экономическому росту, сопровождаемую повышением доходов на душу населения;

- экономическое развитие остается неравномерным: лидерами являются Бишкек, Ош, Иссык-Кульская и Чуйская области, тогда как южные и горные регионы сохраняют сравнительно низкие показатели;

- увеличение ВРП на душу населения свидетельствует о частичном улучшении уровня жизни, однако важно учитывать, что данные приведены в текущих ценах и не отражают реальную покупательную способность, искаженную инфляцией;

- возникает необходимость в углублённом изучении причин региональной дифференциации и в выработке сбалансированной территориальной политики, направленной на гармонизацию социально-экономического развития страны.

В целом, анализ динамики ВРП Кыргызской Республики за период с 2010 по 2023 годы подчеркивает важность экономических центров, таких как Бишкек и Чуйская область, в формировании общей экономической активности.

Несмотря на позитивные изменения, сохраняются значительные различия в уровне развития регионов, что требует дальнейших усилий по стимулированию экономического роста в менее развитых областях. Это может быть достигнуто за счет повышения уровня диверсификации, улучшения инфраструктуры и привлечения инвестиций в высокотехнологичные сектора экономики. Рассмотрим отраслевые показатели.

Развитие промышленности в регионах Кыргызской Республики. Ключевую роль в развитии регионов играет промышленность, обеспечивая экономическое разнообразие, стимулируя технологический прогресс и создавая рабочие места. Кроме того, она является основным источником доходов, способствует социальному развитию и улучшению уровня жизни местного населения, что делает промышленность важным фактором для устойчивого экономического роста регионов.

Таблица 3.6. - Объем производства промышленной продукции по территории (млн.сомов)

Наименование показателей	2010г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	2023г.
Кыргызская Республика	126,588.1	257,348.5	283,971.7	325,090.1	370,533.8	435,815.6	495,344.0
Области							
Баткенская	2 119,0	2 810,9	2 975,3	3 110,9	4349,4	4741,7	6428,9
Джалал-Абадская	11 355,3	26 808,0	28 711,4	28 306,0	36 609,2	45 724,3	51 861,7
Иссык-Кульская	34 281,3	49 965,4	62 280,2	78 831,2	74 737,6	87 613,5	81 350,6
Нарынская область	1 042,3	2 622,8	2 870,5	3 206,6	3 293,6	4 322,8	4 965,0

Ошская область	2 122,8	9 621,1	10 385,6	9 457,8	13 516,8	14 596,5	17 317,6
Таласская область	607,6	1 290,9	1 578,3	1 899,9	15 128,8	22 789,9	26 240,3
Чуйская область	47 346,1	116 570,2	128 102,5	155 656,3	167 981,4	192 441,8	222 615,1
Города							
Бишкек	25 975,4	42 840,7	42 292,0	40 053,9	48 978,7	57 148,9	77 162,4
Ош	1 738,3	4 818,5	4 775,9	4 567,5	5 938,3	6 436,2	7 402,4

Источник: составлена автором [61]

Анализ представленных в таблицах данных по объемам и структуре производства промышленной продукции по регионам Кыргызской Республики за 2010–2023 годы позволяет выявить ключевые тенденции и изменения в территориальном распределении промышленного потенциала страны.

За анализируемый период совокупный объем промышленной продукции в республике увеличился почти в четыре раза: с 126,6 млрд сомов в 2010 году до 495,3 млрд сомов в 2023 году. Это свидетельствует о поступательном развитии промышленного сектора и его растущем вкладе в национальную экономику. Однако характер роста носит выражено неравномерный региональный характер, что ярко прослеживается в данных о структуре промышленного производства.

Ведущую позицию в промышленном производстве на протяжении всего периода сохраняет Чуйская область. Её доля в общереспубликанской структуре выросла с 37,4% в 2010 году до 45% в 2023 году, при этом абсолютный объем производства увеличился более чем в 4,7 раза. Это отражает устойчивую индустриализацию региона, развитие производственной инфраструктуры и, вероятно, приток инвестиций.

Значительное увеличение объемов производства отмечается в Таласской области, где промышленный выпуск возрос с 607,6 млн сомов до 26,2 млрд сомов - более чем в 40 раз. Особенно заметен рост после 2020 года, когда доля региона в общереспубликанской структуре подскочила с 0,6% до 5,3% в 2023 году. Это может быть связано с запуском новых горнодобывающих или

перерабатывающих предприятий, а также увеличением инвестиционной активности.

Столичный город Бишкек, несмотря на рост абсолютных объемов промышленного производства с 26 млрд до 77,2 млрд сомов, продемонстрировал относительное снижение доли в общереспубликанской структуре с 20,5% в 2010 году до 15,6% в 2023 году. Это говорит о перераспределении промышленной активности в пользу других регионов и, возможно, об изменении функционального профиля столицы в сторону сектора услуг.

Интерес представляет Иссык-Кульская область, которая в 2010 году занимала второе место с долей 27,1%, но к 2023 году этот показатель снизился до 16,4%. Несмотря на рост абсолютных объемов с 34,3 до 81,3 млрд сомов, регион уступил лидирующие позиции, что может быть связано с завершением крупных промышленных проектов или структурной перестройкой экономики.

Также стоит отметить положительную динамику в Джалал-Абадской области: её доля увеличилась с 9,0% до 10,5%, при почти пятикратном росте объема производства. Это может указывать на диверсификацию производственной базы и активное развитие перерабатывающей промышленности.

Низкие, но стабильно растущие показатели демонстрируют южные регионы - Баткенская и Ошская области. Несмотря на рост абсолютных объемов производства, их доля в структуре по-прежнему остается незначительной 1,3% и 3,5% соответственно в 2023 году, что указывает на необходимость государственной поддержки для стимулирования их промышленного потенциала.

Таблица 3.7. - Структура производства промышленной продукции Кыргызской Республики по территории, % [148, с.3]

	2010г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	2023г.
Кыргызская Республика	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Области							
Баткенская	1,7	1,1	1,0	1,0	1,2	1,1	1,3
Джалал-Абадская	9,0	10,4	10,1	8,7	9,9	10,5	10,5
Иссык-Кульская	27,1	19,4	21,9	24,2	20,2	20,1	16,4
Нарынская	0,8	1,0	1,0	1,0	0,9	1,0	1,0
Ошская	1,7	3,7	3,7	2,9	3,6	3,3	3,5
Таласская	0,5	0,5	0,6	0,6	4,1	5,2	5,3
Чуйская	37,4	45,3	45,1	47,9	45,3	44,2	45,0
Города							
Бишкек	20,5	16,6	14,9	12,3	13,2	13,1	15,6
Ош	1,4	1,9	1,7	1,4	1,6	1,5	1,5

Источник: составлена автором [61]

Таким образом, основные выводы сводятся к следующему:

- промышленное производство в КР в 2010–2023 гг. демонстрирует устойчивый рост в абсолютном выражении, сопровождаемый региональной диспропорцией;
- лидерами индустриализации остаются Чуйская область и город Бишкек, хотя столица постепенно теряет долю в структуре производства;
- наблюдается впечатляющий рост в Таласской области, что требует дополнительного изучения инвестиционной и производственной специфики региона;
- Иссык-Кульская область демонстрирует относительное снижение доли, несмотря на рост объемов, что может свидетельствовать о структурных изменениях;
- южные и горные регионы Баткенская, Нарынская, Ошская области сохраняют ограниченное промышленное значение, нуждаясь в стратегическом стимулировании.

Анализируя диаграмму с данными по структуре производства промышленной продукции по видам экономической деятельности в различных регионах, можно выделить следующее (рисунок 3.3):

- добыча полезных ископаемых существенна в Джалал-Абадской (5,6%) и Чуйской областях (3,6%), что может свидетельствовать о значимости горнодобывающей промышленности в этих регионах;

- высокая доля обрабатывающих производств в Чуйской (38,6%), Иссык-Кульской (19,5%) областях и г. Бишкек (8,5%), что указывает на развитие промышленного производства и производственных мощностей в этих регионах;

- экономическая деятельность в области обеспечения (снабжения) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом имеет относительно невысокую долю в общей структуре экономической деятельности во всех регионах, за исключением г. Бишкек (4,1%) и Джалал-Абадской (2,6%) области, где доля обеспечения энергией выше;

- водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья имеет низкую долю во всех регионах, что может быть связано с необходимостью развития инфраструктуры в данной области экономики.

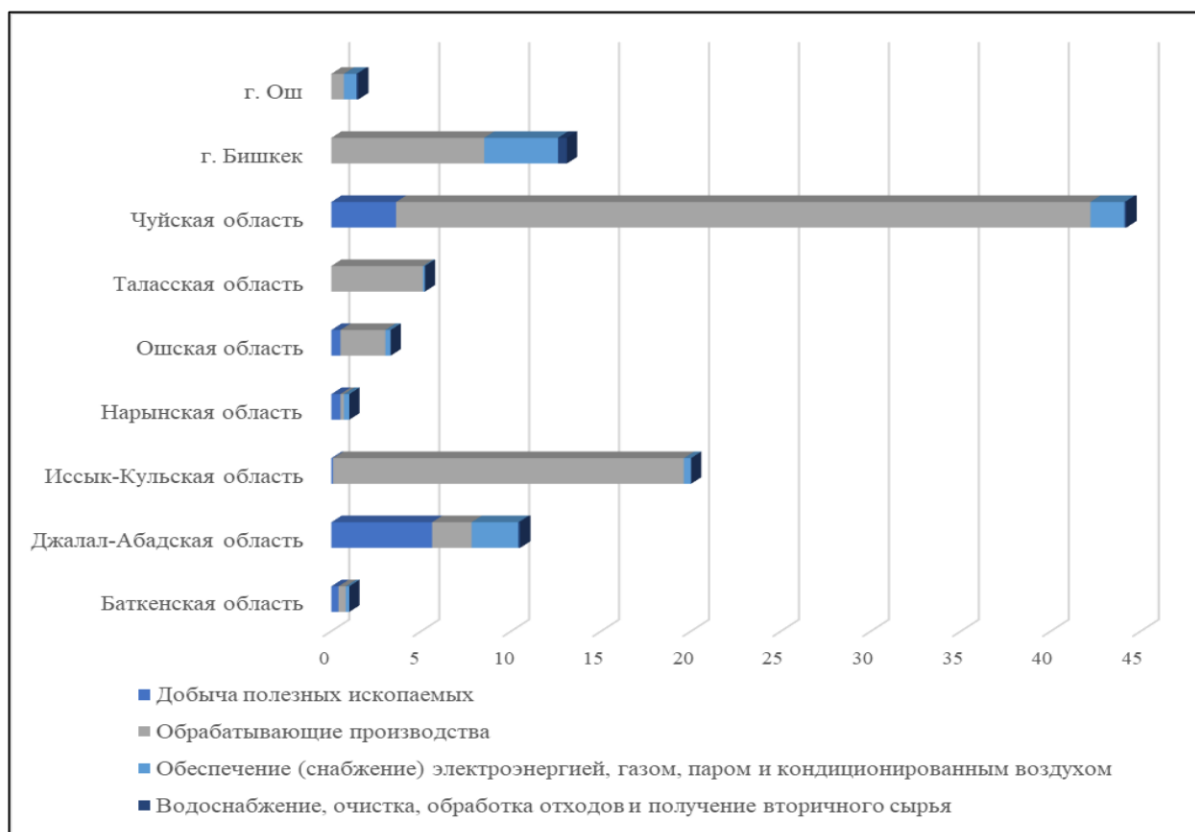

Рисунок 3.3. Структура производства промышленной продукции регионов Кыргызской Республики по видам экономической деятельности, %.

Источник: составлен автором [61]

Данные тенденции подчеркивают необходимость территориально-сбалансированной промышленной политики, направленной на стимулирование экономического роста в отстающих регионах и диверсификацию региональных производственных систем.

В целом, анализ данных позволяет сделать вывод о различиях в экономической специализации и природных ресурсах различных регионов Кыргызстана.

Анализ индексов физического объема промышленной продукции по регионам Кыргызской Республики за 2011 по 2023 годы позволяет проследить динамику реального роста или снижения промышленного производства в сопоставимых ценах, устраняя влияние инфляции и иных ценовых факторов. Данные представлены в процентах к предыдущему году, что позволяет

оценить темпы изменения объема выпуска продукции в физическом выражении (Таблица 3.8.).

В целом по стране индекс физического объема в большинстве лет демонстрирует положительную динамику, за исключением 2020 года, когда наблюдалось снижение до 93,4%. Это снижение совпадает с пиком пандемии COVID-19 и ограничительными мерами, оказавшими негативное воздействие на производственные процессы. Однако уже в последующие годы отмечается восстановление: 109% в 2021 году, 111,4% в 2022 году, и замедление роста до 102,7% в 2023 году, что может указывать на стабилизацию, но с меньшей интенсивностью.

Таблица 3.8. - Индексы физического объема промышленной продукции по территории Кыргызской Республики, в % к предыдущему году.

	2011г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	2023г.
Кыргызская Республика	111.9	105,4	106,9	93,4	109	111,4	102.7
Области							
Баткенская	102.6	129,8	111,3	125,3	200	110,3	120.8
Джалал-Абадская	122.1	106,1	106,5	92,5	106,2	111,5	108.8
Иссык-Кульская	103.3	95,5	111,9	93,1	86,3	118,5	79.6
Нарынская	114.2	102,3	102,5	99,4	103,5	112,3	104.3
Ошская	116.7	126,5	112,3	82,4	133,6	104,9	117.1
Таласская	124.4	106,7	104,9	104,8	95	124,4	105.8
Чуйская	104.6	148,2	103,6	90	137,5	110,1	121.9
Города							
Бишкек	117.9	102,7	114	95	131,9	107,8	121.5
Ош	120.2	101,7	109,9	78,3	107,1	90,5	107.7

Источник: составлена автором [61]

На уровне регионов ярко выражена высокая волатильность темпов роста. Наиболее впечатляющим выглядит рост в Баткенской области, особенно в 2021 году, когда индекс достиг 200%, что означает удвоение объема промышленной продукции по сравнению с предыдущим годом. Это может быть результатом

ввода новых производственных мощностей или реализации крупных проектов. Также в 2023 году темп роста составил 120,8%, что подтверждает продолжающуюся активизацию промышленной деятельности в регионе.

Чуйская область демонстрирует чередование всплесков и спадов: после резкого роста в 2018 году (148,2%) и спада в 2020 году (90%), в 2021–2023 годах снова наблюдается активизация (с индексами 137,5%, 110,1% и 121,9% соответственно). Это свидетельствует о значительной зависимости промышленности региона от внешнеэкономической конъюнктуры и, возможно, от специфики производственного профиля, включая переработку и экспортно-ориентированные отрасли.

Относительно устойчивую динамику с незначительными колебаниями показывает Нарынская область: индекс варьируется в пределах 99,4 -114,2%, что указывает на стабильный, хотя и не бурный рост. Подобная картина наблюдается и в Таласской области, где на фоне стабильности наблюдается резкий скачок в 2022 году (124,4%), после чего рост замедлился до 105,8%.

Интересный тренд прослеживается в Иссык-Кульской области, после бурного роста в 2019 году - 111,9% и спада в 2020 - 93,1%, в 2021 году произошел значительный провал - 86,3%, а затем резкое восстановление до 118,5% в 2022 году, за которым вновь последовало снижение до 79,6% в 2023 году. Это может свидетельствовать о высокой чувствительности региона к сезонным, инвестиционным или логистическим факторам.

Город Бишкек, несмотря на колебания, в целом демонстрирует устойчивый рост. После провала в 2020 году (95%) были зафиксированы значительные темпы восстановления - 131,9% в 2021 году и 121,5% в 2023 году. Это подтверждает высокую адаптивность промышленного комплекса столицы.

Наименее стабильной выглядит динамика в городе Ош, где особенно выражен спад в 2020 году (78,3%) и в 2022 году (90,5%), несмотря на отдельные годы умеренного роста. Это может говорить о зависимости от

ограниченного числа предприятий и общей уязвимости промышленного сектора к внешним и внутренним шокам.

Таким образом, можно выделить несколько ключевых выводов:

- общереспубликанская промышленность демонстрирует в целом позитивную траекторию роста, за исключением кризисного 2020 года;

- региональные различия в темпах роста указывают на неоднородность промышленного развития, зависимость от локальных факторов и отраслевой специфики;

- Баткенская и Чуйская области выделяются наиболее высокими темпами роста в отдельные годы, что свидетельствует о расширении их промышленного потенциала;

- Иссык-Кульская область показывает нестабильность, указывающую на уязвимость к экономическим колебаниям;

- город Бишкек демонстрирует адаптивную и устойчивую промышленную базу, способную к быстрому восстановлению после кризисов.

Таким образом, представленные данные подчеркивают необходимость проведения адресной региональной политики, направленной на поддержку устойчивого роста и диверсификацию промышленного сектора с учетом особенностей каждого региона.

Развитие сельского хозяйства в регионах Кыргызской Республики. Анализ индексов физического объема продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства по регионам Кыргызской Республики за период с 2011 по 2023 год позволяет оценить динамику реального производства в аграрном секторе, исключая влияние ценовых факторов. Временной охват дает возможность проследить структурные изменения и выявить устойчивые тенденции на уровне республики и отдельных регионов.

В целом по стране наблюдается неравномерная динамика (Таблица 3.8). На протяжении анализируемого периода средние темпы роста сельскохозяйственного производства оставались положительными, за исключением 2021 года, когда индекс по Кыргызской Республике снизился до

95,2%, что свидетельствует о реальном снижении объемов производства. Этот спад можно связать с неблагоприятными погодными условиями, засухой, ростом цен на ресурсы и последствиями пандемии. Однако уже в 2022 году произошло восстановление — рост составил 107,3%, что является одним из наиболее высоких показателей за весь анализируемый период. В 2023 году темпы вновь замедлились до 100,6%, что указывает на стабилизацию.

На региональном уровне тенденции значительно варьируются. Так, Чуйская область продемонстрировала наибольшие колебания: после критического падения до 86,1% в 2021 году, в 2022 году зафиксирован резкий скачок до 117,6%, что может быть результатом государственного стимулирования, компенсационных программ или благоприятных погодных условий. Аналогичная картина наблюдается в Таласской области, где после снижения до 92,6% в 2021 году последовал аналогичный рост также до 117,6% в 2022 году. Это может указывать на определенную цикличность в сельхозпроизводстве, связанную с погодными циклами и восстановлением урожайности.

Иссык-Кульская область характеризуется умеренными, но стабильными темпами роста. После падения до 97,2% в 2021 году, уже в 2022 году индекс вырос до 108,5%. Это свидетельствует о гибкости аграрной системы региона и способности к быстрому восстановлению. В то же время Нарынская область демонстрирует исключительную стабильность в течение 2018–2022 годов индекс варьировался в узком диапазоне от 101,8% до 102,8%, что говорит о консервативной, но устойчивой модели ведения сельского хозяйства, вероятно с преобладанием животноводства.

Ошская и Джалал-Абадская области также демонстрируют стабильный, но умеренный рост. Здесь индекс почти ежегодно превышает 100%, что говорит о постепенном наращивании объемов сельхозпроизводства, без резких скачков или спадов.

Более тревожную динамику демонстрируют городские территории. В городе Бишкек показатели в отдельные годы были ниже 100% (например,

97,0% в 2020 году), а в городе Ош наблюдается систематическое отставание: особенно в 2010 году (87,4%) и 2022 году (89,2%). Это указывает на крайне ограниченный потенциал сельского хозяйства в городах, что логично ввиду их урбанизированного характера и территориальной ограниченности.

Таблица 3.9. - Индексы физического объема продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства по территории Кыргызской Республики, в % к предыдущему году

	2010	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Кыргызская Республика	97,4	102,7	102,6	101,0	95,2	107,3	100,6
Области							
Баткенская	100,9	104,5	103,7	101,7	93,6	104,1	
Джалал-Абадская	102,7	102,0	102,6	99,5	100,9	103,4	
Иссык-Кульская	94,2	104,3	103,4	102,2	97,2	108,5	
Нарынская	95,7	101,8	102,2	102,8	101,9	102,8	
Ошская	99,1	102,0	102,3	101,0	100,9	102,1	
Таласская	98,7	101,4	100,8	99,7	92,6	117,6	
Чуйская	94,2	103,2	102,9	101,1	86,1	117,6	
Города							
Бишкек	92,2	103,4	98,8	97,0	102,9	100,6	
Ош	87,4	102,2	102,8	99,2	94,6	89,2	

Источник: составлена автором [61]

Таким образом, на основании анализа за последнюю декаду можно сделать следующие выводы:

- аграрный сектор Кыргызской Республики в целом демонстрирует устойчивость, несмотря на отдельные периоды снижения, особенно в 2021 году;

- региональные различия значительны: сельское хозяйство в северных областях подвержено более резким колебаниям, тогда как южные регионы характеризуются большей стабильностью;

- Нарынская область выделяется высокой степенью стабильности, что может свидетельствовать о преобладании традиционных форм хозяйствования;

- Чуйская и Таласская области демонстрируют цикличность, после падений быстрые компенсационные всплески;

- городские территории не играют существенной роли в сельском производстве, их показатели нестабильны и зависят от периферийных сельских зон.

Анализ данных, представленных в таблице 3.10, позволяет оценить территориальное распределение валового выпуска продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства по регионам Кыргызской Республики за 2023 год. Общий объем выпуска в аграрном секторе составил 358,3 млрд сомов, где наибольший вклад приходится на отрасли растениеводства 177,4 млрд и животноводства 167,9 млрд, что подчеркивает их доминирующее значение в структуре аграрного производства страны.

Таблица 3.10. - Распределение объёма валового выпуска продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства по территории, млн. сом

Регион	Растен-ство	Животн-ство	Услуги в с/х	Охота	Лесное хоз-ство	Рыб-ство	Всего	Доля (%)
Баткен.	11771,7	12447,7	540,7	0	45,7	0	24805,8	6,9
Дж-Абад	38561,1	29570,8	1136,4	0	181,9	255,3	69705,7	19,5
И-Кульская	18484	23476,2	654,4	7,5	97,1	509,4	43228,6	12,1
Нарын	6216,7	18030	480,3	22	73,5	182,7	25005,2	7
Ошская	35891,6	34495,1	1554,1	0	51,3	7,3	71999,4	20,1
Талас	1834,3	8193,7	1209,3	1,3	27,9	416	28182,5	7,9
Чуй	47287,4	41111,9	2330,5	0	32,1	2401,7	93163,6	26
Бишкек	132,6	74,8	258,6	19,7	10,7	414,7	911,2	0,3
Ош	753,6	460,4	98,7	0	9,7	0	1322,4	0,4
Всего	177433	167860,6	8263	50,5	529,9	4187,1	358324,4	100

Источник: составлена автором [61]

Лидирующую позицию по объему выпуска занимает Чуйская область 26% от общего объема, где особенно развито растениеводство 47,3 млрд сомов, а также наблюдается наибольший вклад в рыбное хозяйство 2,4 млрд сомов, что говорит о диверсифицированной структуре аграрного производства региона. На втором месте находится Ошская область - 20,1%, отличающаяся сбалансированным распределением между растениеводством и животноводством. Далее следуют Джалал-Абадская область -19,5% и Иссык-Кульская область -12,1%.

Стоит отметить, что городские территории Бишкек и Ош в силу своей урбанизированной структуры демонстрируют крайне низкий вклад (менее 1% в совокупности), что подтверждает их неаграрный профиль. В то же время Нарынская и Баткенская области, несмотря на менее выраженные объемы валового выпуска по 7%, сохраняют традиционную ориентацию на животноводство, особенно Нарынская область, где животноводство составляет более 70% от регионального аграрного продукта.

Услуги в сельском хозяйстве, а также лесное хозяйство и рыболовство остаются второстепенными по объему компонентами, но заслуживают внимания как направления потенциальной диверсификации и устойчивого развития регионов.

Таким образом, структура валового выпуска аграрной продукции демонстрирует выраженную региональную концентрацию в нескольких ключевых областях, при этом сохраняется традиционная специализация южных регионов на животноводстве и северных - на растениеводстве. Выявленные диспропорции могут быть учтены при формировании адресной аграрной политики и инвестиционных стратегий в целях стимулирования устойчивого и сбалансированного сельскохозяйственного развития.

В совокупности данные указывают на необходимость адаптации сельскохозяйственной политики к региональной специфике и поддержку климатически уязвимых территорий. Учет климатических, экономических и

инфраструктурных факторов должен стать основой для устойчивого развития аграрного сектора в будущем.

Важно отметить, что МСП играют ключевую роль в развитии сельского хозяйства, обеспечивая гибкость и адаптивность сектора. Благодаря своей структуре, малые и средние предприятия активно участвуют в производстве продукции, в том числе экологически чистой, что способствует не только удовлетворению внутреннего спроса, но и увеличению экспортного потенциала. Однако, несмотря на позитивные тенденции, остается ряд вызовов, среди которых низкая технологическая оснащенность, ограниченность доступа к кредитам и необходимость улучшения логистической инфраструктуры.

Сельское хозяйство Кыргызской Республики демонстрирует устойчивый рост за последние десятилетия, что стало возможным благодаря усилиям МСП, развитию аграрных технологий и государственной поддержке. Однако для дальнейшего развития отрасли необходимо сосредоточиться на повышении производительности, диверсификации продукции и улучшении конкурентоспособности как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Устойчивое развитие сельского хозяйства возможно только при комплексном подходе, включающем модернизацию сектора, поддержку малых и средних хозяйств и устранение инфраструктурных барьеров.

Обзор поступления иностранных инвестиций по регионам. Анализ данных о темпах роста поступлений прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по видам экономической деятельности в Кыргызской Республике за период с 2011 по 2023 годы демонстрирует высокую волатильность и неоднородность инвестиционных потоков, отражающих чувствительность экономики к внутренним и внешним вызовам (Таблица.3.11). За последнюю декаду произошли как циклические колебания, так и структурные сдвиги в инвестиционных приоритетах.

Общий темп прироста иностранных инвестиций за 2011 год составлял 138,5%, что свидетельствует о благоприятной инвестиционной конъюнктуре

на фоне посткризисного восстановления. Однако в последующие годы наблюдается тенденция к замедлению, особенно резко в 2020 и 2021 годах (95,1% и 91,4% соответственно), что во многом обусловлено пандемией COVID-19 и снижением глобальной инвестиционной активности. В 2022 году зафиксирован резкий рост 142,6%, указывающий на восстановление доверия инвесторов, но уже в 2023 году произошел новый спад до 66,5%, что может отражать политико-экономическую нестабильность или завершение ряда крупных проектов.

На уровне отраслей наиболее резкие колебания зафиксированы в секторах услуг и недвижимости. Особенно выделяется направление "операции с недвижимым имуществом", где в 2011 году был зафиксирован аномальный рост на 1069,5%, за которым последовали периоды спада и повторных всплесков (например, 320,4% в 2021 году и 229,9% в 2022 году). Подобная динамика может быть связана с реализацией масштабных девелоперских проектов и интересом к коммерческой недвижимости.

Инвестиции в информационно-коммуникационный сектор также продемонстрировали высокие темпы роста, особенно в 2011 (351,0%) и 2019 (185,9) годах, что отражает цифровизацию и расширение телекоммуникационных инфраструктур. В 2023 году темп снова вырос до 133,9%, что подтверждает устойчивость интереса к данному направлению.

Исключительно высокие значения продемонстрированы в таких секторах, как "искусство, развлечения и отдых" (2399,7% в 2011 году и 765% в 2023 году) и "образование" (1535,9% в 2011 году), однако следует учитывать, что столь высокие темпы часто обусловлены низкой базой предыдущих периодов.

Сектора реальной экономики добыча полезных ископаемых и обрабатывающая промышленность демонстрируют сравнительно устойчивые, хотя и волатильные темпы в добыче полезных ископаемых рост в 2022 году составил 222,6%, в обрабатывающей - 141,1%, что свидетельствует о сохраняющемся интересе к промышленным активам.

Инвестиции в сельское хозяйство остаются нестабильными и низкими по темпам в 2023 году - лишь 22,9%, что может указывать на низкую инвестиционную привлекательность аграрного сектора, несмотря на его стратегическое значение.

Таким образом, за прошедшую декаду в инвестиционной структуре Кыргызстана наблюдаются следующие ключевые тенденции:

- Высокая волатильность ПИИ с чередующимися фазами активизации и спада.
- Секторальная переориентация инвестиций в пользу недвижимости, цифровых технологий и отдельных направлений сферы услуг.
- Ограниченный и нестабильный приток ПИИ в аграрный сектор, что требует разработки стимулов для повышения его инвестиционной привлекательности.
- Выраженное влияние глобальных и внутренних кризисов, особенно в 2020–2021 гг., с частичным восстановлением в 2022 году и новым снижением в 2023-м.

Данные подчеркивают необходимость комплексного подхода к формированию устойчивой инвестиционной политики, ориентированной на диверсификацию отраслей и снижение зависимости от краткосрочных внешних факторов.

Таблица 3.11.- Темпы роста поступления иностранных инвестиций по видам экономической деятельности, %

	2011/2010г.	2019/2018г.	2020/2019г.	2021/2020г.	2022/2021г.	2023/2022г.
Всего	138,5%	104,90%	95,10%	91,40%	142,60%	66,50%
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	86,4%	93,00%	103,90%	140,70%	103,50%	22,90%
Добыча полезных ископаемых	99,4%	126,00%	104,40%	118,60%	222,60%	53,10%
Обрабатывающие производства	160,1%	110,80%	95,30%	62,10%	141,10%	48,10%
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и	223,3%	130,00%	71,20%	140,20%	109,70%	129,90%

кондиционированным воздухом						
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	228,0%	253,70%	10,00%	261,80%	153,40%	72,80%
Строительство	134,1%	74,70%	99,80%	81,30%	321,00%	36,40%
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	92,5%	137,10%	69,80%	117,70%	161,20%	108,00%
Транспортная деятельность и хранение грузов	121,6%	212,10%	21,50%	541,90%	47,60%	35,00%
Деятельность гостиниц и ресторанов	60,6%	162,90%	48,20%	497,50%	68,70%	125,30%
Информация и связь	351,0%	185,90%	68,70%	78,90%	92,20%	133,90%
Финансовое посредничество и страхование	204,0%	61,80%	160,90%	106,50%	170,00%	77,70%
Операции с недвижимым имуществом	1069,5%	53,00%	68,30%	320,40%	229,90%	51,20%
Профессиональная, научная и техническая деятельность	81,9%	120,90%	58,00%	222,40%	26,40%	78,50%
Административная и вспомогательная деятельность	71,7%	184,20%	198,50%	64,30%	121,00%	180,60%
Государственное управление и оборона;	24,6%	45,90%	44,80%	131,80%	70,60%	174,30%
Образование	1535,9%	85,30%	123,40%	241,20%	186,80%	98,20%
Здравоохранение и социальное обслуживание населения	510,6%	364,00%	72,30%	136,80%	186,90%	38,00%
Искусство, развлечения и отдых	2399,7%	437,70%	91,70%	467,10%	12,00%	765,00%
Прочая обслуживающая деятельность	71,9%	254,90%	23,00%	1036,80%	17,90%	26,80%

Источник: составлена автором [61]

Анализ данных таблицы 3.12, отражающей динамику поступления прямых иностранных инвестиций по регионам Кыргызской Республики в 2010–2023 годах, позволяет проследить пространственные сдвиги в инвестиционной активности за последнюю декаду. В контексте предыдущей таблицы, где рассматривалась структура ПИИ по видам экономической

деятельности, данная информация углубляет понимание территориальной направленности инвестиционных потоков.

Таблица 3.12.- Динамика поступления ПИИ по территории, тыс.долл.

Регионы	2010	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Баткенская	2570,1 0	2 152,20	11 470,60	3 009,3	334,8	36 647,60	305,4
Джалал-Абадская	139325,5	128806,70	255388,80	79266,3	359833,3	511197,4 0	179938,5
Иссык-Кульская	204 01,0	91 256,90	259 189,80	150 818,6	5 843,9	983,8	26074,1
Нарынская	158,5	4 096,80	171,6	-	-	133,6	24106,3
Ошская	4 930,40	8 238,90	3490,6 0	2 539,5	23 487,5	41 689,6	39818,8
Таласская	38 923,7	909,7	29,8	36 581,4	81 845,5	127900,8	117547, 8
Чуйская	26 867,3	249 314,30	175 684,90	99 964,8	203926,8	180205,8	105198, 6
Бишкек	237309,5	366 946,00	371087,5 0	164 892,2	329551,1	297300,6	348406, 2
Ош	-	22,1	405,1	481,7	1 268,30	6 539,80	3 500,0
Всего	666086,0	851743,6	1076918,7	537 553,8	1006091,2	1202599,0	844 895,7

Источник: составлена автором [61]

На протяжении анализа отчетливо проявляется инвестиционное доминирование города Бишкек, где ежегодно аккумулируется от трети до половины всех поступающих ПИИ. Так, в 2023 году столице досталось более 348 млн долларов США, что объясняется высокой концентрацией финансовых, торгово-административных и производственных центров, благоприятной инфраструктурой и сравнительно стабильным инвестиционным климатом.

Вторым по инвестиционной значимости регионом стабильно выступает Джалал-Абадская область, которая продемонстрировала устойчивый рост: с 139,3 млн долларов в 2010 году до пиковых 511,2 млн в 2022 году. Хотя в 2023 году объем сократился до 179,9 млн, данный регион остается привлекательным за счет развивающегося агропромышленного и обрабатывающего секторов, что подтверждает данные из предыдущей таблицы, где фиксировался

значительный рост инвестиций в обрабатывающую промышленность и строительство.

Чуйская область также демонстрирует положительную динамику, достигнув максимального значения в 2018 году (249,3 млн долларов), с последующим снижением до 105,2 млн в 2023 году. Несмотря на спад, регион продолжает оставаться значимым центром притяжения инвестиций, особенно в связи с активной деятельностью малого и среднего бизнеса и географической близостью к столице.

Таласская и Ошская области за последнее десятилетие усилили свои позиции. В Таласе объем ПИИ вырос более чем в три раза с 2010 по 2023 годы, достигнув 117,5 млн долларов. Подобный рост можно связать с реализацией проектов в сфере горнодобывающей промышленности, что согласуется с данными по отраслям. Ошская область демонстрирует умеренный, но стабильный рост с 4,9 млн до 39,8 млн долларов.

Особое внимание привлекает резкое снижение ПИИ в Иссык-Кульской области, где инвестиции обрушились с 259,2 млн долларов в 2019 году до 0,98 млн в 2022 году, и лишь частично восстановились в 2023 году (26 млн). Это подтверждает кризис доверия к туристическому потенциалу региона и требует стратегического пересмотра подходов к диверсификации экономики.

Нарынская область, несмотря на отдельный всплеск в 2023 году (24,1 млн долларов), продолжает оставаться наименее привлекательной для иностранных инвесторов, что свидетельствует о необходимости развития базовой инфраструктуры и стимулирования предпринимательской активности.

Таким образом, пространственное распределение ПИИ в Кыргызстане демонстрирует выраженную централизацию в Бишкеке и устойчивое развитие в отдельных экономически активных регионах Джалал-Абадская, Чуйская области. В то же время сохраняется острая инвестиционная асимметрия, при которой ряд территорий особенно Нарынская и Баткенская области остаются слабо вовлеченными в инвестиционные процессы. В совокупности с отраслевыми данными из предыдущей таблицы можно сделать вывод о

необходимости более сбалансированной инвестиционной политики, направленной на устранение региональных диспропорций, развитие реального сектора в отстающих территориях и восстановление привлекательности стратегических секторов, таких как туризм и сельское хозяйство.

Внешиэкономическая деятельность регионов страны. Анализ внешнеторговой активности Кыргызской Республики по данным таблицы 3.13, охватывающей период с 2010 по 2023 год, позволяет выявить ключевые тенденции в динамике экспорта и импорта товаров на региональном уровне. За последние десять лет наблюдается как количественный рост внешнеэкономической деятельности, так и изменение географической и структурной картины товарооборота.

На уровне республики в целом зафиксирован значительный рост как экспорта, так и импорта. Объем экспорта увеличился почти в два раза с 1,76 млрд долларов в 2010 году до 3,38 млрд в 2023 году, в то время как импорт вырос почти в четыре раза с 3,22 до 12,52 млрд долларов. Такая диспропорция в динамике импорта и экспорта указывает на нарастающий дефицит внешнеторгового баланса, что отражает зависимость внутреннего потребления от зарубежных поставок, особенно по линии промышленных и потребительских товаров.

Наиболее выраженный рост экспортных поставок зафиксирован в городе Бишкек, где объем экспорта за декаду увеличился почти в два раза — с 1,02 до 1,98 млрд долларов. Однако наибольшее внимание привлекает объем импорта: в 2023 году он достиг 6,14 млрд долларов, что составляет почти половину всего республиканского импорта. Это подтверждает статус Бишкека как ключевого торгово-логистического и потребительского центра страны.

Чуйская область также демонстрирует активную внешнеэкономическую динамику. Экспорт региона с 2010 по 2023 год вырос с 231 млн до 485 млн долларов, а импорт с 206 млн до рекордных 2,37 млрд. Это связано с развитой промышленной базой региона и высокой концентрацией предприятий

торговли и логистики, обслуживающих не только область, но и сопредельные территории, включая столицу.

Интересна трансформация в Таласской области, где экспорт за декаду вырос почти в 10 раз с 25,7 до 246,2 млн долларов. При этом импорт оставался на умеренном уровне, не превышая 31 млн долларов в 2023 году. Это может указывать на активизацию добычи и экспорта полезных ископаемых, а также сельхозпродукции, что согласуется с данными о росте инвестиций и промышленного производства в регионе.

Джалал-Абадская область также демонстрирует уверенный рост экспорта с 55,7 до 300,9 млн долларов. Однако одновременно существенно увеличился и импорт (до 248,7 млн), что свидетельствует об углублении экономических связей, возможно, с сопредельными странами. Этот регион, наряду с Чуйской областью, входит в число наиболее активных участников международной торговли.

Ошская область, в отличие от вышеназванных регионов, сохраняет более скромные объемы внешнеторговой деятельности: экспорт вырос с 37,1 до 92,3 млн долларов, а импорт с 90,9 до 246,5 млн долларов. Это указывает на умеренное расширение торговли, вероятно, с преобладанием приграничного обмена и аграрной продукции.

Серьезное снижение показателей по Иссык-Кульской области, особенно по экспорту, демонстрирует уязвимость региона, вероятно, в связи с ухудшением инвестиционного климата и снижением интереса к туризму. При этом импорт остается высоким более 350 млн долларов в 2023 году — что дополнительно усиливает торговый дисбаланс.

Нарынская область сохраняет крайне низкие объемы экспорта и импорта, что подтверждает её изолированность в экономическом и логистическом плане. В 2023 году экспорт составил всего 0,7 млн долларов, а импорт — 24,7 млн, что указывает на ограниченные производственные и внешнеторговые ресурсы.

Таблица 3.13. - Объёмы экспорта и импорта по регионам КР, 2010, 2018-2023, млн.долл США.

Регионы	Наименование показателей	2010г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	2023г.
Баткенская	Экспорт	15,7	24,3	16,6	19,7	23,6	65,2	69,3
	Импорт	26,3	35,0	40,6	24,9	32,9	34,7	33,1
Джал-Абад	Экспорт	55,7	160,1	214,8	188,2	221,3	210,3	300,9
	Импорт	95,4	48,7	49,4	70,9	131,6	171,2	248,7
Иссык-Куль	Экспорт	14,7	19,6	14,6	20,8	13,9	11,3	24,7
	Импорт	298,3	261,1	246,0	232,0	223,6	378,8	358,0
Нарынская	Экспорт	0,9	1,4	1,0	2,5	0,6	1,7	0,7
	Импорт	2,7	7,4	4,4	6,2	15,9	27,6	24,7
Ошская	Экспорт	37,1	50,1	79,2	64,2	73,1	94,5	92,3
	Импорт	90,9	281,1	304,1	179,3	360,3	302,4	246,5
Таласская	Экспорт	25,7	44,9	61,7	53,6	111,7	71,4	246,2
	Импорт	4,4	26,4	39,9	55,4	10,8	26,3	30,8
Чуйская	Экспорт	231,0	236,8	217,9	234,0	373,7	887,7	485,1
	Импорт	206,2	576,2	823,4	535,7	626,8	1 506,7	2368,0
Бишкек	Экспорт	1 020,8	1 155,3	1 225,6	1 286,8	1 800,7	666,3	1 978,2
	Импорт	1 899,4	3 640,2	2 918,5	2 225,8	3 598,3	6 403,9	6137,0
Ош	Экспорт	18,2	30,4	33,4	22,3	48,7	57,9	41,7
	Импорт	158,7	163,2	348,1	216,5	252,7	304,7	401,2
Кыргызская Республика	Экспорт	1 755,9	1 836,8	1 986,1	1 973,2	2 752,2	2 254,7	3 384,9
	Импорт	3 222,8	5 291,9	4 989,0	3 718,9	5 580,2	9 803,2	12517,9

Источник: составлена автором [61]

Анализ структуры экспорта и импорта по регионам Кыргызской Республики за 2023 год (таблица 3.14) позволяет проследить не только специфику внешнеэкономических связей, но и отразить роль предпринимательской активности в формировании торгового профиля регионов. Композиция товарной номенклатуры в разных областях свидетельствует о заметном влиянии малого и среднего предпринимательства на внешнеторговые потоки, особенно в секторах переработки, сельского хозяйства и легкой промышленности.

В ряде регионов, таких как Баткенская, Ошская, Таласская и Нарынская области, ведущие экспортные позиции занимают продукты сельского хозяйства: живые животные, овощи, молочная продукция, мед. Это свидетельствует о значительной роли фермерских и кооперативных хозяйств, а также о расширении возможностей для экспортоориентированных агропредприятий. Импорт же ориентирован на оборудование, удобрения и промышленные полуфабрикаты, что подтверждает потребность малых предприятий в технологической модернизации.

Чуйская область, как центр легкой промышленности, формирует экспортную корзину преимущественно за счет текстильных изделий и трикотажа, а также обуви. Это говорит о высокой активности швейного и обувного сектора, представленного преимущественно малыми производствами. Импорт региона, включающий оборудование и комплектующие, поддерживает развитие этих производственных ниш.

Город Бишкек, являясь крупнейшим промышленным и торговым узлом страны, демонстрирует сложную товарную структуру как в экспорте, так и в импорте. Наличие в экспорте электрических машин, медных и черных металлов, а в импорте — оборудования, текстиля, обуви — указывает на доминирование перерабатывающего сектора, тесно связанного с деятельностью малого и среднего бизнеса в сферах машиностроения, электроники и торговли.

Особо стоит отметить Джалал-Абадскую область, где в экспорте доминируют руды и хлопок, а в импорте — оборудование и драгоценные металлы. Это говорит о сосуществовании традиционных добывающих отраслей с современной переработкой и технологическим сектором, в котором растет участие частных предпринимательских структур.

Таблица 3.14. - Топ-5 позиций экспорта и импорта по регионам КР, 2023 г.

	Экспорт	Импорт
Баткенская область	Живые животные (47%), Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (28,2%), Овощи (5,3%),	Фрукты и орехи (30,9%), Овощи (8,4%), Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (7,1%),

	Одежда трикотажная (4,7%) Хлебные злаки (4,2%).	Оборудование и механические устройства (6,7%), Изделия из черных металлов (6,6%).
Джалал-Абадская область	Руды, шлак и зола (60,2%), Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (14,5%), 1. Хлопок (6,9%), 2. Фрукты и орехи (4,6%), 3. Электрические машины и оборудование (4%).	1. Оборудование и механические устройства (37,3%), 2. Жемчуг и драгоценные металлы (14,9%), 3. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (7,5%), 4. Электрические машины и оборудование (6,3%), 5. Изделия из черных металлов (4,9%).
Иссык-Кульская область	1. Руды, шлак и зола (23,1%), 2. Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный (21,6%), 3. Средства наземного транспорта (18,4%), 4. Оборудование и механические устройства (15,8%), 5. Прочие готовые текстильные изделия (4,3%).	1. Оборудование и механические устройства (30%), 2. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (19,5%), 3. Каучук, резина и изделия из них (8,7%), 4. Удобрения (6,1%), 5. Средства наземного транспорта (5,6%).
Нарынская область	1. Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы (44,5%), 2. Живые животные (18%), 3. Продукты животного происхождения (11%), 4. Произведения искусства, предметы антиквариата (4,5%), 5. Готовые продукты из зерна хлебных злаков, муки, крахмала (0,9%)	1. Трикотажное полотно машинного или ручного вязания (28,3%), 2. Химические нити (16,4%), 3. Одежда и принадлежности одежды трикотажные (11,2%), 4. Электрические машины и оборудование (7,8%), 5. Обувь, гетры и аналогичные изделия (7,6%).
Ошская область	1. Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы (27,6%), 2. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (25,7%), 3. Хлопок (22,8%), 4. Живые животные (7,3%), 5. Овощи (3%).	1. Одежда и принадлежности одежды трикотажные (17,9%), 2. Трикотажное полотно машинного или ручного вязания (12,4%), 3. Оборудование и механические устройства (8,3%), 4. Фрукты и орехи (5,2%), 5. Обувь, гетры и аналогичные изделия (4,4%).
Таласская область	1. Овощи (72%), 2. Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный (8,2%), 3. Фрукты и орехи (0,7%), 4. Живые животные (0,6%), 5. Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы (0,1%).	1. Оборудование и механические устройства (31,6%), 2. Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы (10,8%), 3. Полимерные материалы, пластмассы и изделия из них (8,5%), 4. Изделия из черных металлов (6%), 5. Мебель; постельные принадлежности, матрацы (5,6%).
Чуйская область	1. Одежда и принадлежности одежды трикотажные (7,5%), 2. Трикотажное полотно машинного или ручного вязания (5,7%), 3. Обувь, гетры и аналогичные изделия (5,6%), 4. Одежда и принадлежности одежды текстильные (5,5%), 5. Оборудование и механические устройства (4,9%).	1. Оборудование и механические устройства (13,3%), 2. Прочие изделия из недрагоценных металлов (10,8%), 3. Трикотажное полотно машинного или ручного вязания (9,7%), 4. Обувь, гетры и аналогичные изделия (7,3%), 5. Одежда и принадлежности одежды трикотажные (6,5%).

г. Бишкек	1. Электрические машины и оборудование (14,6%), 2. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (11,7%), 3. Медь и изделия из нее (11,6%), 4. Черные металлы (7,6%), 5. Средства наземного транспорта (6,8%).	1. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (13,8%), 2. Оборудование и механические устройства (10,7%), 3. Трикотажное полотно машинного или ручного вязания (7,6%), 4. Электрические машины и оборудование (7%), 5. Обувь, гетры и аналогичные изделия (6,4%).
г. Ош	1. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (61,7%), 2. Оборудование и механические устройства (9,7%), 3. Электрические машины и оборудование (8%), 4. Алюминий и изделия из него (3,8%), 5. Летательные аппараты, космические аппараты, их части (2,7%).	1. Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (16,6%), 2. Полимерные материалы, пластмассы и изделия из них (10,7%), 3. Электрические машины и оборудование (7,7%), 4. Оборудование и механические устройства (5,8%), 5. Древесина и изделия из нее; древесный уголь (4,7%).

Источник: составлена автором [61]

Таким образом, анализ структуры внешней торговли позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, предпринимательский сектор играет критически важную роль в обеспечении экспортной активности регионов, особенно в аграрной и легкой промышленности. Во-вторых, импортная структура подтверждает высокую степень зависимости МСП от внешних поставок оборудования, сырья и полуфабрикатов, необходимых для поддержания производства. В-третьих, укрепление экспортного потенциала страны невозможно без системной поддержки предпринимательства, включая доступ к кредитованию, технологиям и международным рынкам. В условиях региональных различий и структурной уязвимости некоторых областей предпринимательство выступает не только как фактор экономического роста, но и как механизм снижения межрегионального неравенства и устойчивого развития.

Уровень жизни населения регионов Кыргызской Республики. Уровень жизни населения Кыргызской Республики за последние годы характеризуется противоречивой динамикой, отражающей сложное сочетание макроэкономических тенденций, социально-политических факторов и внешнеэкономических вызовов. С одной стороны, в стране наблюдается

устойчивый номинальный рост валового внутреннего продукта, постепенное расширение предпринимательской активности, активизация внешнеторговой деятельности и рост инвестиций в определённых секторах экономики. С другой сохраняется высокая социальная уязвимость значительной части населения, усиливаются региональные диспропорции, а уровень бедности остаётся на тревожно высоком уровне.

На протяжении последнего десятилетия в Кыргызстане отмечалась положительная динамика в области роста ВРП на душу населения и расширения доступа к базовым услугам - здравоохранению, образованию, инфраструктуре. Однако эти достижения были серьезно нарушены кризисом 2020–2021 годов, вызванным пандемией COVID-19. На уровне республики в целом уровень бедности снизился с 33,7% в 2010 году до минимального значения в 2019 году (20,1%), что, вероятно, отражает позитивные результаты экономического роста, роста ВРП на душу населения, развития малого и среднего предпринимательства, а также притока прямых иностранных инвестиций в реальный сектор. Однако начиная с 2020 года, под влиянием глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19, наблюдается резкое ухудшение ситуации: уровень бедности вновь поднимается до 33,3% в 2021 году, и хотя в последующие два года он снижается, в 2023 году всё ещё составляет 29,8%, что значительно выше докризисного уровня (Рисунок 3.4.).

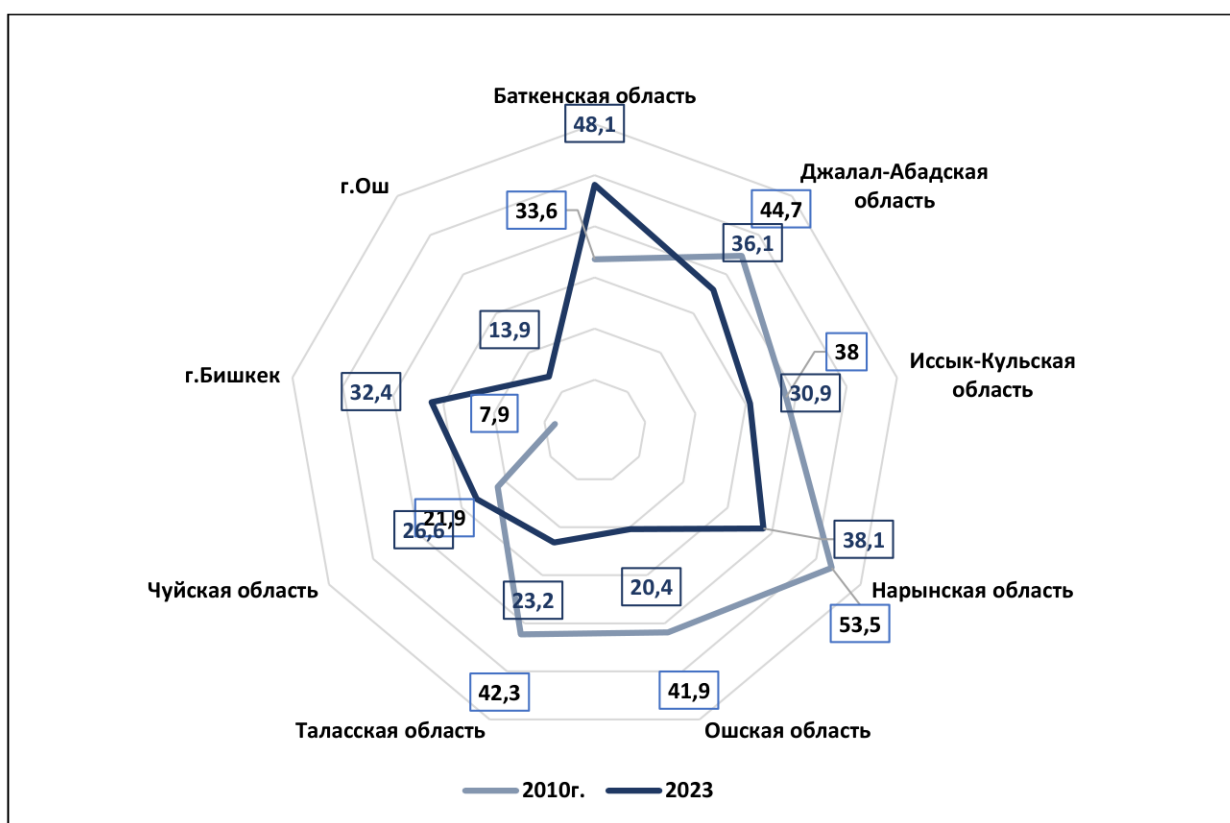

Рисунок 3.4. Уровень бедности населения по территории, 2010г/ 2023г., %.
Источник: составлен автором [61]

Уровень бедности в Кыргызской Республике определяется на основе интегрированного выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и рабочей силы, а также перерасчёта стоимостной величины черты бедности, что позволяет учитывать инфляционные процессы и изменения в экономической ситуации.

Анализ уровня бедности по регионам Кыргызской Республики за последние десять лет (2010–2023 гг.) свидетельствует о сложной и неоднозначной социальной динамике, в значительной степени коррелирующей с территориальными особенностями экономического развития, уровнем предпринимательской активности, внешнеторговой интеграцией и объемами инвестиций. Так, региональная структура бедности демонстрирует устойчивое неравенство (Таблица 3.15).

Особенно остро проблема бедности стоит в Баткенской, Нарынской и Джалал-Абадской областях, где в 2023 году зафиксированы одни из самых

высоких показателей - 48,1%, 38,1% и 36,1% соответственно. Эти регионы традиционно менее развиты с точки зрения промышленного и инвестиционного потенциала, а в структуре экономики доминируют аграрные формы хозяйствования. Несмотря на отдельные всплески экспорта или инвестиционной активности, данные указывают на недостаточность предпринимательской инфраструктуры и ограниченность возможностей для создания устойчивых рабочих мест.

В то же время Чуйская область и город Бишкек, которые на протяжении десятилетия аккумулировали основные объемы инвестиций, внешнеторгового оборота и предпринимательской активности, демонстрируют относительно низкий уровень бедности (26,6% и 32,4% в 2023 году соответственно), хотя и здесь прослеживается рост по сравнению с докризисным периодом. В Бишкеке, например, бедность в 2019 году составляла всего 11,9%, но уже в 2021 году выросла до 35,8%, что указывает на уязвимость даже экономически активных территорий к глобальным и внутренним шокам.

Ошская и Таласская области, несмотря на низкий уровень инвестиций и ограниченные экспортные позиции, продемонстрировали относительно умеренные показатели бедности в 2023 году (20,4% и 23,2% соответственно). Это может быть связано с эффектом трансграничной миграции, денежными переводами и локальной предпринимательской активностью, особенно в сфере торговли, швейного производства и сельского хозяйства, где малый бизнес играет ключевую роль в обеспечении занятости.

Особое внимание заслуживает Иссык-Кульская область, где уровень бедности снизился с 38% в 2010 году до 30,9% в 2023 году, несмотря на резкое падение инвестиций и экспортной активности в последние годы. Это может свидетельствовать о сохранении определенного запаса устойчивости на уровне домашних хозяйств, поддерживаемых туризмом и частными инициативами.

Таким образом, анализ подтверждает, что предпринимательство является одним из ключевых факторов снижения бедности, особенно в условиях

ограниченного государственного вмешательства и уязвимости экономики к внешним шокам. Развитие малого и среднего бизнеса способствует созданию рабочих мест, генерации доходов и диверсификации локальных экономик. Однако его влияние может быть ограниченным без системной поддержки: доступ к финансированию, рынкам сбыта, образованию и инфраструктуре остаются критически важными условиями для эффективного участия предпринимательства в борьбе с бедностью.

В долгосрочной перспективе устойчивое сокращение бедности в Кыргызстане невозможно без территориально сбалансированной социально-экономической политики, ориентированной на активизацию предпринимательского потенциала в регионах, инвестиции в человеческий капитал и расширение экономических возможностей для уязвимых групп населения.

Таблица 3.15. - Уровень бедного населения по регионам КР, в % к численности населения

	2010г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	2023г.
Кыргызская Республика	33,70	20,10	25,30	33,30	33,20	29,80
Баткенская область	33,60	32,60	34,70	40,70	48,50	48,10
Джалал-Абадская область	44,70	26,90	37,20	43,20	47,10	36,10
Иссык-Кульская область	38,00	24,40	27,90	38,10	31,20	30,90
Нарынская область	53,50	28,10	36,80	39,20	42,00	38,10
Ошская область	41,90	14,00	18,80	23,80	19,90	20,40
Таласская область	42,30	13,30	12,50	23,50	23,90	23,20
Чуйская область	21,90	19,10	25,40	27,00	26,10	26,60
г. Бишкек	7,90	11,90	16,80	35,80	35,70	32,40
г. Ош		20,70	14,70	28,60	26,60	13,90

Источник: составлена автором [61]

Сравнение с 2010 годом показывает, что за последние 13 лет, несмотря на значительное снижение бедности в первой половине периода, наблюдается её возврат к высоким уровням, характерным для начала десятилетия. Это указывает на необходимость более эффективных государственных мер,

направленных на борьбу с бедностью. Особое внимание следует уделить поддержке уязвимых групп населения, развитию инфраструктуры в бедных регионах, стимулированию занятости, особенно в сельских районах, а также сдерживанию инфляции через стабилизацию цен на продовольственные товары. Только комплексный подход к решению этих вопросов позволит возобновить тренд на снижение бедности и обеспечить устойчивое улучшение уровня жизни населения.

Предпринимательство в этом аспекте играет ключевую роль в повышении уровня жизни населения, особенно в сельских и периферийных районах. Малый и средний бизнес обеспечивает значительную часть занятости, способствует локальному экономическому развитию и формирует устойчивые источники дохода для домохозяйств. Однако доступ к ресурсам, финансированию, рынкам и государственной поддержке остаётся ограниченным, что сдерживает потенциал частного сектора в борьбе с бедностью и в обеспечении достойного уровня жизни.

Таким образом, результаты обобщённого анализа социально-экономических показателей Кыргызской Республики подтверждают, что предпринимательский сектор, особенно малое и среднее предпринимательство, выступает не просто элементом рыночной экономики, но и системообразующим фактором, определяющим устойчивость социально-экономического развития. На фоне региональных диспропорций, роста бедности и внешнеэкономических рисков именно предпринимательство обеспечивает занятость, стимулирует внутренний рынок, повышает инвестиционную привлекательность территорий и способствует снижению социального неравенства. В этих условиях приоритетное развитие предпринимательства должно рассматриваться как ключевое направление государственной политики, направленной на обеспечение инклюзивного, устойчивого и сбалансированного роста страны.

В целом, улучшение уровня жизни населения Кыргызстана требует системного подхода, основанного на поддержке устойчивого экономического

роста, развитии предпринимательства, расширении социальной инфраструктуры и адресной помощи наиболее уязвимым категориям граждан. Только при комплексной реализации этих направлений возможно обеспечение устойчивого повышения благосостояния населения и сокращение социального неравенства в стране.

3.2. Предпринимательская активность в региональном измерении: масштабы, структура и пространственная концентрация

Как было отмечено в предыдущих главах, становление и развитие малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике представляет собой сложный и многоуровневый процесс, формируемый взаимодействием внутренних и внешних социально-экономических условий. МСБ сегодня играет стратегически значимую роль в экономической системе государства, выступая источником создания рабочих мест, обеспечения стабильного дохода для населения и укрепления устойчивости национальной экономики.

Территориальная неоднородность институциональной среды оказывает значительное влияние на предпринимательскую активность. Различия в инфраструктуре, уровне доверия к власти, доступности административных процедур и инвестиционной привлекательности создают неравные условия для развития МСП в различных регионах страны.

Проведем анализ данных для выявления динамики ключевых показателей, а также определении вызовов, с которыми столкнулся данный сектор.

Надо отметить, что сектор МСП значительно увеличил свой вклад в валовый внутренний продукт (ВВП) страны, с 36% в 2010 году до 44% в 2023 году. Основной рост был обеспечен за счет увеличения числа зарегистрированных субъектов предпринимательства, включая фермерские хозяйства и индивидуальных предпринимателей.

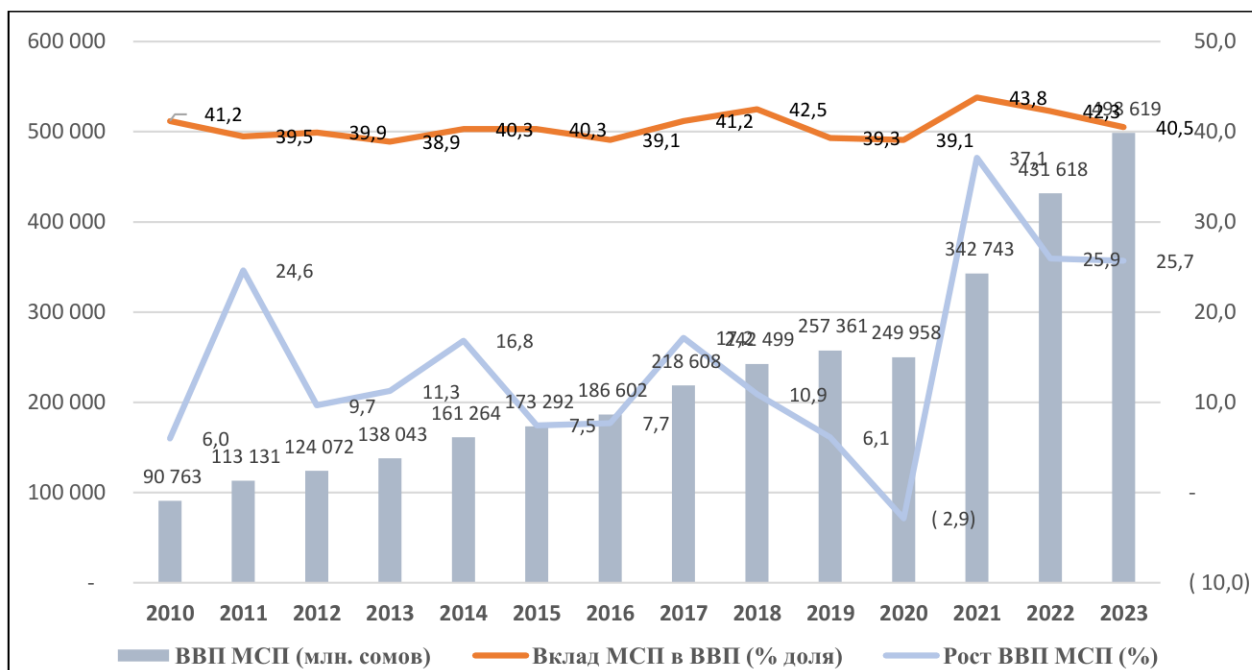

Рисунок.3.4. Динамика вклада МСП в ВВП, млн. сом.

Источник: составлен автором [61]

В 2023 году в Кыргызской Республике действовало 20,17 тысяч предприятий, из них 19,2 тысяч - малых предприятий и 0,93 тысяч - средних предприятий. (Рис.3.4.)

Таким образом, с 2010 года МСП остаются ключевым драйвером экономического роста в Кыргызстане, обеспечивая значительную часть ВВП страны и способствуя диверсификации её экономики. Однако для дальнейшего роста их доли в ВВП необходимо решение таких проблем, как доступ к финансированию, модернизация производственных процессов и улучшение деловой среды.

Рисунок 3.5. Доля МСП в ВВП по секторам экономики, в %.
Источник: составлен автором [61]

Доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в валовом внутреннем продукте (ВВП) Кыргызской Республики демонстрирует стабильный вклад в экономику страны с 2010 года. На протяжении анализируемого периода МСП обеспечивают около 40% ВВП, при этом их значение варьируется в зависимости от сектора экономики.

Как видно из рисунка и на основе анализа данных с сельское хозяйство занимают ведущую роль, производя более 70% продукции сектора. С 2010 года их вклад увеличивается за счёт роста числа фермерских хозяйств и внедрения современных технологий. Это отражает значимость аграрного сектора для обеспечения продовольственной безопасности и занятости.

МСП генерируют до 80% оборота сектора, что связано с преобладанием малых предприятий в розничной и оптовой торговле. Развитие торговли в городах Бишкек и Ош способствовало увеличению доли МСП в ВВП.

Сектор услуг (включая транспорт, гостиничный бизнес, финансовое посредничество) формирует около 50% ВВП МСП, что связано с ростом числа индивидуальных предпринимателей и малых компаний, предоставляющих услуги. Доля МСП в промышленности составляет около 25%, демонстрируя

умеренный рост благодаря активному развитию обрабатывающих предприятий, особенно в Чуйской и Джалал-Абадской областях.

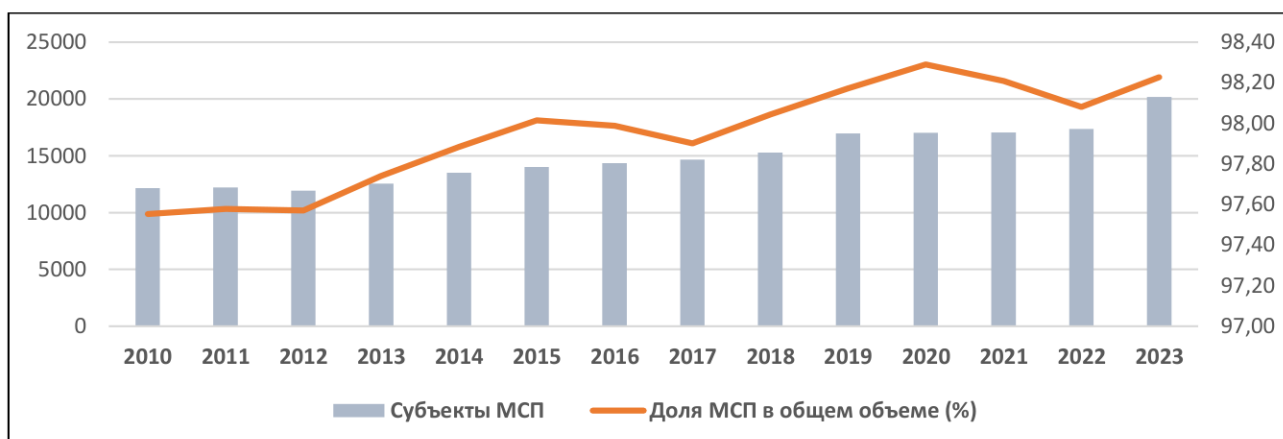

Рисунок. 3.6. Динамика количества субъектов МСП в КР и их доля в общем объеме. Источник: составлен автором [61]

Также, за исследуемый период увеличилось число занятых в секторе МСБ в 1,16 раза. В 2010 году в секторе МСП было занято около 30% экономически активного населения, тогда как к 2023 году этот показатель увеличился до 37% и составил 106,3 тыс. человек, или 4,0 % от общего числа занятых в экономике. Расширение занятости связано с активным развитием сферы услуг, розничной торговли и сельского хозяйства. Количество индивидуальных предпринимателей также растёт и составляет 17,3% от общего числа занятых в экономике, и составило 459,2 тысяч и по сравнению с 2010 годом. (Рис.3.7)

За последнюю декаду доля малого и среднего бизнеса и индивидуального предпринимательства увеличилась, при этом, рост удельного веса занятых составил 2,8%. Порядка 96% занятости приходится на индивидуальные предприятия, на малые 3,8%, на средние 0,2% увеличилось в 1,8 раза.

В-целом уровень участия в рабочей силе в Кыргызстане низкий (58,7% в 2023 году) и поэтому есть хороший человеческий потенциал для развития малого и среднего предпринимательства в стране. С учётом того, что количество занятых в МСБ и количество ИП растёт стабильно, а также для открытия МСБ не требуется крупных вложений, то стимулирование развития

МСБ может дать хороший эффект снижения безработицы, повышения занятости и в-целом улучшения уровня жизни населения.

Среднемесячная заработная плата работников малых и средних предприятий в 2023г. составила 19 689 сомов и по сравнению с 2019 г. возросла в 1,5 раза. В то же время, ее размер, по-прежнему, остается ниже уровня в среднем по республике (31 604 сома).

Наряду с этим, выше среднего показателя по республике размер заработной платы работников малых и средних предприятий сложился в г. Бишкек (22 590 сомов), Нарынской (28 028 сомов) и Таласской (21 065 сомов) областях.

Рисунок.3.8. Численность занятых по секторам предпринимательской деятельности (МСП и ИП), тыс. чел.

Источник: составлен автором [61]

Значительно изменилась доля субъектов МСП и индивидуальных предпринимателей в общей численности предприятий и выросла на 35%. Так, в 2010 году основная концентрация субъектов МСП и ИП приходилась на г. Бишкек, особенно в секторе торговли и составляла 65,8% от общего числа в

республике. В Ошской области значительную долю составляли индивидуальные предприниматели в сельском хозяйстве и торговле 6,2%. Наибольшее количество субъектов МСП приходится на сферу торговли (35%) и сельское хозяйство (28%), тогда как в 2010 году эти показатели составляли 42,5% и 28% соответственно.

Область	2010 г		2023г		изменение
	кол-во	доля в %	кол-во	доля в %	
Баткенская	22640	3,8	43321	4,5	0,6
Джалал-Абадская	47368	8,1	71002	7,3	-0,7
Иссык-Кульская	102899	17,5	150212	15,5	-1,9
Нарынская	28995	4,9	45660	4,7	-0,2
Ошская	111913	19,0	230312	23,8	4,8
Таласская	53954	9,2	75552	7,8	-1,4
Чуйская	59369	10,1	90558	9,4	-0,7
Города					
Бишкек	112675	19,2	172133	17,8	-1,3
Ош	48357	8,2	87554	9,1	0,8

Рисунок. 3.9. Субъекты малого и среднего предпринимательства по территории 2010г. и 2023г. (ед), Источник: составлен автором [61]

В Чуйской области доля МСП и ИП была сосредоточена в торговле и промышленности - 10,7%. К 2023 году, несмотря на рост абсолютных чисел, в г. Бишкек, доля снизилась до 45,4% в общем объеме, что связано с развитием других регионов. В Ошской области увеличение до 6,5%, связано с усилением предпринимательской активности в сельском хозяйстве и легкой промышленности. В Чуйская области стабильная доля, остающаяся на уровне 22,5%, отражает развитие торговли и перерабатывающей промышленности (рис3.10).

Таким образом, в 2023 году наблюдается диверсификация субъектов МСП и ИП по регионам, с заметным ростом в Ошской и Чуйской областях. Основной вклад в это внесли государственные программы поддержки

сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, а также инвестиции в инфраструктуру регионов.

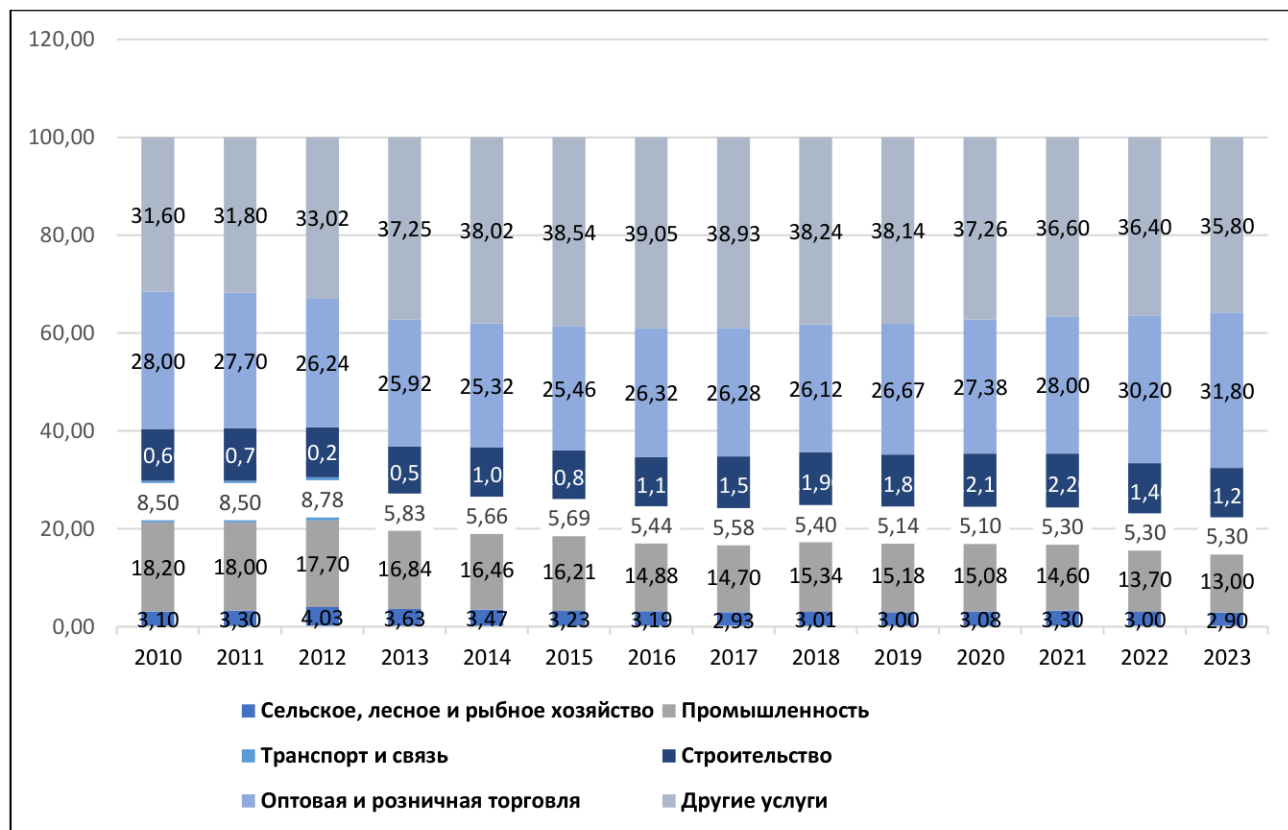

Рисунок 3.10. МСП по отраслям экономики КР, %.

Источник: составлен автором [61]

Сектор малого и среднего предпринимательства (МСП) обеспечивает занятость почти четверти экономически активного населения страны. Согласно данным, значительная часть занятости в этом секторе приходится на сельское хозяйство, промышленность и торговлю.

Распределение по регионам показывает, что треть работников сосредоточена в Чуйской области, четверть — в Ошской области. На Джалал-Абадскую и Иссык-Кульскую области приходится 18% и 15% занятых соответственно. Баткенская, Таласская и Нарынская области обеспечивают 12%, 10%, 8% и 6% занятости в секторе МСП.

Наиболее высокая концентрация предпринимательской активности и занятости в городе Бишкек, где 75% занятых в этом секторе. В южной столице, городе Ош, этот показатель составляет 25%. Подобная статистика подчеркивает неравномерное распределение деловой активности между регионами, что обусловлено ограниченной реализацией программ регионального развития. Это, в свою очередь, способствует внутренней миграции и перемещению предпринимателей и рабочих в крупные города, такие как Бишкек и Ош. (Рис.3.11.)

Диаграмма также демонстрирует, что соотношение занятости по секторам МСП оставалось относительно стабильным на протяжении 2011–2023 годов, с преобладанием сельского хозяйства, торговли и промышленности.

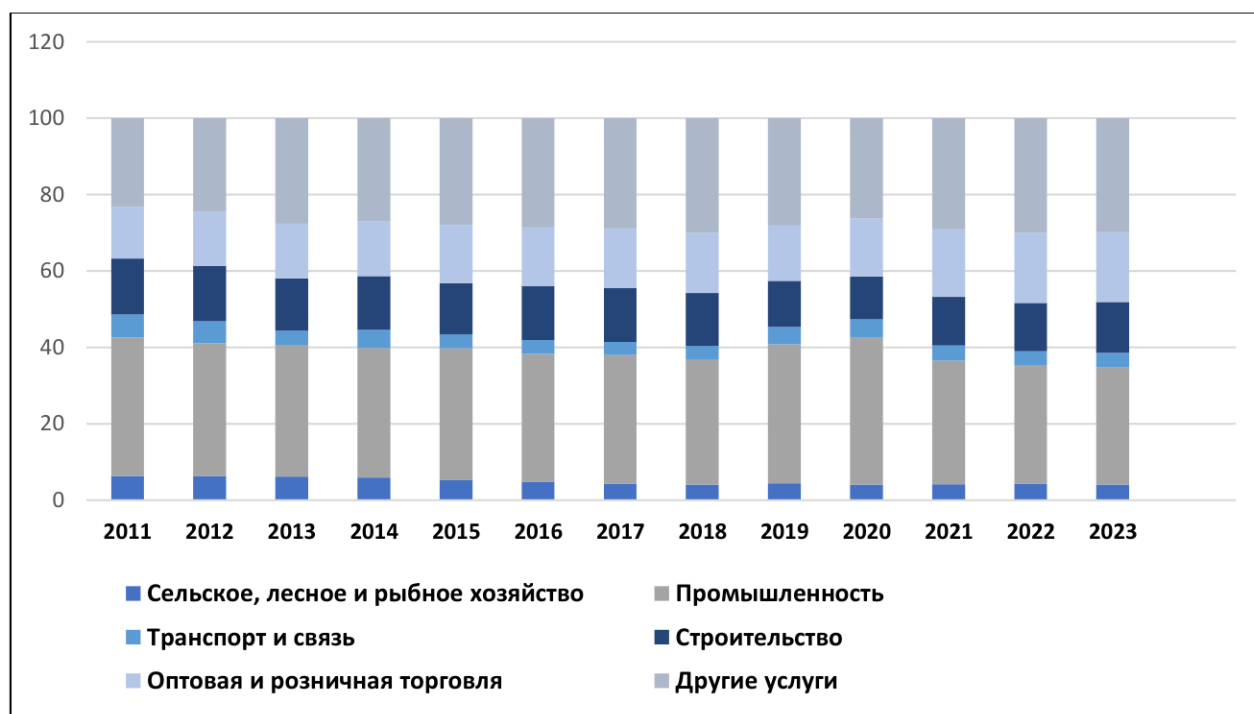

Рисунок 3.11. Занятость в МСП по отраслям экономики КР, в %
Источник: составлен автором [61]

Анализ состояния и динамики сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) представляет собой важный элемент оценки экономического развития региона, поскольку МСП играет ключевую роль в создании рабочих мест, стимулировании инноваций и обеспечении гибкости

рыночной системы. Однако для более точной и объективной характеристики масштабов предпринимательской активности недостаточно ограничиваться абсолютными показателями количества субъектов МСП. В этой связи особую значимость приобретает такой индикатор, как уровень предпринимательской плотности, рассчитываемый как число зарегистрированных субъектов предпринимательства на 1000 человек экономически активного населения (рабочей силы). Этот показатель позволяет учесть демографические и трудовые особенности региона, выявить реальные уровни деловой активности и степень вовлечённости населения в предпринимательскую деятельность.

Согласно расчётам, уровень предпринимательской плотности в Кыргызской Республике по состоянию на 2023 год составил 173 субъекта предпринимательства на 1000 человек экономически активного населения при включении индивидуальных предпринимателей в общее количество зарегистрированных субъектов. В то же время, без учёта индивидуальных предпринимателей данный показатель снижается до 7 на 1000 экономически активных лиц, что указывает на доминирование микропредпринимательства в структуре отечественного бизнеса. Полученные значения свидетельствуют о высокой формальной предпринимательской активности при условии учета самозанятых и лиц, работающих по патенту, однако низкая плотность при исключении этой категории отражает недостаточную институционализацию предпринимательства и ограниченную представленность малого и среднего бизнеса в более организованных и устойчивых формах.

Такое соотношение подчёркивает важность не только количественного, но и качественного анализа предпринимательской среды в республике, а также необходимость выработки политики, ориентированной на переход индивидуальных предпринимателей в более стабильные организационно-правовые формы, сопровождаемые ростом производительности, занятости и налогооблагаемой базы.

С 2010 по 2023 годы динамика выручки малых и средних предприятий в Кыргызской Республике демонстрирует устойчивый рост, обусловленный как

внутренними, так и внешними экономическими факторами. Выручка малых предприятий за указанный период увеличилась с 27 845,1 млн сомов до 237 230,1 млн сомов, что составляет рост в 8,5 раза. Основные этапы развития малого бизнеса можно разделить на три ключевых периода. В 2010–2015 годах наблюдался умеренный рост (+88%), который был обусловлен постепенным упрощением административных процедур, начальным этапом развития предпринимательства и расширением доступа к ресурсам. С 2016 по 2019 годы темпы роста усилились, достигнув 87%, что связано с активным внедрением цифровых технологий и увеличением числа зарегистрированных субъектов малого предпринимательства [54, с.4]. В 2020–2023 годах малые предприятия продемонстрировали резкий рост выручки (+156%), что, вероятно, связано с государственной поддержкой, направленной на восстановление экономики после пандемии, а также с адаптацией бизнеса к новым условиям экономической среды.

Таблица 3.17. - Выручка МСП, млн сом.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	52 049,8	59 739,2	80 205,4	77 784,8	82 433,1	87 756,3	98 984,7	118 035,2	124 426,3	147 892,5	135 325,0	202 964,3	258 783,3	353 591,7
малые предприятия	27 845,1	31 525,8	38 006,1	42 717,0	47 947,2	52 338,2	60 464,1	72 113,5	78 521,1	98 084,7	92 848,2	134 866,2	171 104,2	237 230,1
средние предприятия	24 204,7	28 213,3	42 199,3	35 067,8	34 485,9	35 418,1	38 520,6	45 921,7	45 905,2	49 807,9	42 476,8	68 098,1	87 679,1	116 361,6

Источник: составлена автором [61]

Выручка средних предприятий за аналогичный период увеличилась с 24 204,7 млн сомов до 116 361,6 млн сомов, что составляет рост в 4,8 раза. Однако динамика их развития была менее выраженной по сравнению с малыми предприятиями. В период с 2010 по 2015 годы прирост составил лишь 46%,

что указывает на наличие структурных ограничений, таких как высокая стоимость операций и сравнительно меньшая гибкость. С 2016 по 2019 годы наблюдалось некоторое ускорение (+40%), что, вероятно, связано с улучшением деловой среды и усилением внимания к среднему бизнесу со стороны государства. В посткризисный период (2020–2023 годы) рост выручки средних предприятий ускорился (+174%), что свидетельствует о диверсификации их деятельности и успешной адаптации к изменившимся экономическим условиям.

Сравнительный анализ показывает, что малые предприятия демонстрируют более высокие темпы роста выручки за счет своей гибкости, способности к инновациям и низким операционным затратам. Средние предприятия, несмотря на более медленное развитие, играют ключевую роль в стабильности экономики, особенно в промышленном секторе и инфраструктурных проектах, где их влияние постепенно увеличивается.

Тенденции последних лет позволяют утверждать, что малые предприятия продолжают играть ведущую роль в экономике страны, особенно в таких секторах, как торговля, услуги и информационные технологии. Средние предприятия, в свою очередь, будут наращивать свой вклад за счет привлечения инвестиций и внедрения современных технологий. Рост выручки в посткризисный период указывает на восстановление экономики и эффективность мер государственной поддержки. Однако дальнейший рост может столкнуться с вызовами, связанными с насыщением рынка и усилением конкуренции. Таким образом, стратегическое развитие обоих сегментов предпринимательства станет определяющим фактором для обеспечения устойчивого экономического роста в Кыргызской Республике.

В контексте анализа динамики выручки малых и средних предприятий за период с 2010 года необходимо отметить значительный вклад, который вносит город Бишкек. В 2023 году 98,9% общего объема выручки малых и средних предприятий обеспечено именно столицей. Несмотря на снижение доли города Бишкек на 2,7% по сравнению с 2018 годом, рост абсолютного значения

выручки остается впечатляющим — увеличение составило 75,3 млрд сомов, или 98,9% за данный период. Это свидетельствует о том, что, хотя доля других регионов начала постепенно увеличиваться, Бишкек продолжает оставаться центром предпринимательской активности.

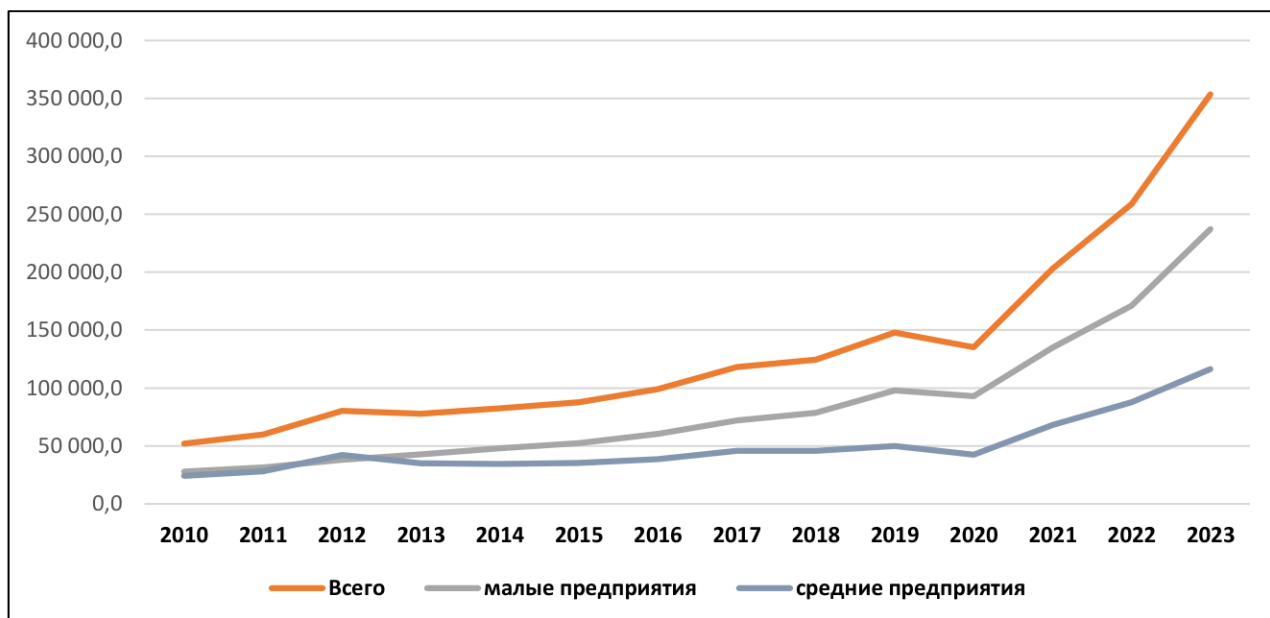

Рисунок 3.12. Тенденции выручки МСП по годам, млн сом.

Источник: составлен автором [61]

Сравнение с 2021 годом показывает, что объем выручки предприятий столицы вырос на 55,8 млрд сомов, что эквивалентно увеличению на 27,5%. Этот рост объясняется активным развитием ключевых отраслей экономики. Наибольший вклад в общую выручку внесли предприятия промышленности, обеспечив 33,7% от общего объема выручки малых и средних предприятий. Сектор оптовой и розничной торговли, а также ремонта автомобилей и мотоциклов занял второе место с долей в 20,7%, за ним следует строительный сектор, на долю которого приходится 18,7%. Такое распределение подчеркивает важность промышленного и торгового секторов как основных драйверов экономики столицы.

В 2022 году результативность деятельности малых и средних предприятий нашла свое отражение в положительном сальдированном финансовом результате, который составил 35,2 млрд сомов. Этот показатель

является наивысшим за последние восемь лет и демонстрирует не только восстановление экономики после пандемии, но и эффективность структурных реформ и стимулирующих мер, направленных на поддержку предпринимательства. В сравнении с 2010 годом, когда экономика находилась на стадии становления, столь высокие финансовые результаты свидетельствуют о зрелости и устойчивости малого и среднего бизнеса как важного компонента национальной экономики.

Продолжение роста выручки и финансовой результативности, несмотря на снижение доли столицы в общем объеме, подтверждает тенденцию к более равномерному распределению предпринимательской активности по регионам. В то же время, сохранение высоких показателей по ключевым отраслям экономики свидетельствует о способности малых и средних предприятий адаптироваться к вызовам и извлекать выгоду из новых возможностей, которые предоставляет развитие экономики Кыргызской Республики.

Инновации. Инновационная активность малых и средних предприятий Кыргызской Республики остаётся ограниченной, что обусловлено рядом факторов, включая низкий уровень конкуренции на внутреннем рынке, недостаточную поддержку со стороны государства и слабую интеграцию в международные цепочки поставок. В отличие от западных компаний, работающих в условиях высокой конкуренции, инновационно активные предприятия в Кыргызстане преимущественно ориентированы на внутренний рынок, что сдерживает их стремление к модернизации и внедрению инноваций.

По классификации, предложенной в одном из исследований, кыргызские предприятия можно разделить на три группы по уровню инновационной активности. Первая группа включает компании, которые соответствуют международным стандартам инновационности. Это, как правило, предприятия, работающие в сфере информационных технологий, где уровень конкуренции выше, а требования к качеству продукции соответствуют

мировым стандартам. Эти предприятия интегрируются в глобальные рынки и способны внедрять передовые технологии [101, с. 78].

Вторая группа охватывает предприятия, ориентированные на рынки стран СНГ. Их продукция характеризуется более высоким качеством по сравнению с продукцией, реализуемой на внутреннем рынке, а также соответствием стандартам регионального уровня. В эту категорию входят предприятия пищевой промышленности, такие как ТД «Куликовский», ЗАО «Шоро», ОАО «Бишкексут» и другие, которые внедряют инновации, обновляют ассортимент и демонстрируют финансовую устойчивость.

Третья группа включает малые и средние предприятия, функционирующие исключительно на внутреннем рынке. Эти предприятия, как правило, работают на устаревшей материально-технической базе и характеризуются низкой инновационной активностью. Большая часть предприятий Кыргызстана относится именно к этой группе, что отражает общую слабость национальной инновационной системы и ограниченность ресурсов для развития.

Несмотря на низкий уровень инновационной активности, роль МСП в экономике остаётся значительной. В 2023 году на долю МСП пришлось 40,5% валового внутреннего продукта страны, при этом объем валовой добавленной стоимости, произведенной субъектами МСП, составил 498,6 млрд сомов. Это подчеркивает потенциал МСП как драйвера экономического роста, который может быть усилен через развитие инноваций.

Таблица 3.18. - Динамика поступлений инвестиций в КР, млн долл. США

	2010	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Количество субъектов, единиц							
малые предприятия	11 338	14 520	16 199	16 302	16 252	16 587	19 245
средние предприятия	823	769	779	717	798	788	928
индивидуальные предприниматели	244 950	401 658	411 405	418 763	429 985	442 507	459 191
крестьянские (фермерские) хозяйства	331 059	439 602	452 308	461 581	467 423	473 161	486 940
Объем валовой добавленной стоимости, млн. сомов	90 763,2	242 499,0	257 361,2	249 957,6	318 675,5	396 731,6	498 618,8

малые предприятия	16 325,0	38 987,7	41 627,0	48 984,3	69 218,9	91 272,8	116 944,8
средние предприятия	11 538,6	23 515,9	23 065,3	21 121,7	34 730,9	54 220,0	75 024,0
индивидуальные предприниматели	37 420,9	141 228,8	151 890,4	132 721,5	156 252,6	185 412,1	238 456,5
крестьянские (фермерские) хозяйства	25 478,7	38 766,6	40 778,5	47 130,1	58 473,1	65 826,7	68 193,5
Удельный вес объема валовой добавленной стоимости в ВВП, в процентах	41,2	42,5	39,3	39,1	40,8	38,8	40,5
малые предприятия	7,4	6,8	6,4	7,7	8,8	8,9	9,5
средние предприятия	5,2	4,1	3,5	3,3	4,5	5,3	6,1
индивидуальные предприниматели	17,0	24,8	23,2	20,7	20,0	18,1	19,4
крестьянские (фермерские) хозяйства	11,6	6,8	6,2	7,4	7,5	6,5	5,5
Поступление прямых иностранных инвестиций, млн.долл.США							
Всего	162,2	222,9	280,2	152,5	174,8	230,3	263,8
малые предприятия	132,9	97,8	101,2	62,6	99,7	153,9	163,6
средние предприятия	29,3	125,1	179,0	89,9	75,1	76,4	100,2

Источник: составлена автором [61]

Поступление прямых иностранных инвестиций в сектор МСП также играет важную роль в стимулировании инновационной активности. В 2023 году объём ПИИ в малые и средние предприятия составил 263,8 млн долларов США, что на 14,5% больше, чем в 2022 году. Наибольший прирост инвестиций отмечался в средних предприятиях (+31,2%), в то время как малые предприятия привлекли на 6,3% больше инвестиций, чем годом ранее. Основные направления инвестирования включали добычу полезных ископаемых, обрабатывающее производство, строительство, торговлю, гостиничный бизнес и информационные технологии.

Значительная часть инвестиций (94%) была привлечена предприятиями, расположенными в Бишкеке, а также в Иссык-Кульской, Нарынской, Чуйской и Джалал-Абадской областях. Это свидетельствует о доминировании центральных регионов в привлечении ресурсов и необходимости более

равномерного распределения инвестиций для развития периферийных регионов.

Таким образом, инновационная активность МСП Кыргызской Республики остаётся ограниченной, однако их роль в экономике подчёркивает необходимость усиления государственной поддержки. Это включает развитие инновационной инфраструктуры, упрощение доступа к финансированию и внедрение образовательных программ, направленных на повышение инновационной культуры среди предпринимателей. Только через реализацию комплексных мер можно повысить конкурентоспособность МСП и их способность интегрироваться в международные рынки.

Миграция. Трудовая миграция является важным компонентом экономического развития Кыргызской Республики, оказывая значительное влияние на уровень доходов населения, внутренний спрос и развитие малого и среднего бизнеса. Денежные переводы трудовых мигрантов, работающих за рубежом, представляют собой один из основных источников поступлений в экономику страны. В 2023 году объём денежных переводов составил 2,7 млрд долларов США, что свидетельствует о значимости данного фактора для обеспечения финансовой стабильности домохозяйств и экономики в целом. Анализ динамики поступлений денежных средств за период с 2010 по 2023 годы позволяет выявить устойчивый рост их объёмов, несмотря на отдельные периоды спада, обусловленные глобальными экономическими и социальными вызовами.

В 2010 году объём денежных переводов составлял 1,25 млрд долларов США. К 2018 году этот показатель увеличился более чем в два раза, достигнув 2,69 млрд долларов США. Основным источником переводов остаются страны СНГ, в первую очередь Россия, на долю которой в 2023 году пришлось 2,53 млрд долларов США, или 93,5% от общего объема поступлений из стран СНГ. Приток средств из Казахстана остаётся незначительным, увеличившись с 35 млн долларов США в 2010 году до 16,7 млн долларов США в 2023 году. Среди стран дальнего зарубежья наибольшие поступления наблюдаются из США

(45,3 млн долларов США в 2023 году), Южной Кореи (60,1 млн долларов США) и Турции (17,5 млн долларов США), что указывает на расширение географии трудовой миграции.

Таблица 3.19. - Динамика денежных переводов в КР, млн сом

	2010	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Приток	1 252,6	2 685,3	2 406,9	2 377,2	2 756,2	3 086,5	2 706,1
Страны СНГ	1 199,3	2 640,6	2 360,0	2 332,5	2 698,5	2 952,3	2 550,9
Казахстан	35,0	2,2	1,3	6,1	5,6	9,5	16,7
Россия	1 164,3	2 638,3	2 358,5	2 324,8	2 690,8	2 938,5	2 531,5
Прочие	0,0	0,1	0,3	1,6	2,1	4,4	2,6
Страны дальнего зарубежья	53,3	44,7	46,8	44,7	57,7	134,2	155,3
США	41,7	26,7	30,8	26,3	43,2	54,9	45,3
Турция	0,0	0,0	0,1	0,4	0,8	12,9	17,5
Южная Корея	0,0	0,0	0,1	0,6	3,9	40,9	60,1
Прочие	11,6	17,9	15,9	17,4	9,8	25,4	32,3

Источник: составлена автором [61]

Основными источниками денежных доходов населения являются доходы от трудовой деятельности - 68,9% от располагаемых доходов, социальные трансферты – 14,5%, а также доходы от продажи сельскохозяйственной продукции, произведенной в личном подсобном хозяйстве – 12,4%. 12,6% доходов приходится на трудовую деятельность населения, осуществляемую за пределами Кыргызской Республики – здесь наибольшую зависимость от них показывают Баткенская и Ошская области.

Таким образом, очевидно влияние денежных переводов из-за рубежа на материальное благосостояние населения. Например, при исключении таких доходов, уровень бедности возрастает во всех регионах страны: наибольшее воздействие это будет иметь на показатели уровня бедности Баткенской, Ошской, Джалал-Абадской и Чуйской областей, наименьшее – на показатели Нарынской области.

Несмотря на значительные объёмы денежных переводов, их вклад в долгосрочное развитие экономики Кыргызстана остаётся ограниченным. Основная часть переводов (63%) расходуется на текущее потребление, включая продукты питания, оплату коммунальных услуг и товары первой необходимости. Лишь 2% средств направляются на инвестиции в образование, а 3% используются для накоплений или финансирования предпринимательской деятельности. Это свидетельствует о низком уровне инвестиционного потенциала денежных переводов. Для сравнения, в других странах-экспортёрах трудовой миграции доля средств, направленных на инвестиции, значительно выше.

Одной из причин низкой эффективности использования денежных переводов является недостаточная финансовая грамотность трудовых мигрантов и их семей. Многие предпочитают недепозитные формы сбережений, такие как приобретение скота или автомобилей, либо хранят деньги в наличной форме, не вкладывая их в развитие бизнеса или другие продуктивные активы. Такая практика ограничивает потенциал денежных переводов как инструмента экономического роста и улучшения уровня жизни населения.

Анализ показывает, что для повышения эффективности использования денежных переводов необходимо внедрение программ повышения финансовой грамотности среди трудовых мигрантов и их семей. Важно развивать механизмы накопления и инвестирования, включая доступные кредитные продукты, образовательные программы и платформы для финансирования бизнеса. Это позволит трансформировать денежные переводы из средства текущего потребления в инструмент устойчивого экономического роста, который будет стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, увеличение занятости и повышение уровня жизни населения. Таким образом, трудовая миграция, при условии продуктивного использования поступающих средств, может стать ещё более значимым фактором долгосрочного развития экономики Кыргызской Республики.

Коррупция. В исследовании Торгово-промышленной палаты 49,5% опрошенных предпринимателей отметили, что коррупция в стране мешает развитию бизнеса [105, с. 21]. Также среди основных проблем было отмечено, что предприниматели не чувствуют себя защищенными со стороны государства и это является одним из главных барьеров для развития бизнеса и фактором ухода бизнеса в «тень». Более половины (55,4%) участников опроса отметили различные барьеры, с которыми они столкнулись при получении помощи, такие как отсутствие доступной информации, некомпетентность государственных служащих, высокий размер социальных отчислений, недобросовестная конкуренция и др.

В рейтинге международной организации Transparency International по Индексу восприятия коррупции Кыргызская Республика набрала 26 баллов из 100, стабильно ухудшая свои результаты, и заняла 141 место в рейтинге из 180 стран [144, с. 2]. Для развития бизнеса важно искоренение системной коррупции, которая мешает ему развиваться, и доверие бизнеса к государственным органам, в частности к правоохранительным органам и налоговой службе.

Неформальная экономика – объективная реальность экономики Кыргызской Республики. Экономическая деятельность, при которой хозяйствующие субъекты реализуют свою политику в сфере скрытого производства (фирмы) и неформального производства (домохозяйства), направлена в основном на снижение налогового бремени и ослабление контроля со стороны государственных органов. Безусловно, малому и среднему бизнесу легче оставаться в тени, нежели крупному бизнесу.

По официальным данным уровень теневой экономики в стране составляет 19,2% к ВВП по итогам 2023 года и имеет тенденцию к снижению. Однако, разные экспертные оценки показывают, что до 50% производства добавленной стоимости может находиться в тени.

Теневая экономика. В практике национальной статистики в понятие ненаблюдаемой экономики включается скрытая и неформальная деятельность.

Под скрытой экономической деятельностью понимают, в большинстве случаев, законную экономическую деятельность, которая скрывается или преуменьшается осуществляющими ее единицами с целью уклонения от уплаты налогов, взносов социального страхования или несоблюдения установленных законом определенных административных обязанностей или предписаний по охране труда, выполнению санитарных и других норм, а также не заполнение административных форм или статистических вопросников[67]. Эта деятельность может осуществляться практически во всех отраслях экономики.

Неформальная экономическая деятельность осуществляется, преимущественно, на законном основании индивидуальными производителями или предприятиями, принадлежащими отдельным лицам или домашним хозяйствам. Их деятельность основана на неформальных отношениях между участниками производства, они могут (полностью или частично) производить товары или услуги для собственного конечного потребления. Часто неформальная деятельность основана на вторичной занятости и, зачастую, ею занимаются непрофессионально.

Многие предприниматели, согласно существующему законодательству, получают статус физического лица, как с привлечением наемного труда, так и без его привлечения и относятся к сектору «Домашние хозяйства» или неформальному сектору. Например, к этому сектору относятся лица, занимающиеся торговлей, ремонтом автомобилей, перевозками пассажиров и грузов на личном транспорте, осуществляющие пошив одежды, помол муки, выпечку лепешек и хлеба, и т.д.

Не включаются в ненаблюдаемую экономику воровство, мошенничество, вымогательство, финансовые махинации и многие другие противоправные действия, хотя они и связаны в известной степени с операциями с экономическими активами (деньгами, имуществом), но по своей сути не являются экономическими.

По оценке НСК КР доля ненаблюдаемой (скрытой и неформальной) экономики в объеме ВВП, оцененная со стороны добавленной стоимости, в 2021 году составила 21% к ВВП и сложилась в размере 155, млрд. сомов.

В 2022 году в неформальном секторе было занято 65,3% мужчин и 34,7% женщин. Половина занятых в неформальном секторе – люди в возрасте 30-49 лет, 31,9% - молодые люди от 15 до 29 лет, 17,7% люди в возрасте 50-69 лет и 0,4% люди старше 70 лет. Большая часть неформального сектора концентрируется сельской части страны – 64,6%, на город приходится 35,4% [82, с. 44].

Наибольший масштаб теневой сектор имеет в сфере услуг (47,8%), 20,5% приходится на сельское хозяйство, в сфере строительства осуществляется 17,8% неформальных сделок, а в промышленности 13,9%. 75,3% рабочих мест в неформальном секторе создается на индивидуальной основе, остальные 24,7% в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Наиболее крупные доли неформальных вновь созданных рабочих мест на индивидуальной основе приходятся на оптовую и розничную торговлю (18,7%), ремонт автомобилей и мотоциклов, затем идет строительный сектор (14,4%), практически наравне с ним находится прочая обслуживающая деятельность (14,1%), другие виды экономической деятельности составляют 10,6%, сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство 10,9% и обрабатывающие производства 9,8%.

Сектор малого и среднего предпринимательства является важным сектором экономики страны. На протяжении многих лет доля малого и среднего бизнеса превышает 40% ВВП Кыргызской Республики. В то же самое время, динамика этой доли не показывает устойчивой тенденции к росту, а скорее имеет понижательный тренд.

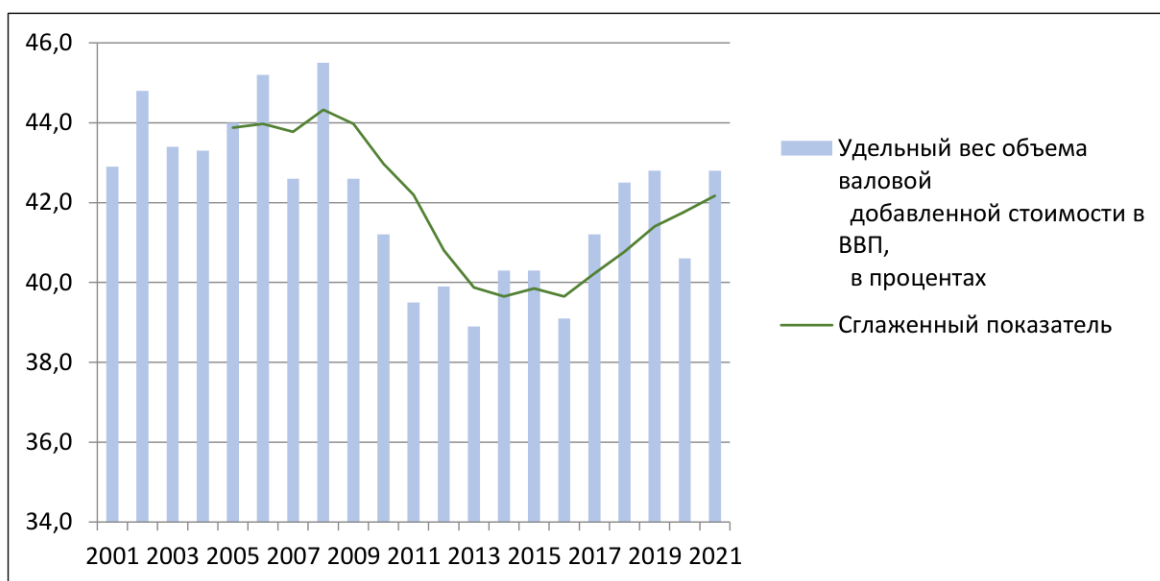

Рисунок 3.13. Удельный вес объема ВДС в ВВП, % [148]

Неформальная экономика в Кыргызстане сосредоточена в определенных секторах экономики – сфере торговли и услуг, строительстве, обрабатывающей промышленности, торговле и логистике. Преобладание неформальной экономической деятельности в стране привело к высокой степени неформальности рынка труда, прежде всего в упомянутых секторах. Сложная структура налоговой системы и социального страхования привела к неравномерному распределению налогового бремени между формальным сектором и сектором индивидуальных предпринимателей, малых предприятий, отдельных подотраслей и самозанятых людей. Такое искажение государственной политики позволяет получившим льготные условия предпринимателям работать менее официально, скрывая реальный объём своей деятельности и мешая развитию формального сектора, где налоговая нагрузка существенно выше [7, с. 87].

Недобросовестная конкуренция также является частым проявлением теневой экономики. Теневые компании имеют преимущество перед официально зарегистрированными предприятиями, так как не несут расходов на налоги и соблюдение регуляций. Это подрывает честную конкуренцию, увеличивает себестоимость товаров и услуг МСБ.

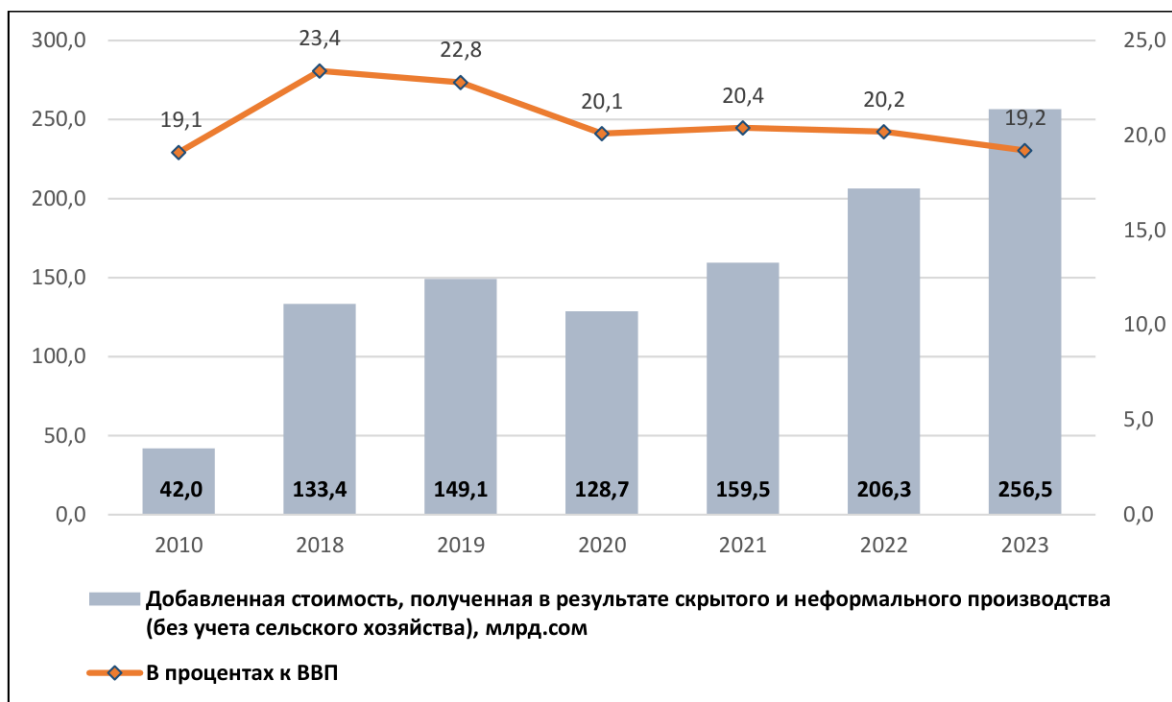

Рисунок 3.14. Динамика ненаблюдаемой экономики КР

Сектор МСП и ИП также играет значительную роль во внешней экономической деятельности – более половины экспортных поставок приходится на долю сектора. Треть импорта страны осуществляется представителями малого и среднего бизнеса и индивидуальными предпринимателями.

Согласно анализу внешнеторговой деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) Кыргызской Республики, в 2020 году их оборот составил 2515,6 млн долларов США, что демонстрирует сокращение на 36,6% по сравнению с 2019 годом и на 13,6% по сравнению с 2016 годом. Экспортные поставки в 2020 году составили 492,0 млн долларов США, что ниже уровня 2019 года на 30,0% и уровня 2016 года на 13,4%. Импортные поступления субъектов МСП достигли 2023,6 млн долларов США, снизившись на 38,0% по сравнению с 2019 годом и на 13,6% по сравнению с 2016 годом.

В сравнении с 2010 годом, когда внешнеторговый оборот МСП составлял порядка 3 млрд долларов США, нынешние показатели свидетельствуют о заметном сокращении экспортной активности на фоне сохраняющейся высокой зависимости от импорта. Доля предприятий МСП в общем объеме

импорта сократилась с 63,5% в 2009 году до 54,4% в 2020 году, что указывает на снижение их значимости в этой сфере. Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении экспортной деятельности: доля субъектов МСП в общем объеме экспорта Кыргызской Республики снизилась с 25% в 2009 году до 24,9% в 2020 году, несмотря на рост абсолютных объемов экспорта в некоторые периоды.

Таблица 3.20. - Основные показатели участия МСП в экспорте и импорте КР

	2010	2011	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЭКСПОРТ										
Стоимость экспорта МСП (млн долл. США)	454,0	626,0	675,6	540,6	722,8	702,7	492,0	751,6	1 508,5	1 351
Экспорт МСП в общей стоимости экспорта (%)	25,9	27,9	35,1	36,5	39,3	35,4	24,9	27,3	66,9	39,9
Рост экспорта МСП (%)	5,6	37,9	7,9	16,2	17,9	(2,8)	(30,0)	52,8	101,1	(10,5)
ИМПОРТ										
Стоимость импорта МСП (млн долл. США)	2 047,6	2 578,5	3 215,7	2 524,1	3 397,8	3 266,3	2 023,6	3 162,4	6 454,3	7 042
Импорт МСП в общую стоимость импорта (%)	63,5	60,5	57,7	60,8	64,2	65,5	54,4	56,7	65,8	56,3
Рост импорта МСП (%)	2,3	25,9	24,7	(17,3)	17,3	(3,9)	(38,0)	56,3	104,1	9,1

Источник: составлена автором [61]

Наибольший вклад в экспортные операции субъектов МСП обеспечивает город Бишкек, где объем экспорта в 2020 году составил 305,7 млн долларов США. За ним следуют Таласская область с объемом экспорта 46,3 млн долларов США и Чуйская область — 51,8 млн долларов США. Наименьшие объемы экспорта фиксируются в Нарынской области (1,5 млн долларов США), а также в Иссык-Кульской и Баткенской областях (по 3,8 млн долларов США). Основными экспортными направлениями для продукции предприятий МСП

остаются Россия (96,1 млн долларов США), Узбекистан (76,8 млн долларов США) и Казахстан (52,8 млн долларов США), что отражает их ориентированность на традиционные рынки стран СНГ. Также значительные объемы экспорта направляются в Турцию (26,2 млн долларов США) и Китай (19,8 млн долларов США).

Основными экспортируемыми товарами являются предметы одежды, овощи и керосин. Однако низкая доля экспорта субъектов МСП в общем объеме экспорта страны объясняется рядом факторов, включая недостаточный уровень конкурентоспособности отечественной продукции, ограниченные возможности выхода на международные рынки, а также нехватку финансовых и институциональных ресурсов. Конкуренция на зарубежных рынках остается высокой, особенно для продукции, произведенной малыми и средними предприятиями Кыргызстана. Для успешного выхода на мировые рынки местные производители должны соответствовать международным стандартам качества, логистики и сертификации, что требует значительных усилий со стороны бизнеса и государственной поддержки.

Импортная активность субъектов МСП также сохраняет доминирующее положение. В 2020 году общий объем импорта составил 2023,6 млн долларов США, из которых основная часть приходится на город Бишкек (1450,4 млн долларов США). Значительные объемы импорта также фиксируются в Чуйской (166,3 млн долларов США) и Ошской (175 млн долларов США) областях, а также в городе Ош (165,3 млн долларов США). Наименьшие объемы импорта зарегистрированы в Таласской (2,8 млн долларов США) и Нарынской (4,2 млн долларов США) областях. Основные страны-импортеры включают Россию (926,5 млн долларов США), Казахстан (373,5 млн долларов США), Китай (724,9 млн долларов США), Японию (339,9 млн долларов США), Германию (165 млн долларов США) и Турцию (165,6 млн долларов США).

Основные импортируемые товары включают мясо и пищевые субпродукты, прокат черных металлов, бензин, дизельное топливо и пшеницу. Сравнение с 2010 годом указывает на снижение доли предприятий МСП в

общем объеме импортной и экспортной деятельности, что свидетельствует о необходимости совершенствования государственной политики, направленной на повышение конкурентоспособности субъектов МСП, их интеграцию в международные цепочки поставок и развитие экспортного потенциала. Устойчивое развитие сектора МСП требует дальнейшей диверсификации экспортной продукции, улучшения логистической инфраструктуры и внедрения современных технологий.

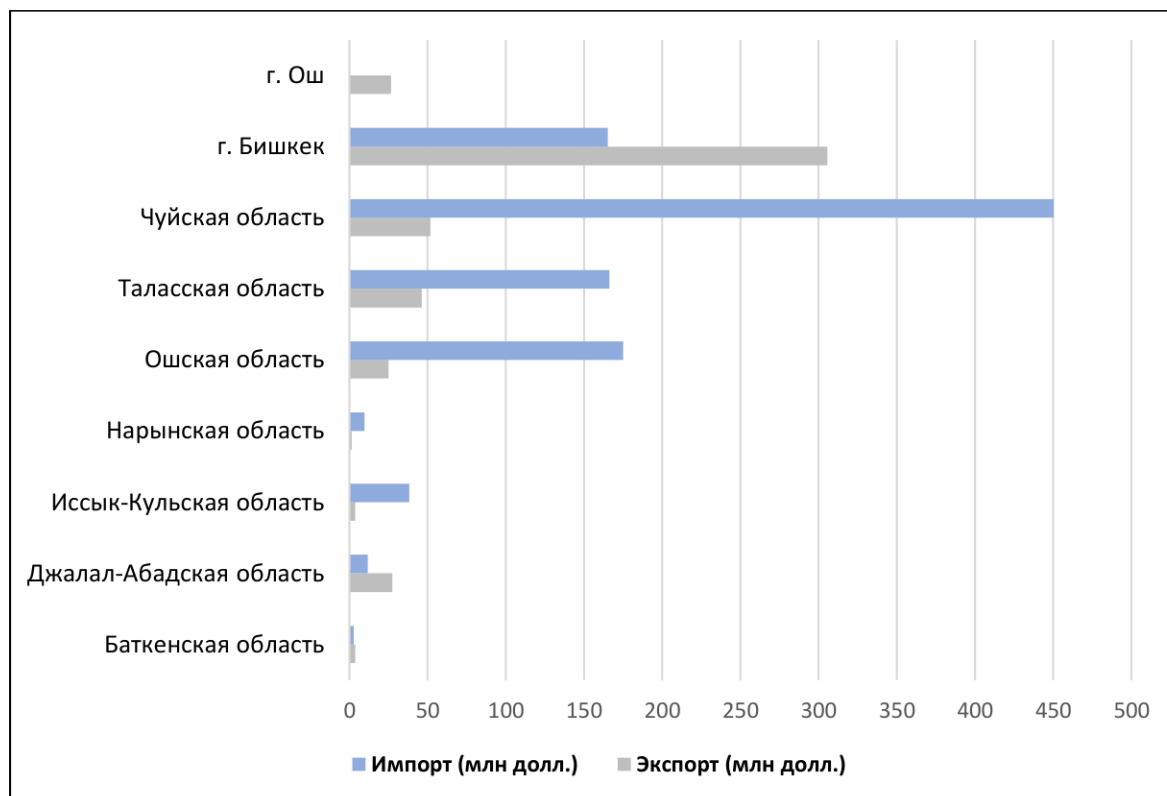

Рисунок 3.15. Структура экспортных и импортных операций субъектов МСП КР в 2022 г., млн долл.

Источник: составлен автором [61]

Как видно из краткого обзора, сектор малого, среднего и индивидуального предпринимательства осуществляет значительный вклад в экономику страны и оказывает существенное воздействие на ее экономическое и социокультурное развитие. Он является ключевой составляющей рынка труда, оказывает прямое воздействие на изменение уровня жизни населения и доступность социальной лестницы, формирует государственный бюджет, корректирует национальное потребление, способствует выходу страны на внешние рынки и интеграцию в мировую экономику, является катализатором

производственного процесса (производство товаров и услуг, обмен и потребление). Важную роль сыграла ориентация на экспорт, особенно в текстильной, сельскохозяйственной и пищевой промышленности.

Анализ представленного материала позволяет сделать обоснованные выводы о системообразующей роли малого и среднего предпринимательства в экономическом развитии и устойчивости Кыргызской Республики. В течение последнего десятилетия сектор МСП стал не только важным источником экономического роста, но и ключевым фактором социального выравнивания, особенно в условиях пространственной дифференциации и нестабильности внешнеэкономической среды.

Во-первых, МСП обеспечивает значительную долю промышленного производства и внешнеэкономической активности страны. В 2023 году доля МСП в общем объеме промышленной продукции составила 25,3%, по сравнению с 21,2% в 2019 году. В отдельных регионах — таких как Баткенская область и город Ош — предприятия малого и среднего бизнеса формируют более половины регионального промышленного выпуска. Это свидетельствует о том, что МСП становится неотъемлемым звеном в обеспечении производственной и экономической устойчивости, особенно на периферии.

Во-вторых, рост количества действующих предприятий в реальном секторе во всех регионах республики указывает на активизацию предпринимательской инициативы. Прирост в таких регионах, как Бишкек, Ош и Чуйская область, достигает от 14% до 36%, что отражает повышение экономической плотности и деловой активности. Однако в менее развитых регионах темпы роста остаются скромными, что подчеркивает необходимость территориально дифференцированной поддержки МСП, направленной на снижение региональных диспропорций и стимулирование занятости в бедных и удалённых районах.

Третьим важным аспектом является экспортно-импортная деятельность МСП. По последним данным, они обеспечивают до 25% экспорта и более 50% импорта страны. Это указывает на двойственную роль предпринимательства:

с одной стороны, как драйвера внешнеэкономической интеграции, а с другой — как зависимого звена от внешних поставок сырья, технологий и оборудования. Уязвимость экспортной корзины, особенно в регионах с моноспециализацией (например, Таласская область с 72% экспорта, приходящегося на овощи), делает необходимым переход от сырьевой ориентации к производству товаров с высокой добавленной стоимостью.

Наиболее критичной сферой влияния МСП остаётся рынок труда и борьба с бедностью. Более 70% рабочей силы занято в малом и среднем бизнесе, особенно в сельских районах, где альтернативные источники занятости практически отсутствуют. Благодаря адаптивности, гибкости и низкому порогу входа, МСП создают рабочие места для уязвимых групп — женщин, молодежи, мигрантов. В таких регионах, как Баткенская, Джалал-Абадская и Нарынская области, где уровень бедности традиционно высок, развитие предпринимательства оказывает прямое влияние на улучшение условий жизни, рост доходов домохозяйств и экономическую инклюзию.

Тем не менее, потенциал МСП далеко не реализован в полной мере. Среди основных барьеров — недостаточный доступ к финансированию, ограниченность деловой инфраструктуры, слабая институциональная поддержка и затруднённый выход на международные рынки. Устойчивое развитие МСП требует системного подхода со стороны государства: упрощение административных процедур, налоговые и финансовые льготы, программы бизнес-обучения и цифровизации, а также регионально адаптированные меры поддержки.

В заключение можно отметить, что малое и среднее предпринимательство в Кыргызской Республике выступает не просто как экономический ресурс, но как важнейший механизм устойчивого развития, снижения бедности и укрепления социальной стабильности. В условиях продолжающихся внешних и внутренних вызовов, именно МСП обладает наибольшим потенциалом для диверсификации экономики, повышения занятости и снижения регионального неравенства. Поддержка и развитие этого сектора должны стать приоритетом

государственной политики, ориентированной на устойчивый и инклюзивный рост.

3.3. Мультифакторный анализ влияния регуляторной политики на эффективность предпринимательской деятельности

Применение мультифакторной модели для анализа эффективности деятельности сектора малого и среднего предпринимательства обусловлено необходимостью комплексного изучения взаимосвязей между ключевыми экономическими показателями, отражающими его функционирование. Данный подход позволяет выявить степень влияния различных факторов на численность населения, занятого в МСП, что является важным индикатором его социально-экономической значимости.

Использование мультифакторной регрессии обеспечивает возможность оценки одновременного влияния нескольких независимых переменных на зависимый результативный признак. В рассматриваемом случае такие регрессоры, как выручка от реализации продукции, вклад МСП в экспорт, количество субъектов МСП и поступление прямых иностранных инвестиций, являются ключевыми детерминантами, влияющими на численность занятых в данном секторе. Анализ этих факторов позволяет учитывать как внутренние характеристики, отражающие масштаб и структуру деятельности предприятий, так и внешние воздействия, включая экспортную активность и привлечение иностранных инвестиций.

Применение мультифакторного подхода также способствует повышению точности и достоверности полученных выводов, так как позволяет нивелировать возможное смещение оценок, вызванное игнорированием значимых переменных. Кроме того, такая модель позволяет выявить мультиколлинеарность между факторами, что способствует более глубокому пониманию их взаимосвязей и уточнению роли каждого из них в формировании итогового результата.

Таким образом, использование мультифакторной модели анализа позволяет не только выявить наиболее значимые драйверы роста занятости в секторе МСП, но и предоставить аналитическую основу для выработки рекомендаций по повышению эффективности его функционирования. Это особенно важно в контексте разработки стратегий поддержки малого и среднего предпринимательства как ключевого элемента национальной экономики.

При построении мультифакторной модели оценки эффективности деятельности сферы МСП в качестве результативного и факторных признаков по усмотрению автора были взяты следующие показатели: в качестве результативного признака принята численность населения, занятого в сфере МСП, в качестве факторов-регрессоров, оказывающих влияние на результативный признак, приняты показатели: выручка (валовой доход) от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий по видам экономической деятельности, вклад МСП в экспорт, количество субъектов МСП, поступление прямых иностранных инвестиций в МСП [89, с. 258].

Для построения системы показателей, участвующих в реализации мультифакторной модели, введем следующие обозначения (табл. 3.21).

Таблица 3.21. - Показатели мультифакторной модели

	Обозначение	Наименование показателя
Результативный признак	Y	Численность занятых в МСП, тыс. человек
Факторные признаки	X1	Выручка (валовой доход) от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий, млн сомов
	X2	Вклад МСП в экспорт, млн сомов
	X3	Количество субъектов МСП, единиц
	X4	Поступление прямых иностранных инвестиций в МСП (без учета оттока), млн сомов

С целью выявления корреляционной зависимости между показателями, выбранными для построения мультифакторной модели оценки эффективности

малого и среднего бизнеса, выполнено построение матрицы парных корреляций (табл. 3.22).

Таблица 3.22. - Результаты корреляционного анализа системы показателей

	<i>Y</i>	<i>X1</i>	<i>X2</i>	<i>X3</i>	<i>X4</i>
<i>Y</i>	1				
<i>X1</i>	0,8112	1			
<i>X2</i>	0,7206	0,9437	1		
<i>X3</i>	0,9977	0,8054	0,7256	1	
<i>X4</i>	0,3217	0,1890	0,2066	0,3323	1

Осуществляя численный анализ результатов корреляционного анализа, можно сделать вывод, что кроме факторного признака *X4*, между исследуемыми показателями имеет место тесная корреляционная зависимость, о чем свидетельствуют коэффициенты парных корреляций факторных признаков с результативным признаком, значения которых варьируют в пределах от 0,7206 до 0,9977. Несмотря на низкий коэффициент корреляции *X4* с результативным признаком, данный факторный признак нужно оставить по следующим причинам:

Поступление иностранных инвестиций может существенно влиять на занятость в МСП, например, за счет создания новых рабочих мест, внедрения технологий или расширения производства. Даже если корреляция между *X4* и *Y* относительно слабая ($r=0,3217$), это не обязательно означает, что фактор незначим.

Если есть теоретическое обоснование для включения *X4*, его стоит оставить в модели, поскольку линейная корреляция не всегда полностью отражает влияние фактора, особенно в случае нелинейных или косвенных связей.

Поскольку между X_1 , X_2 , и X_3 наблюдается тесная корреляция, включение X_4 , не имеющего сильной корреляции с другими факторами, может быть полезным для устранения проблемы мультиколлинеарности и повышения устойчивости модели. Поэтому автором было принято решение не исключать X_4 на этапе корреляционного анализа, а включить его в регрессионную модель и проверить статистическую значимость коэффициента при X_4 .

Значения полученных коэффициентов корреляции положительны, поэтому можно утверждать, что между исследуемыми показателями имеет место тесная положительная корреляционная связь.

При дальнейшем анализе матрицы парных корреляций выявлено явление мультиколлинеарности, которое проявляется в сильной корреляционной взаимосвязи между рядом исследуемых факторных признаков. Это подтверждается численными значениями коэффициентов парных корреляций, превышающими значение 0,8. Для устранения явления мультиколлинеарности автором было принято решение исключить из рассмотрения показатель X_2 , характеризующий вклад МСП в экспорт, так как данный показатель является частью общей выручки, но относится только к экспортной составляющей. Это более узкий и специфичный показатель, который сильно зависит от экспортных условий и политик. А выручка (валовый доход) отражает общий объем доходов от реализации продукции, работ и услуг. Этот показатель дает комплексное представление об экономической активности МСП на внутреннем рынке и частично на экспорт.

Следует также отметить наличие высокой корреляционной связи между факторами X_1 (выручка от реализации продукции, товаров, работ и услуг предприятий) и X_3 (количество субъектов МСП). Это подтверждается коэффициентом корреляции, равным 0,8054, что указывает на проявление мультиколлинеарности. Для исключения данного явления рекомендуется исключить из рассмотрения либо фактор X_1 , либо фактор X_3 . Оба фактора с точки зрения корреляционного анализа оказывают большое влияние на

результативный признак Y . Поэтому по усмотрению автора принято допущение об оставлении в рассмотрении факторов X_1 и X_2 до регрессионного анализа.

Результаты регрессионного анализа исследуемой системы признаков при построении мультифакторной модели оценки эффективности деятельности МСП представлены в таблице 3.23.

Таблица 3.23. - Численная оценка результатов регрессионной статистики

Показатель	Значение	Интерпретация показателя
Множественный коэффициент корреляции R	0,9978	Высокая коррелированная взаимосвязь результативного и факторных признаков модели регрессии
Коэффициент детерминации R^2	0,9956	99,56% вариации результативного признака (Y) объясняется включенными в модель факторами, что говорит о высокой объясняющей способности модели
Критерий Фишера F	753,1011	Статистическая значимость разработанного уравнения многофакторной регрессии
Критерий Стьюдента t_{x1}	0,5538	Статистическая незначимость факторного признака X_1 (выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий)
t_{x3}	26,4398	Статистическая значимость факторного признака X_3 (Количество субъектов МСП)
t_{x4}	-0,4122	Статистическая незначимость факторного признака X_4 (Поступление прямых иностранных инвестиций в МСП)

Высокие значения коэффициента множественной корреляции (R), равного 0,9978, и коэффициента детерминации (R^2), составляющего 0,9956, указывают на высокое качество построенной регрессионной модели и надежность полученных результатов. Это означает, что включенные в анализ факторные признаки объясняют 99,56% вариации результативного признака, что подтверждает их значительное влияние.

С учетом результатов исследования уравнения мультифакторной модели оценки эффективности деятельности сектора МСП может быть записано в виде:

$$Y = 68,262 + 1,64113E-05 X1 + 0,001021265 X3 - 6,56168E-05 X4 \quad (1)$$

Полученные результаты показали, что в построенной мультифакторной модели факторы X1 (выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий) и X4 (поступление прямых иностранных инвестиций в МСП) не являются статистически значимыми. Поэтому в дополнение к построенной мультифакторной модели осуществим построение однофакторных регрессионных моделей результативного признака от каждого факторного признака в отдельности. Численная оценка и анализ однофакторных регрессионных моделей представлены в таблице 3.24.

Таблица 3.24. Численная оценка результатов однофакторного регрессионного анализа

Показатель	Значение	Содержание показателя
Однофакторная модель регрессии численности населения, занятого в сфере МСП, от выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий		
Коэффициент детерминации R ²	0,6581	Около 65,81% вариации Y обусловлено вариацией X1
Критерий Фишера F	23,1005	Статистическая значимость построенного уравнения однофакторной регрессии
Критерий Стьюдента t	4,8063	Статистическая значимость факторного признака X1
Однофакторная модель регрессии численности населения, занятого в сфере МСП, от количества субъектов МСП		
Коэффициент детерминации R ²	0,9953	Около 99,53% вариации Y обусловлено вариацией X3
Критерий Фишера F	2568,7595	Статистическая значимость построенного уравнения однофакторной регрессии
Критерий Стьюдента t	50,6829	Статистическая значимость факторного признака X3
Однофакторная модель регрессии численности населения, занятого в сфере МСП, от поступления прямых иностранных инвестиций в МСП		
Коэффициент детерминации R ²	0,1035	Только 10,35 % вариации Y обусловлено вариацией X4.

Критерий Фишера F	1,3855	Статистическая незначимость построенного уравнения однофакторной регрессии
Критерий Стьюдента t	1,1770	Статистическая незначимость факторного признака X4

По результатам построения однофакторных регрессионных моделей результативного признака от каждого факторного признака в отдельности выявлено, что факторный признак X4 (поступление прямых иностранных инвестиций в МСП) не оказывает значимого влияния на результативный признак Y в рамках этой модели. Так как, только 10,35 % вариации Y обусловлено вариацией X4. Это очень низкий показатель, указывающий на слабую объясняющую способность данной модели. Кроме этого, критерий Фишера и критерий Стьюдента указывают на то, что модель статистически незначима и регрессионный коэффициент X4 статистически незначим на уровне значимости 5% ($p > 0,05$).

Учитывая данные результаты, целесообразно исключить X4 из дальнейшего анализа.

По остальным факторным признакам получены уравнения регрессии:

$$Y = 372,972 + 0,00067 X_1 \quad (2)$$

Коэффициент регрессии, равный 0,00067, означает, что при увеличении выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий на 1 млн сомов численность населения, занятого в сфере МСП, в среднем увеличится на 0,00067 тыс. человек.

$$Y = 64,1836 + 0,00103 X_3 \quad (3)$$

Значение коэффициента регрессии, равный 0,00103, свидетельствует о том, что при увеличении количества субъектов МСП на 1 единицу численность населения, занятого в сфере МСП, увеличится на 0,00103 тыс. человек.

Далее построены трендовые модели показателей, которые представлены на рисунках 1-3.

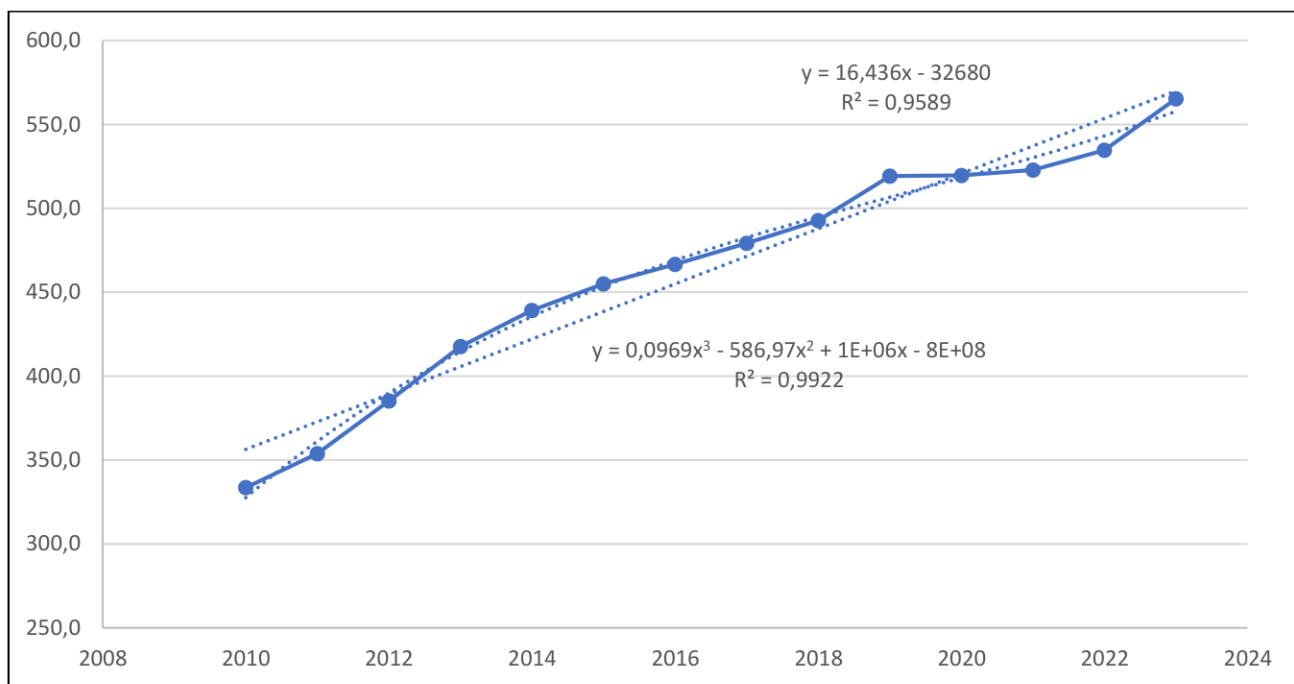

Рисунок 3.16. Трендовые модели динамики численности занятых в сфере МСП, тыс. человек

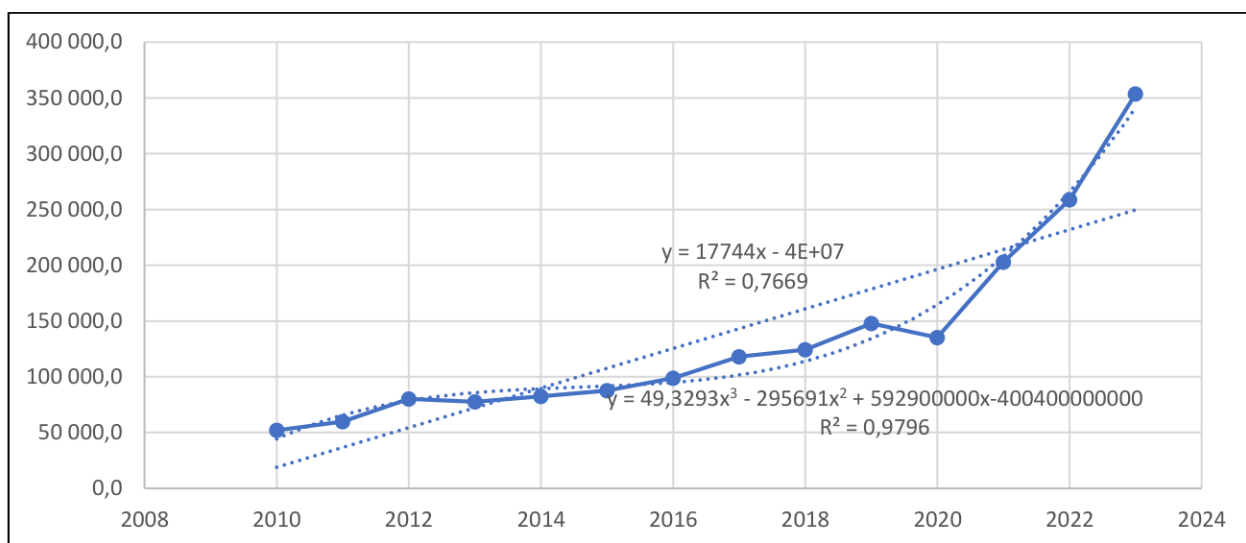

Рисунок 3.17. Трендовые модели динамики выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий, млн. сомов

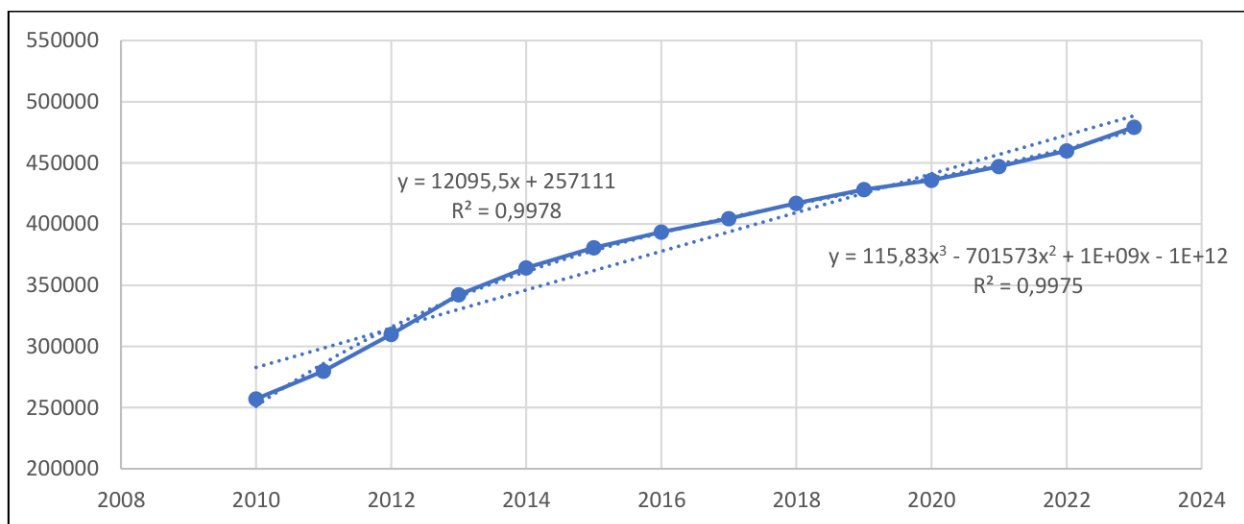

Рис.3.18. Трендовые модели количества субъектов МСП, единиц

На основании результатов построения трендовых моделей для показателя «численность занятых в сфере МСП» можно сделать вывод, что линейная и полиномиальная модели 3-го порядка имеют одинаковые коэффициенты детерминаций, которые равны 0,9589 и 0,9922 соответственно. Однако, для простоты расчетов и интерпретации используем линейную модель.

Численная оценка результатов трендового анализа динамики выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий позволяет сделать вывод, что полиномиальная модель 3-го порядка имеет наибольшее значение коэффициента детерминации, равным 0,9796, и считается лучшей по качеству чем линейная модель.

Численная оценка результатов трендового анализа количества субъектов МСП позволяет сделать вывод, что линейная и полиномиальная модели 3-го порядка имеют коэффициенты детерминации 0,9978 и 0,9975 соответственно. Несмотря на более высокую точность полиномиальной модели, выраженную в ее коэффициенте детерминации, оба подхода демонстрируют высокий уровень достоверности и адекватности описания данных. Поскольку основная цель трендового анализа заключается в выборе наиболее подходящей модели для дальнейшего прогнозирования, можно сделать допущение, что разница в точности между указанными моделями незначительна для практических

целей. Как и в случае трендовой модели численности занятых в МСП будем использовать линейную модель, исходя из простоты расчета и интерпретации.

Далее в таблице 5 приведены сводные результаты трендового анализа ряда показателей, используемых для разработки прогнозов.

Таблица 3.25. - Сводные результаты трендового анализа

Название показателя	Уравнение тренда	Прогнозные значения						
		2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Численность занятых в сфере МСП, тыс. человек	$y = 16,436x - 32680$	586,464	602,9	619,336	635,772	652,208	668,644	685,08
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг предприятий, млн.сомов	$y = 49,3293x^3 - 295691x^2 + 592900000x - 400400000000$	435648,20	552085,40	692626,50	859578,80	1055250,00	1281946,00	1541976,00
Количество субъектов МСП, единиц	$y = 12095,5x + 257111$	426448	438543,5	450639	462734,5	474830	486925,5	499021

Анализ трендовых моделей для ряда ключевых показателей, характеризующих деятельность сектора малого и среднего предпринимательства, позволил получить значимые прогнозные значения, которые могут быть использованы для дальнейшего стратегического планирования и разработки мер поддержки сектора.

Для численности занятых в МСП, несмотря на одинаковые коэффициенты детерминации линейной и полиномиальной моделей 3-го порядка (0,9589), для расчетов и интерпретации выбрана линейная модель $y = 16,436x - 32680$. Это обосновано незначительной разницей в точности моделей при сохранении простоты расчетов. Прогнозные значения демонстрируют стабильный рост численности занятых в МСП с 586,464 тыс. человек в 2024 году до 685,08 тыс. человек в 2030 году, что указывает на положительную динамику занятости в секторе.

Трендовый анализ выручки от реализации продукции, товаров, работ и услуг предприятий выявил, что полиномиальная модель 3-го порядка с коэффициентом детерминации 0,9796 является наиболее качественной для описания динамики показателя.

Уравнение модели:

$$y = 49,3293x^3 - 295691x^2 + 592900000x - 400400000000$$

$$y = 49,3293x^3 - 295691x^2 + 592900000x -$$

$$400400000000 \quad (4)$$

позволяет прогнозировать значительное увеличение выручки с 435648,2 млн. сомов в 2024 году до 1541976 млн. сомов в 2030 году. Это свидетельствует о существенном росте экономической активности предприятий МСП и укреплении их позиций в национальной экономике.

Для показателя количества субъектов МСП линейная и полиномиальная модели 3-го порядка имеют сходные коэффициенты детерминации (0,9978 и 0,9975 соответственно).

Однако для упрощения расчетов и интерпретации выбрана линейная модель $y = 12095,5x + 257111$. Прогнозные значения демонстрируют рост числа субъектов МСП с 426448 единиц в 2024 году до 499021 единицы в 2030 году, что подтверждает увеличение масштабов предпринимательской деятельности.

Таким образом, можно предположить, что:

- Прогнозируемая положительная динамика указывает на растущее значение сектора МСП для обеспечения занятости населения.

- Значительное повышение объемов реализации продукции, товаров, работ и услуг свидетельствует о повышении эффективности деятельности МСП и их устойчивом развитии.

- Прогнозируемое увеличение числа предприятий демонстрирует стабильное развитие сектора, что способствует диверсификации экономики и усилению конкурентоспособности.

Таким образом, результаты трендового анализа подтверждают наличие устойчивых положительных тенденций в секторе МСП, что создает предпосылки для разработки стратегий дальнейшего развития и поддержки данного сегмента экономики.

На основании результатов регрессионного и трендового анализа, представленных в модели, можно сформулировать некоторые выводы.

- Рост численности занятых и числа субъектов МСП как индикатор стабилизации предпринимательской среды. Построенные модели показали устойчивую тенденцию к увеличению как количества субъектов малого и среднего предпринимательства, так и численности занятых в секторе. Высокая степень линейной зависимости ($R^2 = 0,9978$ и $0,9914$ соответственно) указывает на наличие внутренне обусловленного роста, не связанного исключительно с внешней конъюнктурой. Это свидетельствует о формировании минимально устойчивой предпринимательской среды и определённой институциональной адаптивности сектора МСП к экономическим условиям.

- Выручка как фактор ограниченного влияния на занятость. Несмотря на положительную динамику выручки и её прогнозируемый рост в 3,5 раза к 2030 году, её влияние на занятость в секторе МСП по результатам однофакторной модели оказалось статистически значимым, но умеренным ($R^2 = 0,6581$). Это может указывать на низкую степень реинвестирования доходов в расширение штата, что подтверждает структурные ограничения в институциональной среде - в частности, ограниченный доступ к рабочей силе с предпринимательскими компетенциями, высокую нагрузку на фонд оплаты труда или слабую мотивацию предпринимателей к масштабированию.

- Количество субъектов МСП - ключевой фактор влияния на занятость. Модель установила прямую и статистически высокосignificant зависимость между числом предпринимательских субъектов и численностью занятых. Это говорит о том, что занятость в секторе МСП масштабируется за счёт увеличения числа субъектов, а не расширения существующих предприятий.

Такой вывод коррелирует с институциональной особенностью кыргызской предпринимательской среды — доминированием микропредприятий и индивидуальных предпринимателей, что фиксируется и в диссертации. Следовательно, институциональные меры должны быть ориентированы на создание благоприятных условий для входа в предпринимательство.

- Иностранные инвестиции в МСП статистически не влияют на занятость. Полученные результаты показывают, что приток прямых иностранных инвестиций в сектор МСП не оказывает значимого влияния на занятость. Это указывает на институциональное несоответствие между механизмами привлечения внешнего капитала и его распределением внутри сектора.

- Региональная неоднородность как вызов для институционального проектирования. Различия в прогнозной динамике по регионам, отражённые в модели, подтверждают неоднородность предпринимательской активности и эффективность поддержки.

Таким образом, полученные зависимости и прогнозы подчёркивают институциональные ограничения развития МСП, демонстрируют важность гибких форм регулирования и позволяют перейти от концептуального уровня к инструментальному - предложению конкретных механизмов институционального проектирования в сфере предпринимательства.

Особое значение модель имеет для мониторинга эффективности программ поддержки сектора МСП. Ее использование позволяет оценивать воздействие государственных и частных инициатив на ключевые показатели деятельности сектора и своевременно корректировать меры поддержки для достижения максимального эффекта.

ГЛАВА 4. СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛЯТОРНОЙ СРЕДЫ

4.1. Оценка регуляторной среды и условий функционирования предпринимательства по данным прикладного исследования

Как уже было отмечено в предыдущей главе, сектор малого и среднего предпринимательства вносит значительный вклад в валовый внутренний продукт Кыргызской Республики, составляя около трети от его объема в 2023 году, а также обеспечивает занятость почти четверти экономически активного населения. На долю представителей МСП приходится более половины экспортных поставок и треть импорта страны, что подчеркивает их важную роль в формировании внешнеэкономической активности. Несмотря на очевидную значимость, данный сектор сталкивается с существенными барьерами, включающими сложности с доступом к финансированию, административные преграды, инфраструктурные ограничения и недостаточную институциональную поддержку. Указанные проблемы сдерживают потенциал МСП в ускорении экономического роста, создании рабочих мест и повышении уровня жизни населения. Исследование текущего состояния МСП, его сильных сторон и ограничений позволит сформировать комплексное представление о его роли в экономике. Анализ выявленных факторов станет основой для разработки стратегий и мер, направленных на улучшение условий ведения бизнеса, ускорение развития сектора и увеличение его вклада в экономическое развитие страны.

Влияние регуляторных инструментов на конкурентоспособность и устойчивость малого и среднего бизнеса является ключевым аспектом в контексте формирования эффективной экономической среды, в связи с чем было проведено обследование представителей малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике с целью проведения оценки влияния малого и среднего предпринимательства на ВВП Кыргызстана.

Методология исследования. Исследование проводилось на территории Кыргызской Республики в семи областях:

1. Чуйской области
2. Таласской области
3. Иссык-Кульской области
4. Нарынской области
5. Джалал-Абадской области
6. Ошской области
7. Баткенской области

Был также проведен опрос в двух городах стратегического значения: г. Бишкек и г. Ош, так как они являются основными экономическими и торговыми центрами страны на севере и юге. Опрос проходил в онлайн и офлайн форматах, результаты опроса фиксировались в анкетах в Google-form.

В исследовании применялась, как наиболее подходящая по формату, стратифицированная выборка в виде матричной формы с учетом весов. С доверительной вероятностью 95% и доверительным интервалом 5%, выборочная совокупность составила 376 субъектов малого и среднего бизнеса и 384 субъекта индивидуального предпринимательства.

В секторе малого, среднего и индивидуального предпринимательства были обследованы следующие направления деятельности:

1. Добыча полезных ископаемых
2. Обработывающие производства (обрабатывающая промышленность)
3. Строительство
4. Оптовая и розничная торговля
5. Транспортная деятельность
6. Деятельность гостиниц и ресторанов
7. Финансовое посредничество и страхование
8. Операции с недвижимым имуществом
9. Образование

10.Здравоохранение и социальное обслуживание населения

11. Прочая обслуживающая деятельность

Опрос проводился Центром поддержки предпринимателей (ЦПП) совместно с Институтом статистических исследований и повышения квалификации при Национальном статистическом комитете Кыргызской Республики.

В процессе анализа выборки был применен количественный и качественный анализ данных. Количественный анализ опирается на числовую информацию, предоставленную респондентами, и предполагает использование математических и статистических инструментов. Качественный анализ данных - это процесс изучения и интерпретации данных респондентов с целью получения полезной информации и выводов.

Источниками данных для исследования послужили отчеты и данные Национального статистического комитета, данные, полученные в результате опроса 760 предпринимателей [93, с. 15].

Опираясь на методологию исследования, будем полагать, что теневая часть сектора МСП базируется на сокрытии трех основных компонентов деятельности предприятий: выплате заработной платы, количестве сотрудников предприятия, уровне дохода. Так, в 2022 году, так и в 2023 году занижение заработной платы занимало большую часть основы теневого сектора (38% и 39% соответственно). Вторым по значимости влияния компонентом является занижение числа сотрудников (32%). Последнюю треть в структуре теневого сектора занимает сокрытие годового дохода – 30%.

Рассматривая эти три составляющие теневого сектора МСП в динамике за два последних года, можно наблюдать снижение их объема. Так, например, доля занижения годового дохода снизилась на 4 %, доля занижения числа сотрудников – на 2 %, доля занижения заработной платы – на 1 процент.

Тем не менее, наблюдается сокрытие всех трех компонентов. В практике 34 процентов респондентов принято скрывать от 11 до 30 процентов годового дохода. В эту категорию преимущественно входят отрасли торговли (36,6

процентов), образование (11 процентов), обрабатывающей промышленности (10,4 %), транспорт и связь (10 процентов) и строительство (9,3 %). Остальные отрасли в данной категории занимают от 1 до 5 процентов. От трети до половины дохода скрывают 26 процентов респондентов, что приходится на те же отрасли в похожих пропорциях. Почти четверть (22 %) респондентов склонны скрывать до 10 процентов дохода.

Более половины дохода скрывают (от 51 до 75 процентов) 9 процентов представителей сектора МСП. В этой категории преобладают торговля и ремонт (41,1 процент), обрабатывающая промышленность (12,9 процентов), и гостиницы и рестораны (11,4 %). Максимальную часть дохода, от 76 до 100 процентов, утаивают 6 процентов предпринимателей. К ним относятся отрасли торговли (34 %), обрабатывающей промышленности (18 процентов), образования (14 процентов), строительства (12 процентов), транспорта и связи (10 процентов) и гостиницы и рестораны, здравоохранение и финансовая деятельность (по 2 %). Ничего не скрывают 11 процентов бизнесменов.

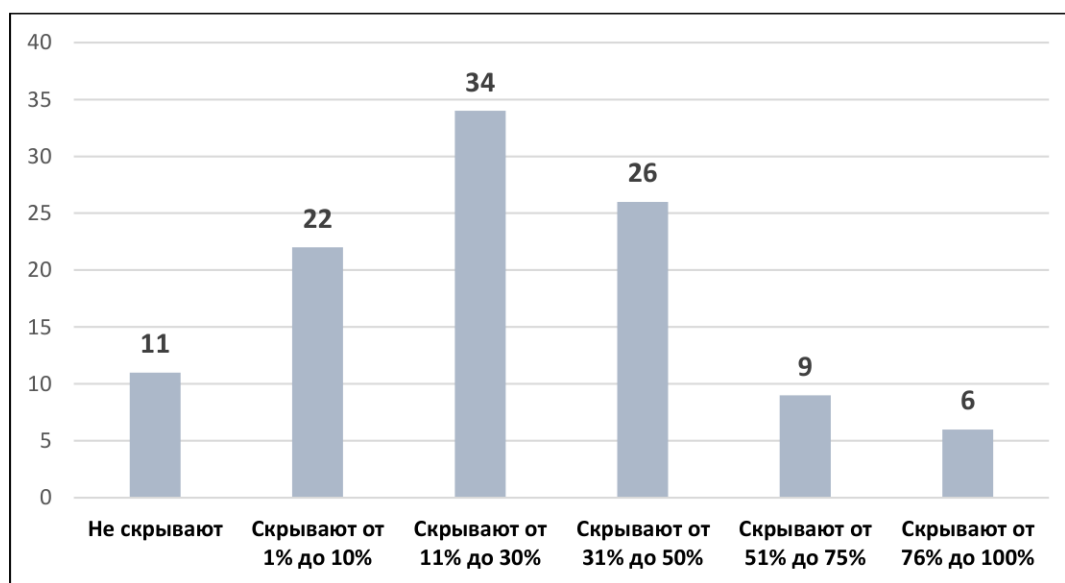

Рисунок 4.1. Занижение годового дохода (прибыли) респондентами

Чуть более четверти респондентов (28 процентов) занижают от 31 % до половины численности сотрудников организации. В разрезе секторов здесь можно отметить сектора торговли и ремонта (41,6 процентов) и

обрабатывающую промышленность (14,8 процентов). Охват остальных отраслей не превышает 8 процентов.

Четверть респондентов занижают численность от 11 процентов до трети. В структуре этой категории так же лидирует отрасль торговли и ремонта (40 процентов). Отрасль образования занимает вполтину меньше – 16 процентов. Оставшиеся 44 % делят между собой остальные девять отраслей с процентом охвата не превышающим 11 процентов.

До десятой части сотрудников скрывают 18 процентов предпринимателей. В этой категории чаще всех занижают этот показатель представители отрасли «торговля и ремонт» (40 процентов). За ним следует сектора образования – 13,3 %. Примерно на их уровне находится сектор транспорта и связи (12,7 %). Остальные отрасли занимают менее 10 процентов.

Более половины численности сотрудников скрывает 5 процентов представителей сектора, а максимальное сокрытие осуществляют 6 процентов респондентов. В разрезе отраслей в этих категориях торговля и ремонт занимает 39 процентов, строительство - 14 процентов, обрабатывающая промышленность – 10 процентов.

Не скрывают численность своих сотрудников 18 процентов ответивших.

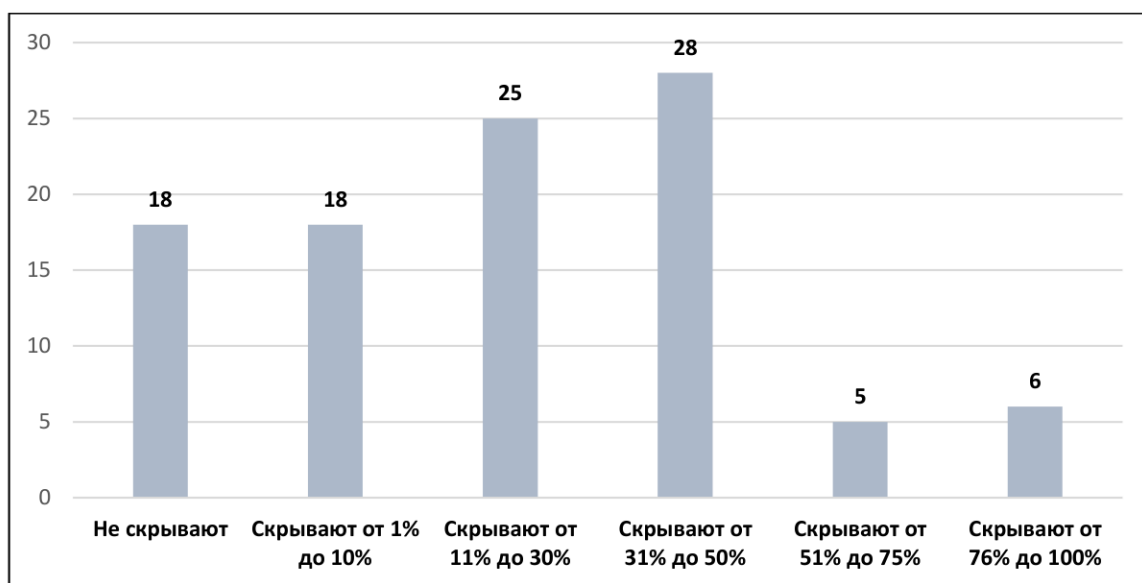

Рисунок 4.2. Занижение числа сотрудников респондентами

Более трети (39 процентов) предпринимателей занижают уровень заработной платы своих сотрудников от 31 % до половины. Среди них

выделяются представители отрасли торговли и ремонта (41,6 %), обрабатывающей промышленности (14,7 процентов).

На занижение от 11 процентов до трети заработной платы указали 19 процентов респондентов. Лидерами с в структуре отраслей здесь являются торговля и ремонт (35,9 процентов) и образование (15,7 процентов).

От 51 до 75 процентов заработной платы занижают 17 процентов предпринимателей. Половину среди предпринимателей здесь занимают работники отрасли торговли и ремонта, а 12,5 процентов составляют представители обрабатывающей промышленности [84;92].

Большую часть заработной платы скрывают всего 4 % представителей МСП, а десятую часть – 8 процентов. В структуре 4-х процентов четверть приходится на торговлю и ремонт, по 17 процентов на строительство и операции с недвижимым имуществом. В структуре 8-ми процентов ответов выделяется торговля и ремонт (40 процентов) и образование (13,3 %).

Открыто работают 13 процентов бизнесменов.

В структуре сокрытия годового дохода по секторам более трети прибыли скрывают сектора обрабатывающей промышленности, строительства, операций с недвижимым имуществом, сектор торговли и ремонта и гостиниц и ресторанов. От четверти до трети дохода занижают отрасли здравоохранения, добычи полезных ископаемых, образования, транспорта и связи, сектор коммунальных, социальных и персональных услуг и сектор финансовой деятельности.

Рисунок 4.3. Соккрытие годового дохода (прибыли) фирмами по секторам, проценты

Больше всех занижают численность сотрудников сектора предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг (43 %) и операций с недвижимым имуществом (46 процентов). Более трети сотрудников скрывают сектора строительства, гостиниц и ресторанов, финансовой деятельности, торговли и ремонта и обрабатывающей промышленности. Неофициально работают около четверти сотрудников секторах образования, транспорта и связи, здравоохранения и добычи полезных ископаемых.

Рисунок 4.4. Занижение числа сотрудников фирмами по секторам

Половину заработной платы занижает сектор строительства. От 41 до 46 процентов заработной платы получают неофициально сотрудники секторов

торговли и ремонта, операций с недвижимым имуществом, обрабатывающей промышленности, финансовой деятельности и гостиниц и ресторанов. На треть меньше официально получают сотрудники секторов транспорта и связи, образования, коммунальных, социальных и персональных услуг, добычи полезных ископаемых и здравоохранения.

Рисунок 4.5. Занижение заработной платы сотрудников фирмами по секторам

Из приведенных данных опроса видно, что структурно сокрытия происходят за счет занижения заработной платы сотрудников, что искажает данные о доходах населения и создает разрыв между реальной и фактической покупательной способностью населения, а также оказывает пролонгированное негативное воздействие на социальное обеспечение населения.

С одной стороны, этот факт уменьшает доходную часть бюджета и понижает уровень социального обеспечения, с другой стороны, сглаживает углы социального напряжения и недовольства фискальной и экономической политикой.

Процент годового оборота, потраченный на неофициальные платежи также снизился в 2023 году на 1 процент и составил 13 % от доходной части. При этом, большая часть респондентов указала (41 процент), что, согласно своей практике, неофициально выплачивали до 10 процентов дохода государственным структурам, чтобы добиться своей цели при ведении

бизнеса. Треть предпринимателей не платили ничего. От 11 до 30 процентов дохода выплачивали 18 процентов ответивших, от 31 % до половины дохода отдавали 7 процентов представителей сектора. От 76 до 100 процентов дохода были вынуждены платить 2 % бизнесменов, а более половины, до 75 процентов, выплачивал 1 процент ответивших.

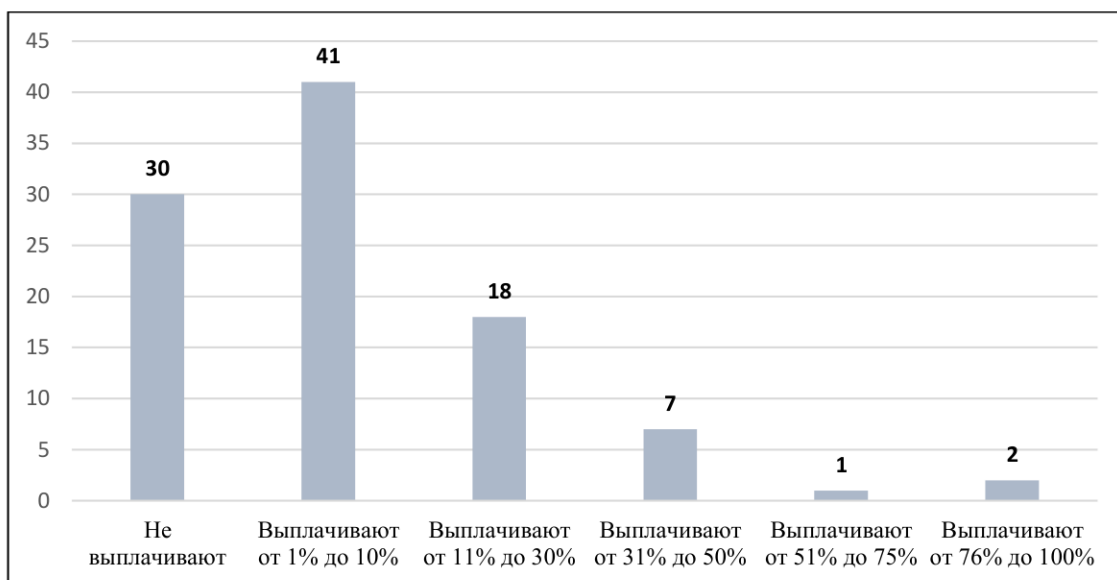

Рисунок 4.6. Процент дохода, потраченный на неофициальные платежи

В секторе МСП осуществляют деятельность компании, которые, помимо своей основной деятельности, принимают участие в государственных тендерах и работают по контракту с государством. Доля компаний, которые осуществляют неофициальные платежи в этом направлении своей деятельности, составляет 11 процентов. Из них более трети (35 процентов) выплачивают до 10 процентов от суммы контракта, чтобы гарантировать получение этого контракта. До трети суммы контракта выплачивают 14 процентов респондентов, 5 процентов предпринимателей выплачивают до половины стоимости контракта и по 1 проценту респондентов отдают от 51 % до полной стоимости контракта. Не выплачивают никаких платежей 43 % представителей сектора.

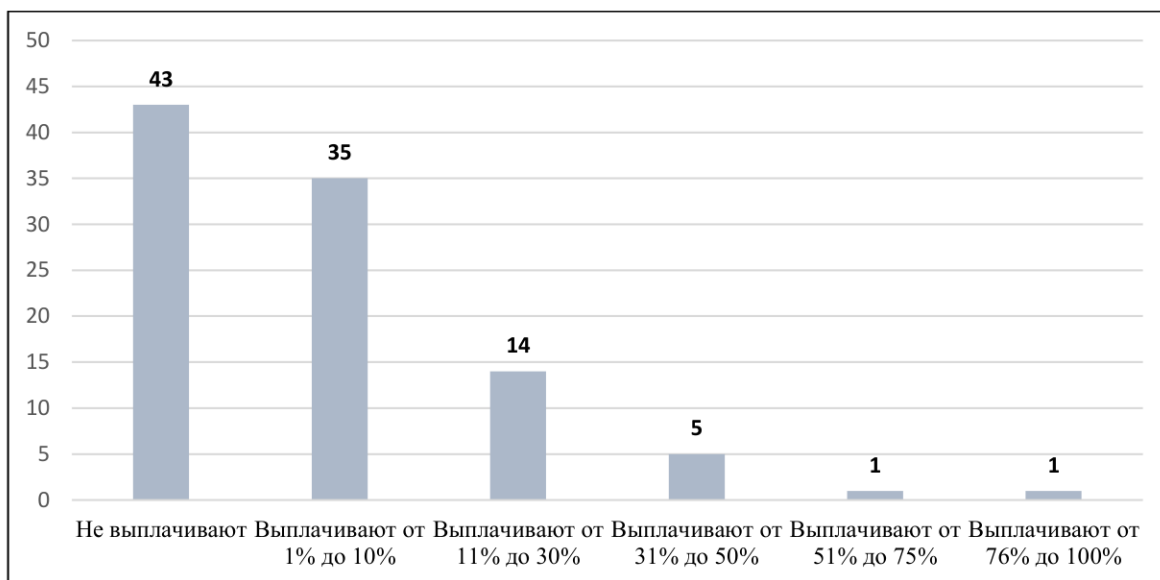

Рисунок.4.7. Выплата неофициальных платежей по государственному контракту

Факторы, определяющие теневую активность. В данном разделе делается попытка изучить определяющие факторы, которые влияют на участие в теневой экономике, начиная с анализа характеристик фирм по регионам и секторам, продолжая анализом результатов опроса, касающихся восприятия различных факторов, включая уклонение от уплаты налогов, воспринимаемую вероятность быть пойманными, сильные стороны институтов и пр. Завершится глава регрессионным анализом определения участия в теневой экономике и влияния этого участие на экономику страны

Характеристика деятельности МСП по секторам и областям. Рисунок 4.8 предоставляет информацию о теневой активности компаний предпринимателей по секторам. Самый высокий уровень теневой экономики наблюдается в секторах «Строительство» и «Операции с недвижимым имуществом» и составляет 58 процентов. Более половины деятельности осуществляется в тени в секторах «Гостиницы и рестораны» (56 процентов), «Финансовая деятельность», «Обрабатывающая промышленность» (54 %) и «Торговля и ремонт» (52 %). Минимальный процент скрытой деятельности наблюдается в сфере образования и составляет 42 %.

Рисунок 4.8. Размер теневой экономики (в %х к ВВП) по секторам

Лидером по теневой экономике в региональном разрезе является Иссык-Кульская область, где 61 процент сектора МСП принимает участие в скрытой деятельности. Таласская область имеет вторую по величине теневую экономику, составляющую 60 процентов ее ВВП. Бишкек, Нарын и Ош/Ошская область имеют теневую экономику схожих пропорций (от 52 до 56 процентов). Теневая деятельность в Джалал-Абаде составляет четверть ее регионального ВВП. Минимальная теневая активность наблюдается в Баткене (35 процентов) и Чуйской области (34 %).

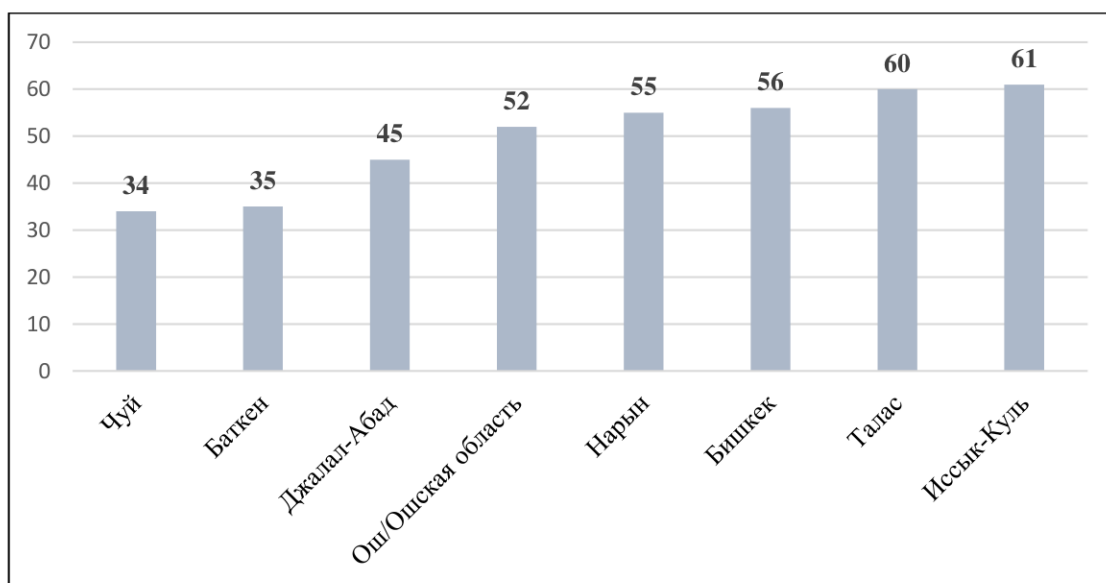

Рисунок 4.9. Размер теневой экономики (в %х к ВВП) по областям

Учитывая риски, большинство респондентов (36 процентов) считают, что если компанию заметят при нарушении, то ей грозит штраф, который может повлиять на конкурентоспособность компании. Тем не менее, мы наблюдаем высокий процент сокрытий по исследуемым параметрам (см. глава 1). Небольшой штраф грозит компании по мнению 33 процентов предпринимателей. Значительного штрафа, который может привести компанию к банкротству опасаются 15 процентов ответивших. Компания будет вынуждена прекратить деятельность по мнению 11 процентов предпринимателей. Ничего не опасаются 5 процентов представителей сектора.

Наличие сокрытий при значительной угрозе компании свидетельствует о том, что выгоды от сокрытия выше, чем ведение открытого бизнеса. Также такое поведение может свидетельствовать как о структурных «поломках» в функционировании налоговой системы, так и о низком уровне доверия к государству и политике распределения бюджетных средств, иными словами, предприниматели не ощущают возвращение налога к ним в виде социальных благ и гарантий.

Удовлетворенность работой правительства и налоговой политикой

Теневая активность предпринимательства связана с рядом факторов, включая сложность налогового администрирования, недостаточную поддержку бизнеса и ограниченную доступность информации. К такому следствию приводят перебои в системе управления, экономической, фискальной, социальной политике. Уровень удовлетворенности предпринимателей взаимодействием с государственными органами влияет на их отношение к выполнению фискальных обязательств и общей экономической активности. Исследования показали, что если общественное удовлетворение правительством и услугами высокое, то часто присутствует высокая налоговая мораль, что приводит к развитию меньшей теневой экономики [60, с. 1]. Если удовлетворение низкое, то, как правило, имеет место противоположное, и теневая экономика более склонна к развитию.

Для получения данных относительно общей удовлетворенности взаимодействия с правительством и налоговыми органами в данном исследовании использовались четыре утверждения. Респондентов просили дать оценку удовлетворенности следующим направлениям: отношение к государственным налоговым службам, налоговая политика правительства, законодательство о предпринимательской деятельности и государственная поддержка законодательства. Опять же, использовалась шкала от 1 до 5, где «1» представляет низкую удовлетворенность, а «5» представляет высокую удовлетворенность.

Рисунок 4.10 демонстрирует среднее значение ответов по шкале от «1» до «5». В целом, можно отметить степень удовлетворенности отношений с государственными органами как нейтральную. Наибольшую удовлетворенность респонденты выразили работой Государственной налоговой службой. Самый низкий уровень удовлетворенности среди предпринимателей относится к поддержке предпринимателей правительством.

В эту категорию входят:

- 1 Финансовая поддержка (гранты и субсидии для стартапов и малых предприятий; кредиты с низкими процентными ставками через государственные банки и микрофинансовые организации; программы поддержки экспортно-ориентированных предприятий);
- 2 Налоговые льготы (освобождение от налогов на прибыль для новых предприятий в определенных секторах или регионах; упрощенные налоговые режимы для малых и средних предприятий (МСП));
- 3 Обучение и консультирование (программы обучения для предпринимателей по вопросам управления бизнесом, маркетинга и финансов; консультационные услуги по вопросам регистрации бизнеса, налогообложения и других юридических аспектов);

- 4 Инфраструктурная поддержка (создание бизнес-инкубаторов и технопарков для поддержки стартапов; развитие логистической инфраструктуры для улучшения доступа к рынкам);
- 5 Регуляторные реформы (упрощение процедур регистрации бизнеса и получения лицензий; снижение административных барьеров для ведения бизнеса);
- 6 Поддержка экспортной деятельности (программы содействия экспорту, включая участие в международных выставках и ярмарках; информационная поддержка по вопросам выхода на международные рынки).

Государственные закупки (программы, направленные на поддержку местных производителей через государственные закупки).

Удовлетворенность налоговой политикой держится на уровне 3,26, а качеством делового законодательства на уровне 3,2.

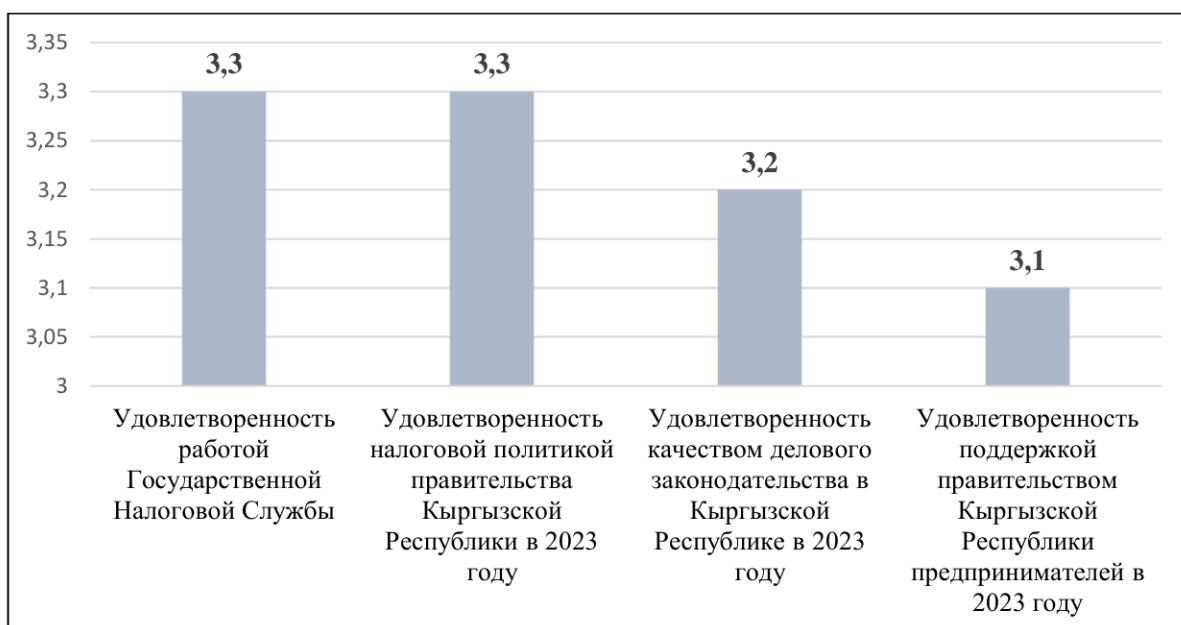

Рисунок 4.10. Степень удовлетворенности работой Государственной налоговой службы, налоговой политикой правительства, законодательством о предпринимательской деятельности и государственной поддержкой предпринимателей в Кыргызстане, 2023 год

В Бишкек удовлетворенность работой Налоговой Службы имеет средний показатель (3.79), но есть потенциал для улучшения. Высокая концентрация административных ресурсов способствует качественному обслуживанию. Удовлетворенность налоговой политикой (3.68) близка к общему среднему, что свидетельствует о стабильности восприятия налоговой системы. Степень удовлетворенности качеством законодательства (3.43) указывает на необходимость улучшения делового законодательства, что актуально для столицы с высокой предпринимательской активностью. Удовлетворенность уровнем поддержки предпринимателей (3.23) указывает на потребность в более активных мерах поддержки бизнеса. Таким образом, Бишкек имеет стабильные показатели, но требует улучшений в законодательной и предпринимательской поддержке.

В Оше удовлетворенность работой налоговой службы (3.45) ниже, чем в Бишкеке, вероятно, из-за удаленности от центральных органов управления. Уровень удовлетворенности налоговой политикой (3.35) ниже среднего, что может быть связано с сложностями ведения бизнеса в регионе. Удовлетворенность качеством законодательной базы (3.15) свидетельствует о необходимости упрощения правовой базы для бизнеса. Уровень удовлетворенности поддержкой предпринимателей (3.00) — один из самых низких.

Самый низкий уровень удовлетворенности работой налоговых органов демонстрируют Иссык-Кульская и Таласская области - 3.3 и 3.4 соответственно. Таласская область показала самые низкие результаты по параметрам «Работа налоговой службы», «Налоговая политика» и «Качество законодательства» (оценки от 2.7 до 3.0). Иссык-Кульская область получила самую низкую оценку по параметру «Поддержка предпринимателей» (2.8). Также эти области имеют самую низкую удовлетворенность остальными критериями, что коррелирует с высоким процентом теневой активности в этих областях.

Чуйская область получила наивысшие оценки практически по всем параметрам (показатели выше 4.2). Это может быть связано с развитой инфраструктурой, близостью к столице и доступностью услуг. Также Чуйская область демонстрирует самый низкий процент теневой активности по республике.

Чуйская область демонстрируют лучшие показатели благодаря развитой инфраструктуре и высокому уровню управления. Талас и Иссык-Куль нуждаются в приоритетном внимании из-за низких показателей практически по всем параметрам. Недостаточная поддержка предпринимателей и сложное законодательство — основные барьеры для регионов с низкими результатами.

На Рисунке можно увидеть расширенные данные относительно степени удовлетворенности предпринимателями работой государственных органов. Из графика видно низкую степень абсолютной удовлетворенности в отношении всех направлений.

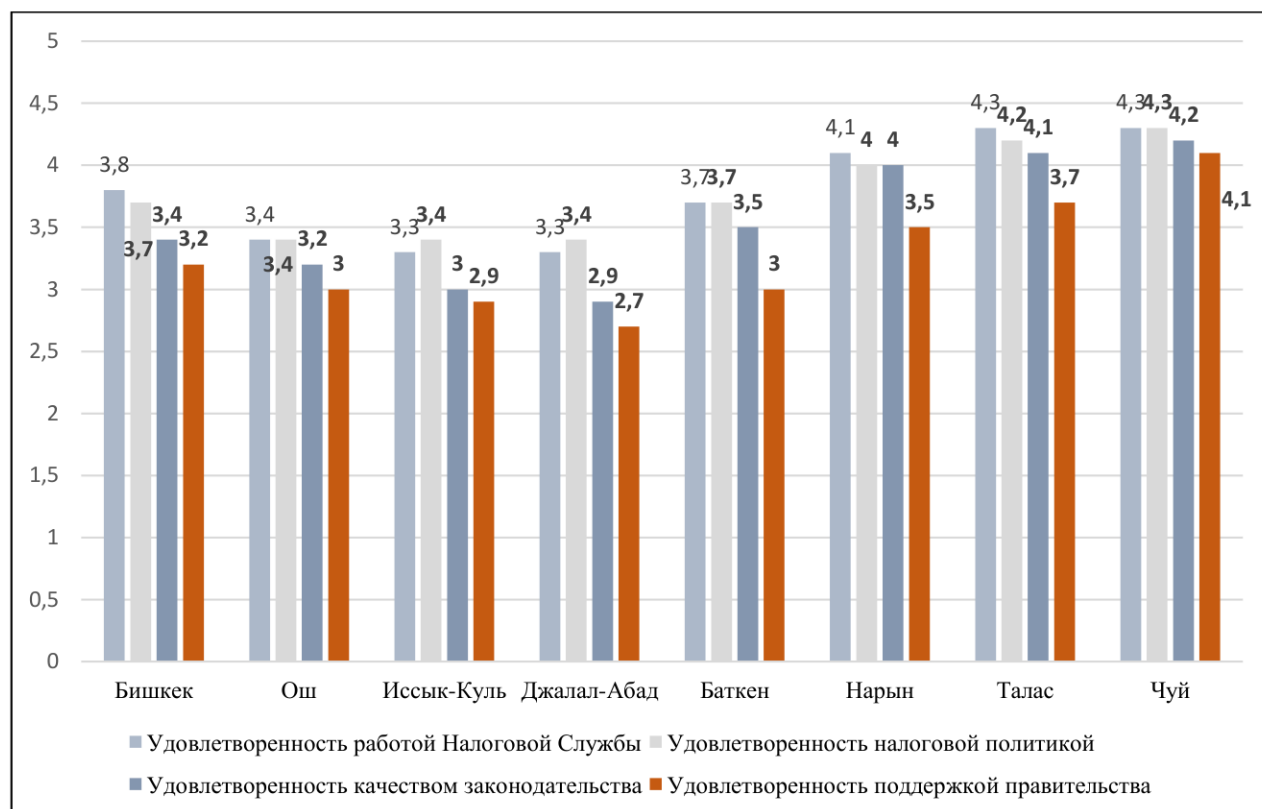

Рисунок 4.11. Степень удовлетворенности работой Государственной налоговой службы, налоговой политикой правительства, законодательством

о предпринимательской деятельности и государственной поддержке
предпринимателей, регионы. 2023 год

При этом предприниматели склонны быть больше удовлетворены работой правительства, чем придерживаться иного мнения. Однако, от 19 процентов до трети респондентов отметили, что они ни удовлетворены, ни недовольны работой государственных органов, а уровень недовольности колеблется от 16 до 18 процентов.

Рисунок 4.12. Степень удовлетворенности работой Государственной налоговой службы, налоговой политикой правительства, законодательством о предпринимательской деятельности и государственной поддержкой предпринимателей в Кыргызстане, 2023 год

На удовлетворенность работой государственных структур, налоговой политикой, законодательством о предпринимательской деятельности, уровнем поддержки предпринимателей правительством влияет помимо личного восприятия предпринимателей, качество принятых законодательных

актов, напрямую или косвенно влияющих на работу малого и среднего предпринимательства. В этой связи очень важно наличие качественного анализа регулятивного воздействия законодательных актов на экономические процессы.

Так, например, резкие меры по внедрению электронных счет-фактур и электронных товарно-транспортных накладных для отслеживания товаров при осуществлении закупок на внутренних оптовых рынках наносят ущерб малому и среднему бизнесу. Предприниматели имеют разный уровень образования и владения знаниями бухгалтерского учета: многие не имеют навыков работы с компьютером, у кого-то не хватает средств на приобретение компьютера, у кого-то нет возможности посещать бухгалтерские курсы. Для некоторых представителей малого и среднего бизнеса наем бухгалтера ассоциируется со значимыми расходами. Все эти обстоятельства приводят к штрафам создают угрозу закрытия малого и среднего бизнеса.

Также частота камеральных проверок МСП не способствует возрастанию уровня доверия представителей сектора к государственным органам, с другой стороны не является эффективным в долгосрочной перспективе способ пополнения бюджет, так как в мировой практике на долю МСП приходится не более 20 процентов ВВП, остальное принадлежит крупным предприятиям и его экспортному потенциалу. В случае Кыргызской Республики 30-я доля МСП в ВВП страны означает, что должны создаваться условия, поддерживающие рост малого и среднего предпринимательства до крупного бизнеса, а не превращения его в основной источник пополнения бюджета страны. Подобная политика создает риск еще более глубокого ухода в тень представителей бизнеса и стагнации бизнес-процессов.

Социальная идентичность предпринимателей

Анализ уровня социальной идентичности предпринимателей в Кыргызской Республике выявил высокую степень самоидентификации респондентов с местными сообществами. Среднее значение социальной идентичности по шкале Лайкерта составило 4,3 балла, при этом 87% респондентов выразили

согласие с утверждением о важности принадлежности к обществу. В региональном и секторальном разрезе зафиксированы значительные различия, отражающие влияние институционального контекста.

Особо высокий уровень идентичности продемонстрировали предприниматели в Баткенской, Жалал-Абадской и Иссык-Кульской областях, что может быть обусловлено устойчивыми традициями социальной солидарности и сильными локальными неформальными сетями (ашар, клановые и этнические связи). Сектора гостиничного и ресторанного бизнеса, а также торговли и ремонта также демонстрируют высокую социальную идентичность (до 95%), при этом в них наблюдается один из самых высоких уровней теневой активности. Это указывает на наличие поведенческого парадокса: высокая идентификация с обществом не препятствует вовлечённости в неформальные практики.

В то же время, в секторах с меньшей выраженностью идентичности (финансы, промышленность) также наблюдается высокий уровень теневой экономики. Это позволяет заключить, что социальная идентичность сама по себе не является сдерживающим фактором для ухода в тень. Более того, в условиях слабых формальных институтов и низкого доверия к налоговой системе, именно высокая идентичность в рамках этнических и локальных сообществ может становиться основой для альтернативных экономических практик.

Дополнительный вопрос о восприятии предпринимателями своей роли в развитии общества показал, что 95% респондентов ощущают свою деятельность как социально значимую. Это свидетельствует о высоком уровне субъективной полезности, но вместе с тем не нейтрализует институциональные барьеры — недоверие к государству, коррупцию и неэффективность налогового администрирования.

Таким образом, полученные данные подтверждают, что высокая социальная идентичность предпринимателей сочетается с высокой степенью теневой активности. Это противоречие следует интерпретировать как результат институциональной недостаточности: в условиях слабых формальных механизмов регулирования предприниматели опираются на неформальные,

локальные и доверительные сети. Данный вывод согласуется с общей логикой диссертации, подтверждая необходимость системного институционального проектирования, направленного на повышение доверия к государству, оптимизацию налоговой политики и формирование условий, при которых высокая социальная идентичность будет работать в интересах легального сектора экономики.

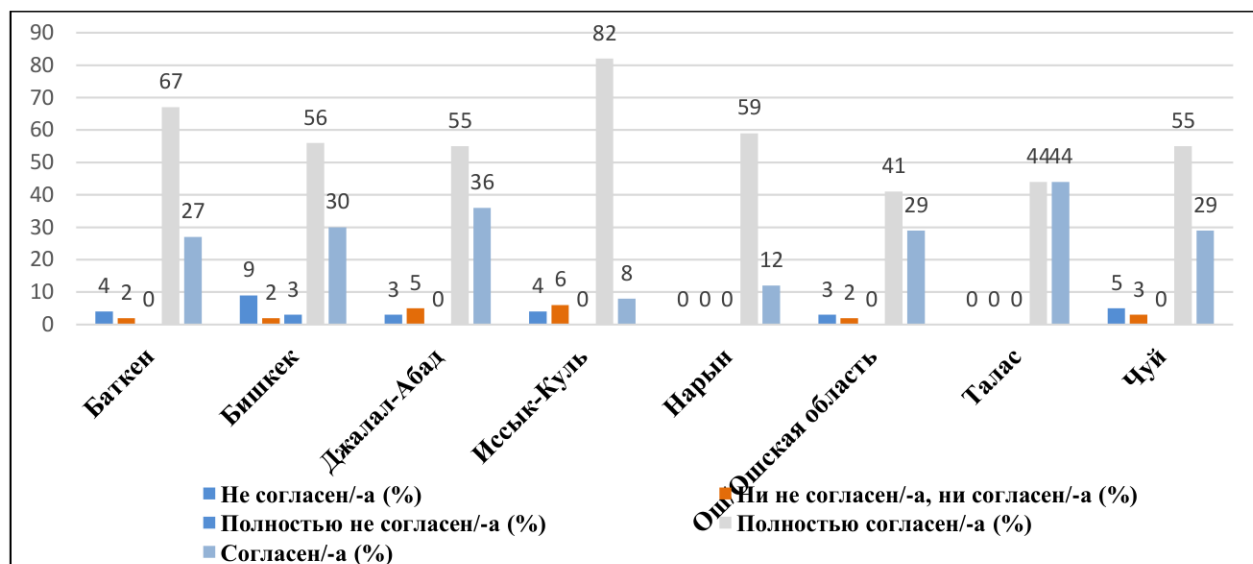

Рисунок 4.13. Ответы на утверждение: «Быть членом сообщества Кыргызской Республики - важно для меня» в региональном разрезе

Восприятие предпринимателями институциональной среды

Восприятие предпринимателями институциональной среды в Кыргызской Республике демонстрирует наличие устойчивых проблем как в сфере формальных, так и неформальных институтов, оказывающих влияние на ведение бизнеса. Формальные институты, включая налоговую политику, систему лицензирования, судебную и исполнительную власть, воспринимаются респондентами в диапазоне от незначительных до средних препятствий (оценки от 1 до 2 баллов по 4-балльной шкале). Это указывает на наличие административных барьеров, однако их влияние не оценивается как критическое. Вместе с тем, неформальные институты, такие как политическая нестабильность, коррупция и антиконкурентные практики со стороны других предприятий, представляют собой более существенные препятствия — от средних до высоких (2–3 балла). Особенно остро предпринимателями

воспринимается политическая нестабильность, выражающаяся в частой смене правил, неопределённости правового поля и отсутствии долгосрочных ориентиров государственной политики. Данное восприятие подтверждается и низкими показателями индекса доверия населения к государственным институтам, который в 2023 году составил лишь 33,6 из 100 возможных баллов, а индекс личного доверия гражданина к государству — 42,7 баллов.

На фоне слабости формальных институтов усиливается роль неформальных механизмов взаимодействия и регуляции. Предприниматели всё чаще полагаются на неформальные сети — родственные, этнические, мигрантские или клановые — для получения доступа к финансированию, трудовым ресурсам, а также для разрешения конфликтов. Такая институциональная компенсация обусловлена исторически сложившимся недоверием к государственным структурам и восприятием формальных процедур как избыточно сложных, коррумпированных и затратных. В условиях внешнеэкономической и политической нестабильности, включая санкционное давление на торговых партнёров Кыргызстана и инфляционные процессы, предприниматели всё чаще прибегают к неформальным каналам расчетов, избегая официальных финансовых операций.

Рисунок 4.14. Сила формальных и неформальных институтов в Кыргызстане

Дополнительные эмпирические данные, полученные в ходе глубинных интервью с представителями малого и среднего предпринимательства, подтверждают наличие институциональных сбоев. В числе наиболее часто упоминаемых проблем обозначены: высокая конкуренция в условиях неравенства правил (теневые фирмы получают конкурентные преимущества), административное давление в виде необоснованных проверок, сложные бюрократические процедуры и отсутствие прозрачности в процессах отчётности. Также отмечается кадровый дефицит, усугубляемый миграцией и недостаточным уровнем подготовки специалистов. Особенно остро сложности воспринимаются в регионах, где ограничены доступ к профессиональным консультациям, инфраструктуре и цифровым сервисам.

Таким образом, институциональная среда характеризуется несоответствием между формальными структурами регулирования и реальными практиками ведения бизнеса. На фоне слабости формальных институтов неформальные нормы и сети играют адаптивную, но одновременно и сдерживающую роль, способствуя воспроизводству теневых практик. Полученные данные свидетельствуют о необходимости системной институциональной трансформации, направленной на упрощение процедур, снижение административных барьеров, повышение транспарентности и укрепление доверия к государственным институтам. Только в условиях институциональной предсказуемости и справедливости можно ожидать снижение зависимости предпринимателей от неформальных механизмов и легализацию теневого сегмента экономики.

Выход из теневой экономики и влияние на ВВП.

Исследование подтверждает значительный масштаб теневой экономики в Кыргызской Республике, достигающий 51% ВВП в 2023 году. Несмотря на небольшое снижение по сравнению с предыдущими периодами, данный показатель остаётся стабильно высоким. Основным источником теневой активности предприниматели обозначили занижение заработной платы (39%),

что указывает на распространённость практик ухода от налогообложения в сфере оплаты труда.

Проведённое моделирование демонстрирует, что даже частичный выход МСП из тени способен существенно увеличить объём ВВП. Так, при снижении теневого сектора на 5–10% ВВП увеличивается на 2–3%, а при выходе более 30–40% прирост достигает 11–14%. Это свидетельствует о высоком экономическом потенциале легализации предпринимательской деятельности, особенно если преодолён так называемый «порог реформ» — примерно 30% после которого отдача от институциональных преобразований становится экспоненциальной.

Таблица 4.1. - Изменения объема ВВП в зависимости от % выхода МСП из теневой экономики

Процент выхода из тени	5	10	15	20	25	30	35	40	45	50	51
Процент роста ВВП	102	103	105	106	108	109	111	112	114	115	116

Однако анализ указывает на устойчивые институциональные ограничения, препятствующие легализации. Вопреки высокому уровню налоговой морали, большинство предпринимателей не готовы перейти в формальный сектор из-за низкого доверия к государственным институтам, непрозрачности регулирующих процедур и избыточной административной нагрузки. Кроме того, распространённость неофициальных платежей (41% респондентов платят «от 1 до 10% дохода») демонстрирует институционализированную коррупцию как элемент деловой среды.

Неформальные институты — включая клановые связи, теневые сети расчётов и неофициальные схемы конкуренции — воспринимаются как более значимые и устойчивые, чем формальные механизмы регулирования. Это

отражает адаптацию предпринимателей к слабости правового поля и стимулирует сохранение теневых практик как экономически рационального поведения в условиях институциональной нестабильности.

Несмотря на это, респонденты признают высокую вероятность быть привлечёнными к ответственности за участие в теневой деятельности. Это указывает на наличие страха санкций, но отсутствие стимулов для выхода из тени. При этом положительное восприятие регуляторных мер чаще встречается в отраслях с более высоким уровнем прозрачности и институциональной защищённости.

Анализируя рисунок 4.15, мы видим, что результаты этого исследования показывают немного более высокий процент теневой экономики. Это значение наиболее приближено к результатам, полученным IRT. Этот результат вполне логичен, поскольку в основе всех этих трех исследований лежит метод прямого опроса, который дает более высокие оценки, чем косвенные методы и методы макроэкономического моделирования, используемые Шнайдером и Национальным статистическим комитетом.

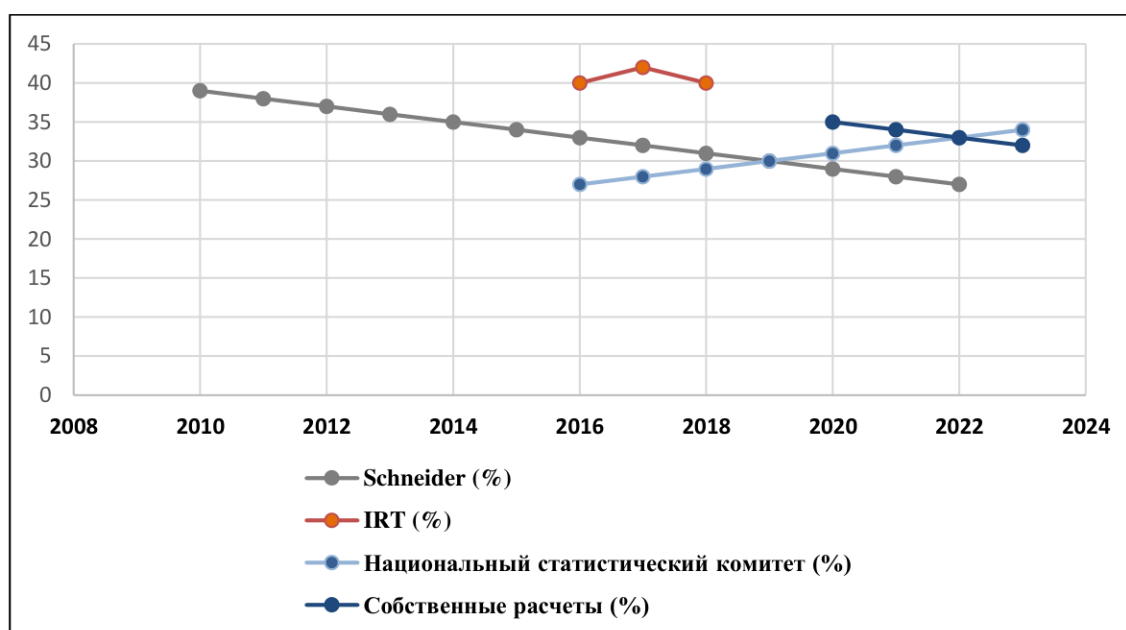

Рисунок 4.15. Данные о размере теневой экономике в Кыргызстане из различных источников

В проведенном исследовании был осуществлен всесторонний анализ воздействия государственной регуляторной политики на

предпринимательскую деятельность, с акцентом на уровне доверия бизнес-сообщества к регуляторным институтам, эффекте регулирующих мер, а также масштабе теневое сектора экономики. Основой исследования стал опрос, в котором приняли участие представители малого и среднего бизнеса, предоставившие свои оценки и мнения относительно ключевых аспектов воздействия государственных мер.

Отчет показывает небольшое снижение (2 %) размера теневой экономики Кыргызстана за исследуемый период времени, составивший 51 процент ВВП в 2023 году. В 2010 году показатель составлял 19,2%. Занижение заработной платы на уровне 39 процентов явилось основной компонентой, способствующей теневой экономике Кыргызстана.

Данные о налоговой морали в стране показали, что она довольна значима, при высоком уровне теневой активности, что указывает на наличие структурных проблем.

В целом, предприниматели готовы платить налоги, при этом уровень доверия к государственному органу и специфика взаимодействия с ними не позволяет это сделать.

Существует общее согласие в отношении неофициальных платежей в стране, при этом незначительное количество респондентов заявило, что использование дополнительных платежей «для достижения цели» приемлемо. Действительно, 41 процент респондентов заявил об уплате от 1 до 10 процентов от дохода в качестве неофициального платежа и 35 процентов респондентов заявило об уплате от 1 до 10 процентов от стоимости контракта для обеспечения этого контракта, что продемонстрировало значительную роль неформальных платежей в теневой экономике Кыргызстана.

Несмотря на это, опрос показал, что респонденты в среднем считали, что существует высокая вероятность быть пойманными за участие в теневой экономике.

Респонденты в среднем считали, что неформальные институты являлись гораздо более сильным препятствием, чем формальные - государственные

органы в среднем воспринимались небольшим препятствием или, по крайней мере, не идентифицировались как значимое препятствие.

Среди формальных институтов по мнению респондентов наиболее осложняют работу предпринимателей неопределённость в политике управления и размер налоговых ставок. Удивительно, но уровень удовлетворенности оказался не таким низким, как ожидалось. Наибольшее недовольство у предпринимателей вызвала государственная поддержка предпринимательской деятельности, что, очевидно, стало серьезным мотиватором участия в теневой экономике Кыргызстана.

Результаты опроса свидетельствуют о неоднозначном восприятии предпринимателями эффективности и справедливости действующих регуляторных инструментов. Значительная часть респондентов выразила обеспокоенность чрезмерной административной нагрузкой и недостаточной прозрачностью регуляторных процедур. Кроме того, был выявлен низкий уровень доверия к государственным органам, что оказывает негативное влияние на готовность бизнеса к долгосрочным инвестициям и инновациям. Примечательно, что положительное восприятие регуляторных мер чаще выражали компании, ведущие деятельность в относительно прозрачных отраслях, где риск участия в теневом секторе минимален.

4.2. Цифровизация как инструмент снижения регуляторных барьеров и транзакционных издержек

В условиях ускоряющейся глобализации и цифровой трансформации экономики ключевым фактором конкурентоспособности бизнеса становится внедрение цифровых технологий в предпринимательскую деятельность. Цифровизация представляет собой не только инструмент повышения операционной эффективности предприятий, но и средство их интеграции в международные экономические цепочки, что особенно актуально для стран с переходной экономикой, таких как Кыргызская Республика.

Анализ социально-экономических и институциональных аспектов, результаты исследования восприятия предпринимателями государственной политики, представленных в предыдущих главах, демонстрирует, что предпринимательская среда КР сталкивается с рядом вызовов, ограничивающих её развитие. Среди них - низкий уровень цифровизации государственных услуг, высокая степень административных барьеров, недостаток доступа к современным технологическим решениям и ограниченные финансовые ресурсы. Эти проблемы усугубляются неравномерным развитием регионов, что ещё более затрудняет использование цифровых инструментов для малого и среднего бизнеса.

При этом, как отмечалось ранее, именно МСБ играет ключевую роль в экономике КР, обеспечивая занятость и формируя значительную долю внутреннего валового продукта. Однако их конкурентоспособность остаётся ограниченной из-за слабой интеграции современных технологий и низкого уровня технологической адаптации. Как показано в главе 2, использование эконометрических моделей в главе 3 выявило, что цифровизация имеет значительный потенциал для повышения эффективности управления, сокращения транзакционных издержек и улучшения доступа к рынкам.

На фоне ограниченных ресурсов и инфраструктурных проблем цифровизация выступает как стратегически важное направление, способное обеспечить не только модернизацию бизнеса, но и повышение его устойчивости в условиях растущей конкуренции. Опыт успешных стран показывает, что развитие цифровой инфраструктуры и внедрение государственных программ по стимулированию цифровизации бизнеса способствуют росту инновационной активности и улучшению экономических показателей.

Для Кыргызской Республики, которая сталкивается с системной институциональной слабостью и значительными региональными диспропорциями, цифровизация может стать эффективным решением для преодоления ключевых барьеров развития. Однако это требует комплексного

подхода, включающего модернизацию законодательной базы, увеличение инвестиций в цифровую инфраструктуру и образовательные программы, направленные на развитие цифровых навыков предпринимателей.

Таким образом, цифровизация предпринимательской среды в КР - это не просто инструмент адаптации бизнеса к современным условиям, но и необходимое условие для обеспечения его конкурентоспособности на национальном и международном уровнях. Рассмотрение данного аспекта в контексте существующих вызовов и возможностей позволит выработать рекомендации по развитию предпринимательства в цифровую эпоху

Цифровизация (от англ. digitization, digitization transformation) представляет собой процесс внедрения цифровых технологий, инструментов и решений в различные сферы деятельности с целью повышения эффективности, качества и скорости выполнения задач. Этот термин охватывает широкий спектр изменений, направленных на адаптацию организаций, предприятий и общества к условиям цифровой экономики.

В аспекте цифровизации предпринимательства мы подразумеваем и акцентируем задачи на повышении эффективности управления, снижении транзакционных издержек, улучшении взаимодействия с клиентами и партнёрами, а также в создании новых возможностей для экономического роста. Это процесс системного внедрения цифровых технологий, инструментов и решений в деятельность предприятий для повышения их эффективности, конкурентоспособности и адаптивности к вызовам цифровой экономики.

Для это рассмотрим и определим основные приоритетные элементы цифровизации предпринимательской среды для КР.

1. Автоматизация управления и цифровые финансы
2. Технологическая модернизация и инфраструктура.
3. Цифровые бизнес-модели и электронная коммерция.
4. Образование и цифровые навыки.
5. Информационная безопасность и поддержка инноваций.

Следует отметить, что цифровизация оказывает многогранное влияние на предпринимательскую среду в Кыргызстане, затрагивая практически все аспекты бизнес-деятельности: от внутренних процессов управления до взаимодействия с клиентами и партнёрами.

Одним из наиболее заметных изменений является автоматизация бизнес-процессов. Внедрение программного обеспечения для управления запасами, бухгалтерии, логистики и CRM-систем (систем управления клиентами) позволило предприятиям оптимизировать свои операции. Например, согласно данным Министерства цифрового развития, в 2022 году около 30% малых и средних предприятий МСБ внедрили автоматизированные системы учёта, что сократило их издержки в среднем на 20% [11, с. 34]. Следует отметить, что эти технологии повышают точность учёта и планирования, что критически важно для малого бизнеса, где управление ресурсами играет важное значение.

Автоматизация представляет собой использование современных технологий для выполнения задач, ранее выполнявшихся вручную. Следует отметить, что её основными преимуществами являются:

Снижение издержек, где автоматизация позволяет существенно сократить расходы на операционную деятельность. Например, внедрение программного обеспечения для управления запасами и логистики снижает затраты на складирование и транспортировку на 20–30%. В Кыргызстане компании, использующие автоматизированные системы бухгалтерии, за последние 5 лет сократили расходы на обслуживание на 15% [11, с. 5].

Повышение производительности труда через системы автоматизации, которые позволяют предприятиям выполнять больше операций за меньшее время. Например, внедрение CRM-систем (управление клиентами) повышает эффективность взаимодействия с клиентами и увеличивает объём продаж на 10–15%. В Кыргызстане, согласно данным Министерства цифрового развития, предприятия, внедрившие CRM-системы, увеличили выручку в среднем на 12% за 2021–2022 годы [6, с. 144].

Использование автоматизированных решений снижает вероятность ошибок, что особенно важно в производственных процессах и улучшает качество продукции и услуг. Например, внедрение контроля качества с использованием сенсорных технологий позволяет на 25% сократить количество дефектов продукции.

Повышение конкурентоспособности через внедрение автоматизации, что позволит быстрее адаптироваться к изменениям на рынке. Несомненно, автоматизация открывает доступ к новым возможностям, таким как персонализация услуг, быстрая доставка товаров и анализ больших данных для прогнозирования потребностей клиентов.

Для малого бизнеса автоматизация становится способом выживания в условиях ограниченных ресурсов. Например, малые предприятия в сфере торговли в Кыргызстане активно внедряют кассовые аппараты с функцией автоматического учёта продаж, что позволяет минимизировать затраты на бухгалтерию и сократить ошибки. В 2022 году доля малых предприятий, использующих автоматизированные системы учёта, выросла на 20% по сравнению с 2020 годом [93, с. 97].

Цифровые платформы, такие как системы онлайн-торговли и маркетинга, также становятся важным инструментом автоматизации. Например, использование таких платформ, как «E-commerce.kg», позволяет малому бизнесу расширять рынки сбыта и снижать затраты на рекламу [11, с.52]. Как можно предположить, в будущем автоматизация станет основным инструментом для повышения устойчивости малого бизнеса.

Автоматизация маркетинга. Системы автоматизированного маркетинга, такие как платформы для управления рекламными кампаниями, помогают компаниям достигать целевых клиентов с минимальными затратами.

Автоматизация оказывает значительное влияние на развитие экономики, способствуя повышению её конкурентоспособности. Например, страны с высоким уровнем автоматизации демонстрируют более высокие темпы роста

производительности труда. В Кыргызстане автоматизация могла бы увеличить ВВП на 10% в течение 10 лет при условии активного внедрения технологий.

Несомненно, автоматизация способствует созданию новых рабочих мест в таких секторах, как IT и цифровая логистика, однако одновременно вызывает сокращение занятости в традиционных областях. Это подчёркивает важность инвестиций в переподготовку кадров и развитие цифровой грамотности.

Автоматизация, по всей видимости, становится ключевым инструментом повышения эффективности и устойчивости бизнеса в Кыргызстане. Внедрение современных технологий позволяет компаниям снижать издержки, повышать качество услуг и улучшать конкурентные позиции на рынке. Как можно утверждать, активная государственная поддержка и инвестиции в цифровую инфраструктуру ускорят процесс автоматизации, что окажет положительное влияние на экономику и предпринимательскую среду страны.

Электронная коммерция. Развитие электронной коммерции стало важным фактором цифровой трансформации. За последние пять лет объём онлайн-торговли в Кыргызстане увеличился на 50%, а число предпринимателей, использующих онлайн-платформы для реализации своей продукции, достигло 15% от общего числа [100, с. 194]. Платформы, такие как «E-commerce.kg» и «AgroTrade», способствуют расширению рынков сбыта, особенно для сельских производителей, которые раньше сталкивались с проблемами сбыта продукции. Как можно предположить, в будущем электронная коммерция станет основным каналом продаж для многих предприятий, особенно в городах.

Электронная коммерция (e-commerce) в Кыргызстане представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений в сфере услуг и предпринимательства. Как можно утверждать, это направление активно трансформирует экономическую среду, расширяя доступ к рынкам, упрощая взаимодействие между производителями и потребителями и повышая конкурентоспособность бизнеса. Развитие электронной коммерции закреплено на уровне государственных инициатив, включая Программу

«Цифровой Кыргызская Республика 2019–2023» и Национальную стратегию устойчивого развития до 2040 года [46, с.1]. Несомненно, государственная поддержка и совершенствование нормативно-правовой базы играют решающую роль в ускорении её роста.

Электронная коммерция в Кыргызстане начала активно развиваться в последние 5–7 лет благодаря увеличению проникновения интернета, росту цифровой грамотности и появлению новых технологий. Согласно данным Министерства цифрового развития, объём онлайн-торговли в 2022 году составил около 5% от общего объёма розничной торговли, что более чем в два раза превышает показатель 2018 года. Ожидается, что к 2025 году этот показатель достигнет 10%.

Электронная коммерция в Кыргызстане охватывает несколько ключевых направлений:

- Продажа товаров через онлайн-магазины: Платформы, такие как «E-commerce.kg» и «Wildberries», становятся основными инструментами для малого и среднего бизнеса, обеспечивая доступ к широкой аудитории.
- Электронные маркетплейсы. Локальные платформы, такие как «AgroTrade», активно используются для сбыта сельскохозяйственной продукции. Следует отметить, что такие решения особенно важны для фермеров, сталкивающихся с проблемами логистики и поиска клиентов.
- Услуги в электронной форме. Онлайн-обучение, консультации и предоставление IT-услуг также набирают популярность, особенно в постпандемийный период.

Финансовые технологии (финтех) становятся важной частью инфраструктуры электронной коммерции. Количество пользователей мобильных платежных систем, таких как «Элсом» и «О! Деньги», превысило 2,5 миллиона в 2022 году, а объём электронных транзакций вырос на 40% по сравнению с 2020 годом [100, с. 193]. Как можно предположить, дальнейшее

развитие финтех-услуг ускорит рост электронной коммерции за счёт упрощения процессов оплаты.

Государство играет важную роль в создании благоприятных условий для развития электронной коммерции. Как можно утверждать, ключевыми направлениями государственной поддержки являются:

- Совершенствование нормативно-правовой базы. Программа «Цифровой Кыргызстан» включает меры по регулированию электронной торговли, такие как упрощение налогообложения и защита прав потребителей. Кроме того, Закон «О цифровых услугах» 2021 года закрепляет правовые основы для электронных транзакций и онлайн-торговли [69, с.13].

- Развитие инфраструктуры в рамках программы «Цифровая трансформация 2030» реализуются проекты по обеспечению доступа к высокоскоростному интернету в сельских регионах. Это особенно важно, поскольку около 25% населения до сих пор не имеют стабильного подключения к сети [85, с. 7].

- Поддержка малого и среднего бизнеса. Государство запускает образовательные программы и грантовые схемы для предпринимателей, желающих внедрить электронную торговлю. Например, проект «E-commerce Accelerator» помог более 200 предпринимателям открыть свои онлайн-магазины в 2022 году [138, с.23].

- Стимулирование использования цифровых платежей. Национальный банк Кыргызстана активно внедряет стандарты для интеграции мобильных платежных систем с платформами электронной коммерции, что снижает транзакционные издержки для предпринимателей.

Несмотря на активное развитие, электронная коммерция в Кыргызстане сталкивается с рядом проблем:

- Низкий уровень цифровой грамотности, т.е. лишь 20% предпринимателей обладают достаточными навыками для работы с онлайн-платформами.

- Ограниченный доступ к интернету в отдалённых регионах, что существенно сдерживает развитие электронной коммерции в сельской местности.

- Сложности с логистикой и отсутствие современной инфраструктуры для быстрой доставки товаров остаётся серьёзным барьером.

- Недостаток доверия потребителей, т.е. многие клиенты до сих пор опасаются совершать покупки в интернете из-за отсутствия гарантии качества и защиты прав.

В ближайшие 5–10 лет ожидается дальнейший рост электронной коммерции в Кыргызстане благодаря следующим факторам:

- Интеграция с международными рынками и расширение сотрудничества с международными платформами, такими как Wildberries и AliExpress, откроет новые возможности для экспорта кыргызских товаров. Несомненно, это увеличит доходы малых и средних предприятий.

- Развитие логистики и запуск проектов по созданию современных логистических центров, таких как хаб в аэропорту «Манас», позволит улучшить доставку товаров как внутри страны, так и за её пределы.

- Рост доверия потребителей и развитие систем оценки качества товаров, и защита прав потребителей создадут благоприятную среду для онлайн-покупок.

- Технологическая трансформация и использование технологий искусственного интеллекта и больших данных для анализа потребительского спроса и персонализации предложений станет основой для будущего роста.

Электронная коммерция в Кыргызстане, по всей видимости, становится ключевым инструментом трансформации предпринимательской среды. Государственная поддержка, совершенствование нормативно-правовой базы и развитие цифровой инфраструктуры играют важнейшую роль в её становлении. Как можно предположить, дальнейшее развитие электронной коммерции будет способствовать повышению конкурентоспособности

бизнеса, увеличению экспорта и улучшению благосостояния населения. Однако для достижения этих целей необходимо решить существующие проблемы, такие как логистические ограничения, низкий уровень цифровой грамотности и доступ к интернету.

Цифровизация взаимодействия с государственными органами также меняет бизнес-среду. Например, в рамках инициативы «Тундук» предприниматели могут регистрировать бизнес, подавать налоговые декларации и получать государственные услуги в электронном формате [68, с. 9]. Это сокращает время и затраты, связанные с бюрократическими процедурами, что особенно важно для малого и среднего бизнеса.

Государственная система «Тундук» как механизм развития бизнес-среды. Система «Тундук» (Централизованная интеграционная платформа электронного взаимодействия государственных органов) является важным элементом цифровой трансформации в Кыргызстане. Созданная в соответствии с Законом КР «О государственной услуге в электронной форме» (№ 85 от 2020 года), платформа предоставляет возможность интеграции государственных услуг и взаимодействия бизнеса с органами власти в электронном формате [81, с. 2]. Как можно утверждать, внедрение «Тундука» привело к значительным изменениям в бизнес-среде, повышая её эффективность, прозрачность и удобство для предпринимателей.

Благодаря системе «Тундук» предприниматели могут получать государственные услуги без необходимости личного посещения ведомств. Например, такие процедуры, как регистрация бизнеса, получение лицензий и подача налоговых деклараций, теперь доступны онлайн. В 2022 году через «Тундук» было обработано более 25 миллионов запросов, а доля компаний, использующих электронные услуги, увеличилась с 15% в 2019 году до 45% в 2022 году [81, с. 3].

Согласно данным Министерства цифрового развития, использование «Тундука» позволяет экономить до 30% времени на выполнение бюрократических процедур. Например, процесс регистрации бизнеса,

который ранее занимал до 5 дней, теперь выполняется в течение нескольких часов. Это особенно важно для малого и среднего бизнеса, где время является критически важным ресурсом.

Электронный формат взаимодействия снижает уровень коррупционных рисков, исключая необходимость прямого контакта между предпринимателями и чиновниками. Следует отметить, что согласно отчёту Transparency International, после внедрения «Тундука» индекс восприятия коррупции в Кыргызстане улучшился, поднявшись с 124-го места в 2019 году до 140-го места в 2022 году. Это свидетельствует о постепенном росте доверия к государственным процессам. Система «Тундук» интегрирует информацию из более чем 60 государственных ведомств, что позволяет предпринимателям оперативно получать данные, необходимые для ведения бизнеса. Например, доступ к базам данных по регистрации недвижимости, информации о налогах и контрактах значительно упрощает процессы принятия решений и сокращает ошибки.

Внедрение системы «Тундук» стимулирует компании к переходу на цифровые платформы. Например, доля малых и средних предприятий, использующих электронные платежи и автоматизированные системы учёта, увеличилась на 20% за последние три года [68, с. 9]. Как можно предположить, дальнейшая цифровизация позволит бизнесу стать более гибким и устойчивым к внешним вызовам. Для малого бизнеса, особенно в отдалённых регионах, система «Тундук» стала важным инструментом получения государственных услуг. В 2022 году около 70% всех запросов через платформу поступали из регионов, что свидетельствует о расширении возможностей для предпринимателей по всей стране [81, с. 5]. Эффективность и прозрачность бизнес-процессов, достигнутые благодаря «Тундуку», способствуют улучшению инвестиционного климата. В 2022 году объём прямых иностранных инвестиций в Кыргызскую Республику увеличился на 10%, что частично объясняется внедрением цифровых инструментов взаимодействия с государством.

Электронный формат учёта и взаимодействия способствует выводу бизнеса из тени. В 2022 году доля зарегистрированных компаний увеличилась на 15%, что связано с упрощением процедур регистрации и снижением административных барьеров.

Несмотря на положительные результаты, необходимо отметить и сложности, как например доступ к высокоскоростному интернету остаётся проблемой в отдаленных регионах, или навыки для работы с электронной платформой имеют 25% [68, с. 4]., что сдерживает использование системы. Система «Тундук» сталкивается с рядом ограничений:

1. Низкий уровень цифровой грамотности.
2. Ограниченный доступ к интернету.
3. Необходимость совершенствования инфраструктуры.

Внедрение системы «Тундук», по всей видимости, стало важным этапом в цифровой трансформации бизнес-среды Кыргызстана. Упрощение административных процедур, сокращение времени и затрат, повышение прозрачности и доступности государственных услуг оказывают значительное влияние на развитие предпринимательства. Несомненно, дальнейшее совершенствование системы и устранение существующих барьеров позволят ускорить цифровизацию экономики и создать более благоприятные условия для бизнеса в Кыргызстане.

С развитием цифровизации вопросы кибербезопасности становятся всё более актуальными. В 2021 году было зарегистрировано более 500 попыток кибератак на предприятия, что поднимает необходимость инвестиций в защиту данных. Это касается как крупных предприятий, так и малого бизнеса, который также становится объектом цифровых угроз.

Таблица 4.3. - Анализ влияния государственных инициатив для развития цифрового предпринимательства

Виды	Государственная поддержка (НПА/инициативы)	Положительный эффект	Отрицательный эффект	Цифровые показатели
Цифровизация бизнес-процессов	Программа «Цифровая трансформация 2030», Налоговые льготы для IT-компаний	Снижение затрат на операции, рост эффективности на 20–30%	Высокая стоимость внедрения технологий для малого бизнеса	45% МСБ используют цифровые решения, рост на 20% за 5 лет
Электронная коммерция	Закон «О цифровых услугах» (2021), Инициатива 'E-commerce Accelerator'	Расширение рынков сбыта для МСБ, рост онлайн-продаж на 50% за 5 лет	Слабая логистическая инфраструктура, низкий уровень доверия потребителей	Доля онлайн-торговли составляет 5% от розничной торговли, ожидается 10% к 2025 году
Финансовые технологии (финтех)	Поддержка мобильных платежей через Национальный банк, развитие систем электронных транзакций	Увеличение объема электронных транзакций на 40%, повышение финансовой инклюзии	Риски кибербезопасности, отсутствие единого регулятора финтех-сектора	2,5 млн пользователей мобильных платежных систем, рост на 40% за 3 года
Цифровизация государственного взаимодействия (платформа «Тундук»)	Закон «О государственной услуге в электронной форме» (2020), развитие платформы «Тундук»	Сокращение времени на регистрацию бизнеса, снижение коррупционных рисков	Ограниченный доступ к интернету в сельских регионах, низкая цифровая грамотность	45% предпринимателей используют «Тундук», обработано 25 млн запросов в 2022 году
Развитие IT-образования и акселераторов	Создание акселерационных программ ('E-commerce Accelerator'), образовательные инициативы в IT-секторе	Увеличение числа квалифицированных специалистов, рост числа стартапов на 25%	Нехватка финансирования для массового обучения, отток кадров за рубеж	Число стартапов выросло на 25% с 2018 по 2022 год

Источник: составлена автором

В будущем цифровизация продолжит играть решающую роль в трансформации предпринимательской среды Кыргызстана. Как можно предположить, к 2030 году доля предприятий, активно использующих цифровые технологии, достигнет 50% благодаря ряду ключевых факторов:

- Государственная поддержка, например Программа «Цифровой Кыргызстан» предусматривает инвестиции в цифровую инфраструктуру, развитие платформ электронного правительства и упрощение процедур регистрации бизнеса [46, с.2].

-Международная помощь доноров, например Всемирный банк и Азиатский банк развития, финансируют проекты по цифровизации, включая обеспечение доступа к интернету в отдалённых регионах.

-Развитие образования через внедрение образовательных программ по цифровым технологиям для предпринимателей, включая онлайн-курсы и акселерационные программы, ускорит процесс цифровизации.

Цифровизация существенно изменит бизнес-среду Кыргызстана, повысив её конкурентоспособность и устойчивость. Во-первых, внедрение технологий автоматизации и электронной коммерции позволит предприятиям увеличить эффективность и снизить издержки. Во-вторых, развитие финтех-решений упростит доступ к финансированию и сделает бизнес более финансово устойчивым. Наконец, цифровизация государственных услуг сократит барьеры для создания и управления бизнесом, что особенно важно для малого предпринимательства.

Цифровизация также положительно повлияет на уровень жизни населения. Расширение доступа к финансовым и образовательным ресурсам, улучшение качества государственных услуг и снижение уровня неформальной занятости будут способствовать экономическому росту и снижению бедности.

Цифровая трансформация предпринимательской среды в Кыргызстане, по всей видимости, становится ключевым элементом экономического развития страны. Несмотря на существующие барьеры, такие как ограниченный доступ к интернету и низкая цифровая грамотность, успешная реализация государственных программ и международная поддержка создают предпосылки для ускорения этого процесса. Несомненно, цифровизация изменит бизнес-среду, сделав её более прозрачной, эффективной и конкурентоспособной, что, в свою очередь, положительно скажется на благосостоянии населения.

Таким образом, цифровизация предпринимательской среды в Кыргызской Республике приобретает стратегическое значение в контексте институционального обновления регуляторной политики. Электронные

сервисы, межведомственные платформы, онлайн-регистрация и автоматизация контрольно-надзорной деятельности позволяют значительно сократить транзакционные издержки, устранить избыточные процедуры и повысить предсказуемость взаимодействия между предпринимателем и государством. Особенно важным является то, что цифровые механизмы способствуют формализации бизнеса, снижению коррупционных рисков и росту институционального доверия.

Научная значимость рассмотрения цифровизации заключается в трактовке цифровой трансформации не как исключительно технологического, а как институционального инструмента, встроенного в архитектуру регуляторной среды. Предпринимается попытка показать, что цифровизация может быть использована не только для оптимизации административных процедур, но и как основа для формирования новой модели взаимодействия государства и бизнеса, основанной на прозрачности, адаптивности и сервисной логике.

4.3. Траектории моделей регулирования предпринимательской среды на примере международных практик

Современные условия глобализации, технологического прогресса и устойчивого развития диктуют необходимость совершенствования государственных механизмов регулирования для обеспечения баланса между экономическим ростом, социальной стабильностью и защитой общественных интересов. В теории и практике государственного управления выделяется несколько ключевых моделей регуляторной политики, каждая из которых имеет свои теоретические предпосылки, инструменты и области применения.

Модель Адаптивной регуляторной политики. Адаптивное регулирование представляет собой гибкую модель, направленную на оперативное реагирование на изменения экономической и технологической среды. Основной особенностью этой модели является способность государственных

органов корректировать регуляторные меры в соответствии с динамично изменяющимися условиями. Теоретической основой адаптивного подхода служат концепции динамического регулирования и инновационного развития, которые акцентируют внимание на необходимости минимизации барьеров для внедрения технологических прорывов.

Основные инструменты адаптивного регулирования включают:

- регуляторные песочницы – экспериментальные правовые режимы для тестирования инновационных продуктов и услуг например, финтех-продуктов и технологий в области искусственного интеллекта;
- пилотные проекты – временные регуляторные инициативы, позволяющие оценить эффективность новых норм до их широкомасштабного применения;
- периодический пересмотр норм с учётом изменения рыночной среды и появления новых данных.

Эффективное применение адаптивного регулирования наблюдается в странах с высоким уровнем инноваций, таких как США, Великобритания и Австралия, где оно позволило снизить издержки на внедрение новых технологий и создать условия для их безопасного тестирования. В странах СНГ, включая Казахстан и Россию, адаптивное регулирование применяется в высокотехнологичных секторах, таких как беспилотный транспорт и финтех. Однако основными вызовами остаются риски нормативной неопределённости и сложность мониторинга динамичных отраслей.

Модель Умной регуляторной политики. Умное регулирование является результатом трансформации традиционных механизмов государственного контроля в условиях цифровизации и глобальной интеграции. Основная идея этой модели заключается в использовании современных технологий и аналитических методов для повышения эффективности и результативности регуляторной политики. Теоретической базой служат принципы минимизации издержек, ориентированности на результат и пропорциональности регуляторных мер.

Инструменты умного регулирования включают:

- цифровизацию регуляторных процессов – автоматизацию налогового администрирования, предоставления государственных услуг и мониторинга соблюдения норм;
- аналитику на основе больших данных и искусственного интеллекта для оценки экономических и социальных последствий регуляторных инициатив;
- механизмы обратной связи с бизнесом и гражданами через цифровые платформы.

Эффективность данной модели проявляется в странах Европейского Союза, Сингапуре и Канаде, где внедрение умного регулирования привело к сокращению административных издержек бизнеса на 20-25% и повышению прозрачности государственных процессов. В странах СНГ, таких как Казахстан и Узбекистан, элементы умного регулирования активно внедряются через цифровые платформы и автоматизацию отчётности, однако остаются барьеры в виде недостаточной цифровой зрелости и нехватки компетентных кадров.

Модель Инклюзивной регуляторной политики. Инклюзивная модель регуляторной политики фокусируется на обеспечении широкого участия заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в процессе разработки и реализации нормативно-правовых актов. Теоретической основой инклюзивного подхода является концепция демократизации государственного управления, предполагающая повышение легитимности решений через учёт интересов всех социальных и экономических групп.

Основные инструменты инклюзивного регулирования включают:

- общественные консультации и форумы для обсуждения предложений регуляторных актов;
- оценку регулирующего воздействия, основанную на сборе мнений и предложений бизнеса, общества и экспертного сообщества;
- платформы для взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Эффективность инклюзивного регулирования проявляется в странах Европейского Союза, Германии и Нидерландах, где такие механизмы позволили добиться роста доверия к регуляторной политике и создания более сбалансированных решений. В странах СНГ, включая Россию и Армению, инклюзивное регулирование проявляется в рамках общественных обсуждений и программ поддержки малого бизнеса, однако его реализация ограничивается высокими временными и ресурсными затратами, а также сложностью координации интересов различных групп.

Модель применения инструмента Оценки регулирующего воздействия. Модель ОРВ является универсальным инструментом, применяемым для анализа последствий нормативно-правовых актов с целью минимизации издержек и максимизации выгод для общества. Теоретической базой данной модели служат концепции экономической эффективности и рационального управления, предполагающие обязательный анализ социальных, экономических и экологических эффектов государственного регулирования.

Основные элементы ОРВ включают:

- качественную и количественную оценку издержек и выгод регуляторных мер.
- сравнение альтернативных сценариев решения проблемы.
- прозрачность и отчетность через публикацию результатов оценки.

Мировой опыт демонстрирует, что внедрение ОРВ позволяет минимизировать издержки для бизнеса, повысить прозрачность государственного управления и обеспечить достижение устойчивого экономического роста. Наиболее успешными примерами интеграции ОРВ являются практики Европейского Союза, США и Австралии, которые заслуживают внимательного анализа и адаптации к условиям стран с переходной экономикой.

Европейский Союз представляет собой одну из наиболее развитых систем в сфере применения ОРВ, где этот механизм был официально внедрён в рамках программы «Лучшее регулирование» с 2003 года [13, с. 126-134].

Процесс разработки нормативных актов в ЕС обязательно сопровождается многоэтапной оценкой их последствий, включая экономические, социальные и экологические эффекты.

Процедура ОРВ в ЕС строится на следующих основных принципах:

- идентификация проблемы и целей регулирования
- анализ альтернативных вариантов
- качественная и количественная оценка последствий каждого из возможных сценариев
- консультации с заинтересованными сторонами.

Эффективность внедрения ОРВ в ЕС подтверждается конкретными показателями. Например, только в 2021 году было проанализировано более 150 нормативных актов, что позволило избежать издержек для бизнеса на сумму €200 млн [15, с.21]. Важным элементом данной системы является вовлечение общественных и бизнес-структур на всех этапах разработки нормативных решений. Это способствует повышению легитимности регуляторной политики и учёту интересов всех стейкхолдеров.

Соединённые Штаты Америки являются пионером в использовании механизмов ОРВ, впервые внедрив их в 1981 году в соответствии с Указом президента Рональда Рейгана (Executive Order №12291). Координация процесса ОРВ возложена на Управление информации и регуляторных дел (OIRA), которое обеспечивает стандартизацию и контроль качества оценки регулирующего воздействия [150, с. 18].

Особенностью американского подхода является строгая ориентация на количественные методы анализа, что позволяет минимизировать субъективность и учитывать экономические издержки и выгоды нормативных актов. Регламентируется обязательная оценка всех актов с предполагаемыми издержками, превышающими \$100 млн. Основные этапы процедуры ОРВ включают:

- анализ выгод и издержек регуляторного акта
- оценку последствий для малого бизнеса и экономики в целом

- рассмотрение альтернативных подходов к решению проблемы.

Эффективность применения ОРВ в США подтверждается успешными кейсами. Так, реформа в сфере транспортного регулирования в 2004 году привела к снижению административных барьеров, что способствовало росту объема инвестиций в отрасль на 12% [125, с. 88]. Кроме того, системный подход к оценке выгод и издержек позволяет государству сократить неоправданные издержки и повысить эффективность использования бюджетных средств.

Австралия демонстрирует пример успешной институционализации ОРВ через создание специализированного органа – Офиса по вопросам регулирования (OBPR), который координирует и контролирует применение оценки регулирующего воздействия. Внедрение системы «Better Regulation Framework» в 2007 году сделало процедуру ОРВ обязательной для всех новых регуляторных инициатив [126, с. 18].

Ключевыми элементами австралийской системы являются:

- стандартизация процессов с использованием шаблонов и методических рекомендаций для государственных органов
- прозрачность и публичность оценки регулирующего воздействия
- контроль качества анализа со стороны независимого органа.

Применение ОРВ в Австралии показало значительные результаты: за первые пять лет реализации программы административные издержки для бизнеса сократились на 27% [149, с. 56]. Вовлечение бизнеса и гражданского общества в процесс оценки способствует повышению качества принимаемых решений и снижению регуляторных барьеров.

Мировой опыт интеграции ОРВ демонстрирует несколько ключевых эффектов:

- снижение издержек для бизнеса. например, в ЕС ежегодная экономия достигает €200 млн, а в Австралии административные издержки уменьшились на 27%

- повышение прозрачности и подотчётности государственных решений благодаря широкому вовлечению стейкхолдеров и публикации результатов ОРВ
- улучшение инвестиционного климата. в США снижение регуляторных барьеров привело к 12%-ному росту инвестиций в отдельных отраслях
- применение количественного анализа как основы для обоснования новых регуляторных инициатив позволяет минимизировать риски принятия неэффективных решений.

Далее рассмотрим модели государственного регулирования, успешно применённые в странах с переходной экономикой, представляют собой комплекс мер, направленных на стабилизацию экономических процессов, стимулирование роста и структурные преобразования. Преобразования такого типа опираются на институциональные и макроэкономические реформы, которые способствуют интеграции национальной экономики в глобальную систему. Ключевыми элементами успешных моделей государственного регулирования выступают гибкость механизмов адаптации, стимулирование частных инвестиций и развитие институтов рыночной инфраструктуры.

Научный анализ демонстрирует, что страны с переходной экономикой, например, государства Центральной и Восточной Европы, активно использовали модели, основанные на сочетании государственного контроля и рыночных стимулов. В частности, первостепенное внимание уделялось формированию эффективной налоговой системы, контролю инфляции и приватизации. Для иллюстрации, страны Балтии сумели сократить инфляцию с уровня 1000–2000% в начале 1990-х годов до однозначных показателей уже к середине десятилетия благодаря жёсткой монетарной политике и целевым мерам фискального регулирования [42, с. 50-75].

Показатели экономического роста также подтверждают значимость государственного регулирования. Например, в Польше, где проводилась стратегия «шоковой терапии», ВВП после кратковременного падения на 7% в 1990 году, демонстрировал устойчивый рост в среднем на 5–6% ежегодно

начиная с середины 1990-х [3, с.17]. В то же время страны СНГ, выбравшие более медленные модели реформ, столкнулись с затяжным экономическим спадом, что подтверждает важность синергии между политикой либерализации и эффективного государственного управления.

Кроме того, успешные примеры государств с переходной экономикой демонстрируют значимость социальных аспектов регулирования. Чёткая адресная социальная поддержка в сочетании с программами модернизации обеспечивала социальную стабильность, снижая уровень бедности и безработицы. Так, в Чехии уровень безработицы оставался на уровне менее 5% на протяжении 1990-х годов, что было результатом взвешенной социальной политики и привлечения прямых иностранных инвестиций [44, с. 115].

Регуляторная среда в странах СНГ представляет собой сложный и многоаспектный феномен, формирующийся на стыке исторического наследия плановой экономики и современных требований рыночного развития. С переходом от централизованной модели управления к рыночным отношениям государства региона столкнулись с необходимостью реформирования институтов, создания эффективной нормативно-правовой базы и устранения барьеров для развития предпринимательства. В научной литературе отмечается, что качество регуляторной среды является ключевым фактором стимулирования предпринимательской активности и привлечения инвестиций, особенно в странах с переходной экономикой (OECD, 2020). В связи с чем, уместно будет рассмотреть основные барьеры по внедрению и активации регуляторных инструментов.

Одной из основных проблем регуляторной среды в странах СНГ остаётся слабость институциональной базы, унаследованной от советской системы управления. Недостаточная защита прав собственности, неэффективные механизмы разрешения споров и правовая нестабильность приводят к снижению доверия предпринимателей к государственным институтам. Согласно индексу верховенства закона World Justice Project (2022), большинство стран СНГ набирают менее 0,5 балла по шкале от 0 до 1, что

свидетельствует о недостаточной защите прав собственности. Так, например, в России зафиксировано 13%-ное увеличение числа коммерческих споров, что отражает неэффективность механизмов арбитража и правоприменительной практики. В отношении других стран региона, по данным того же индекса, Казахстан занимает 65-е место из 140 стран мира, с показателем 0,54 балла, что указывает на умеренный уровень верховенства закона. Узбекистан находится на 78-й позиции с показателем 0,51 балла, демонстрируя незначительное улучшение по сравнению с предыдущим годом.

Кыргызская Республика занимает 103-е место, что свидетельствует о более низком уровне правовой определённости и защиты прав собственности [28, с. 19].

Вторым барьерным аспектом считаются Административные сложности. Бюрократические процедуры и сложные регуляторные требования создают значительные препятствия для предпринимателей в странах СНГ. Процесс регистрации бизнеса, лицензирования и налогового администрирования остаётся трудоёмким и затратным в ряде стран. По данным Всемирного банка (Doing Business, 2020), в Казахстане реформы позволили сократить время регистрации бизнеса до 5 дней, что на 68% ниже прежнего показателя.

В Узбекистане число требуемых лицензий уменьшилось на 34%, что привело к 8%-ному росту числа зарегистрированных предприятий в период с 2019 по 2021 годы. В Кыргызстане, согласно данным на 2020 год, процесс регистрации предприятия занимает в среднем 10 дней, что превышает показатели соседних стран. Несмотря на усилия по упрощению процедур, административные барьеры продолжают сдерживать развитие предпринимательства.

В странах с менее активными реформами сохраняется эффект административных барьеров. В Таджикистане время, необходимое для регистрации малого предприятия, превышает средний показатель для стран ОЭСР в 2,5 раза, что существенно ограничивает деловую активность и создание новых предприятий.

Эти данные подчёркивают необходимость дальнейших реформ в области регистрации бизнеса и лицензирования для стимулирования предпринимательской активности в регионе.

Третьим и немаловажным барьерным аспектом реализации регуляторной политики является коррупция и неформальные практики. Коррупция остаётся одним из наиболее серьёзных препятствий для развития регуляторной среды в странах СНГ. Согласно Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2023 год, средний показатель для государств региона составляет 28 баллов из 100, что свидетельствует о высокой распространённости коррупционных практик. В Кыргызстане в 2023 году страна набрала 26 баллов из 100, опустившись на одну позицию и заняв 141-е место среди 180 стран [129, с.57]. Это указывает на сохраняющиеся проблемы в борьбе с коррупцией, особенно в сфере взаимодействия бизнеса с государственными органами.

Для противодействия коррупции некоторые страны региона активно внедряют цифровые инструменты. В Казахстане цифровизация процедур мониторинга проверок позволила сократить время их проведения на 17%. В Узбекистане запуск платформы «Антикоррупционный контроль» привёл к снижению числа жалоб на коррупцию на 22% в 2021 году [47, с. 241].

Одним самых сложных барьеров считается Налоговая политика. Налоговая нагрузка и сложность администрирования остаются важным аспектом регуляторной среды. В странах СНГ наблюдается значительная дифференциация в уровне налоговой политики. Например, в Армении введение патентной системы налогообложения для малого бизнеса привело к снижению налоговой нагрузки для 32% предпринимателей и росту числа зарегистрированных малых предприятий на 11% в 2022 году. В Казахстане упрощение налоговой отчётности позволило компаниям сократить издержки на 20%, что способствует повышению инвестиционной активности. В Кыргызстане патентная система налогообложения, введённая в 1990-е годы для поддержки малого и среднего предпринимательства, сыграла

значительную роль в стимулировании бизнеса. Однако со временем она привела к ряду негативных последствий, таких как неравномерное распределение налоговых платежей и рост теневой экономики [48, с. 13]

В связи с этим, с 1 июля 2024 года в стране прекращено использование патентов для торговой деятельности. Предприниматели, ранее работавшие на патентной системе, перешли на другие налоговые режимы: более 65 тысяч субъектов выбрали упрощённую систему налогообложения на основе единого налога, а свыше 17 тысяч субъектов, работающих на крупных рынках, перешли на особый налоговый режим. Ожидается, что эти изменения будут способствовать легализации бизнеса, повышению прозрачности налоговых поступлений и созданию более справедливой налоговой системы, что, в свою очередь, может стимулировать инвестиционную активность в стране.

Однако в некоторых странах налоговая система продолжает оставаться избыточно сложной. В Таджикистане высокие налоговые ставки и фрагментарность налогового администрирования создают существенные барьеры для развития малого и среднего бизнеса.

Доступ к финансированию также является барьером регуляторной политики. Ограниченный доступ к финансовым ресурсам является ещё одной ключевой особенностью регуляторной среды в СНГ. По данным IFC (2022), лишь 28% малых и средних предприятий региона имеют возможность получить банковские кредиты. Высокие процентные ставки и недостаток долгосрочного финансирования особенно заметны в Таджикистане и Кыргызстане, где предприниматели вынуждены прибегать к неформальным источникам финансирования, таким как семейные связи и микрокредиты.

Ограниченный доступ к финансовым ресурсам остаётся серьёзным препятствием для развития малого и среднего бизнеса в Кыргызстане. По данным Всемирного банка, в 2023 году лишь 21,5% фирм в стране имели доступ к банковскому кредиту или кредитной линии, что ниже показателя 2019 года (почти 26%). Особенно остро эта проблема ощущается среди малых предприятий, где только 14% имеют доступ к банковскому финансированию.

Одной из причин является требование залогового обеспечения для 91% кредитов, что значительно выше среднего показателя по Европе и Центральной Азии (66%) [19, с.25].

Высокие процентные ставки также ограничивают возможности МСБ. Например, в 2024 году РСК Банк предлагал кредиты для малого и среднего бизнеса с процентными ставками от 14% до 18% годовых, в зависимости от суммы займа. Для улучшения ситуации Российско-Кыргызский Фонд Развития (РКФР) с 2024 года начал предоставлять финансирование МСБ исключительно в национальной валюте — сомах, что направлено на снижение процентных ставок и повышение доступности кредитов.

Несмотря на эти меры, значительная часть предпринимателей продолжает сталкиваться с бюрократическими трудностями и высокими требованиями к обеспечению при получении финансирования, что подчёркивает необходимость дальнейших реформ для улучшения доступа МСБ к финансовым ресурсам в Кыргызстане.

Позитивные примеры включают программы льготного кредитования для малого бизнеса в России, где объём выделенных средств увеличился на 15% в 2022 году. Однако значительная часть предпринимателей продолжает сталкиваться с бюрократическими трудностями при получении финансирования.

Несмотря на многочисленные вызовы, страны СНГ демонстрируют успешные примеры реформирования регуляторной среды. Внедрение электронного правительства и цифровизация административных процессов в Казахстане и России существенно снизили барьеры для ведения бизнеса. Развитие технопарков и бизнес-инкубаторов в Узбекистане и Азербайджане способствовало поддержке стартапов и инноваций.

Например, создание Парка высоких технологий в Беларуси позволило привлечь иностранные инвестиции и создать более 60 тысяч новых рабочих мест в IT-секторе. В Казахстане программа «Дорожная карта бизнеса» оказала

поддержку 120 тысячам предпринимателей, что привело к созданию 45 тысяч рабочих мест.

В Узбекистане создание IT Park Uzbekistan способствовало значительному росту IT-сектора. По итогам третьего квартала 2024 года количество сотрудников резидентов IT Park достигло 36,3 тысячи, что на 10 тысяч больше по сравнению с концом 2023 года. Из них 17 тысяч работают в экспортно-ориентированных компаниях [47, с. 244].

В Кыргызстане Парк высоких технологий (ПВТ) также демонстрирует положительные результаты. По данным на 2023 год, в ПВТ зарегистрировано 433 компании-резидента, предоставляющих 2 400 рабочих мест. Оборот парка составил 7,7 млрд сомов, что в два раза больше по сравнению с предыдущим годом (4,2 млрд сомов). Вклад ПВТ в ВВП страны составляет 0,5%, а доля продукции в экспорте - 2-3%. [134, с. 1].

Эти примеры демонстрируют, как создание специализированных IT-парков в странах СНГ способствует привлечению инвестиций, созданию рабочих мест и развитию технологического сектора в регионе.

Таким образом, регуляторная среда в странах СНГ остаётся неоднородной и динамично развивающейся. Основные проблемы включают институциональные ограничения, коррупцию, административные барьеры и недостаточный доступ к финансированию. Однако успешные примеры реформ, включая цифровизацию, налоговую оптимизацию и развитие поддержки МСП, демонстрируют потенциал для улучшения бизнес-климата. Для дальнейшего повышения эффективности регуляторной политики странам СНГ необходимо учитывать международный опыт, внедрять оценку регулирующего воздействия и укреплять институциональные механизмы, способствующие устойчивому экономическому развитию.

В целом, можно отметить, что современные модели регуляторной политики, такие как адаптивная, умная и инклюзивная, представляют собой эволюцию традиционных подходов, направленную на повышение гибкости, эффективности и социальной справедливости государственного

регулирования и имеют свои положительные и ограничительные аспекты, представлены в Табл. 1.3.

Таблица 4.3.- Анализ моделей регулятивной политики в зарубежных странах.

Модель регулирования	Период внедрения	Страны применения	Показатели	Плюсы модели	Минусы модели	Барьеры и ограничения
Адаптивное регулирование	2000-е	США, Великобритания, Австралия, Казахстан, Россия	Сокращение времени внедрения инноваций на 30%	Гибкость, поддержка инноваций	Риск нормативной неопределенности	Нехватка ресурсов для мониторинга, правовая нестабильность
Умное регулирование	2010-е	ЕС, Канада, Сингапур, Казахстан, Узбекистан	Сокращение издержек бизнеса на 25%	Эффективность, минимизация издержек	Высокие затраты на внедрение	Недостаток цифровых компетенций, ограниченный доступ к технологиям
Инклюзивное регулирование	2010-2020-е	ЕС, Германия, Нидерланды, Россия, Армения	Увеличение числа стейкхолдеров на 40%	Прозрачность, справедливость	Высокие ресурсные издержки	Сложность координации, риск лоббизма
Оценка регулирующего воздействия (ОРВ)	1980-2000-е	США, Австралия, ЕС, Казахстан, Узбекистан	Снижение издержек бизнеса на \$100 млн (США), €200 млн (ЕС)	Количественная оценка последствий	Необходимость данных и аналитики	Сложность внедрения в странах с низким уровнем институциональной готовности

Источник: составлена автором

Обобщая итоги исследования, сравнительный анализ международных моделей государственного регулирования показывает, что различные подходы к регулированию, такие как адаптивное, умное, инклюзивное регулирование и оценка регулирующего воздействия, представляют собой важные инструменты, способствующие повышению эффективности государственного управления и улучшению предпринимательского климата. При этом каждая модель имеет свои особенности, преимущества, недостатки и ограничения, что позволяет определить условия их наиболее успешного применения.

Адаптивное регулирование, внедрённое в таких странах, как США, Великобритания, Австралия, а также отдельных странах СНГ, включая Казахстан и Россию, демонстрирует высокую гибкость в условиях быстро меняющейся экономической и технологической среды. Этот подход способствует поддержке инноваций, тестированию новых технологий и минимизации регуляторных барьеров для бизнеса. Однако ключевым недостатком является риск нормативной неопределённости, что требует постоянного мониторинга и ресурсов для управления этим процессом [38, с.11].

Умное регулирование, широко применяемое в Европейском Союзе, Канаде и Сингапуре, а также в Казахстане и Узбекистане, основывается на использовании технологий, данных и аналитики для минимизации административных издержек и повышения прозрачности. Тем не менее, реализация данной модели требует значительных финансовых затрат, наличия высококвалифицированных кадров и цифровых компетенций, что может стать барьером для стран с ограниченными ресурсами и технологической готовностью [31, с. 62].

Инклюзивное регулирование, акцентирующее внимание на вовлечении всех заинтересованных сторон в процесс разработки нормативных актов, эффективно применяется в ЕС, Германии, Нидерландах и отдельных странах СНГ, включая Россию и Армению. Эта модель способствует повышению уровня доверия к государственным институтам и позволяет находить баланс интересов между бизнесом, обществом и государством. Однако высокая стоимость реализации и сложность координации интересов различных групп могут замедлять процесс принятия регуляторных решений и создавать риск лоббизма.

Оценка регулирующего воздействия, впервые внедрённая в США и Австралии и успешно реализованная в ЕС, Казахстане и Узбекистане, представляет собой универсальный инструмент для количественной оценки последствий регуляторных инициатив. ОРВ обеспечивает прозрачность и

обоснованность нормативных актов, однако её внедрение требует развитой аналитической инфраструктуры, квалифицированных кадров и наличия больших массивов данных, что может быть ограничением для стран с низким уровнем институциональной готовности [139, с. 36].

Таким образом, сравнительный анализ международных моделей государственного регулирования позволяет сделать вывод о том, что их успешное применение зависит от уровня экономического развития, институциональной зрелости и технологической готовности государства.

В условиях стран с переходной экономикой, включая государства СНГ, целесообразно использовать комбинированный подход, интегрируя элементы адаптивного, умного и инклюзивного регулирования с обязательной оценкой регулирующего воздействия. Такой подход позволит обеспечить гибкость регуляторных решений, минимизировать издержки, учитывать интересы всех стейкхолдеров и стимулировать инновационное развитие. Вместе с тем необходимо преодоление существующих барьеров, включая нехватку ресурсов, недостаточную цифровую зрелость и слабую институциональную базу, для успешной реализации современных регуляторных моделей.

Как было отражено в параграфах 1.2 и 1.3, институциональное качество регуляторной среды в значительной степени определяется способностью государства формировать предсказуемые и прозрачные механизмы взаимодействия с бизнесом. Кыргызская Республика уже использует отдельные элементы международных подходов — включая внедрение системы оценки регулирующего воздействия (ОРВ), цифровую платформу «Тундук», а также меры по либерализации процедур регистрации и лицензирования. Однако практика их применения остаётся фрагментарной, а институциональные эффекты ограниченными.

Опыт стран СНГ демонстрирует положительные примеры трансформации регуляторной среды. Так, в Казахстане успешно функционирует портал eGov и реализована модель риск-ориентированного контроля. В Узбекистане активно внедряется механизм цифровых платформ и

сервисов для бизнеса с акцентом на минимизацию личных контактов. Азербайджан продвигает модель централизации регулирующих функций через Агентство по регулированию и надзору, сокращая количество регулирующих органов.

Для Кыргызской Республики ключевыми направлениями институциональной адаптации международных подходов являются те, которые не требуют кардинальной перестройки правовой системы и могут быть встроены в существующую административную практику. В частности, выделяются следующие сферы, в которых международный опыт представляется практически применимым:

- упрощение административных процедур на основе принципов поведенческого регулирования и стандартизации взаимодействия;
- внедрение цифровых решений в сферах лицензирования, налогового администрирования и отчётности;
- формирование механизмов оценки регуляторной нагрузки и комплаенс-издержек на регулярной основе;
- развитие обратной связи с бизнесом через цифровые каналы, опросы и публичные консультации;
- институционализация межведомственной координации и контроль качества регулирования.

бизнеса на глобальном уровне

В целом, можно заключить, что современные инструменты и механизмы совершенствования регуляторной среды предпринимательской деятельности с позиций институциональной теории актуальны и требуют многомерного изучения. Эмпирические данные, полученные в результате прикладного исследования, продемонстрировали наличие устойчивых институциональных барьеров, связанных с фрагментарностью процедур, избыточной административной нагрузкой и ограниченным доверием к регулирующим органам. Одновременно выявлен устойчивый запрос со стороны предпринимательского сообщества на цифровизацию процессов,

предсказуемость решений и упрощение нормативного взаимодействия с государством.

Цифровая трансформация требует изучения как институциональный инструмент повышения качества регулирования, способный минимизировать транзакционные издержки, усилить транспарентность, снизить риски коррупции и обеспечить более эффективную коммуникацию между бизнесом и государством. Цифровые решения выступают не только как технологическая модернизация, но и как основа формирования новой модели сервисно-ориентированного регулирования.

Анализ международного опыта показал, что эффективная регуляторная политика базируется на принципах контекстной адаптации, оценке регулирующего воздействия, институционализации обратной связи и развитии цифровых инфраструктур. При этом важно учитывать институциональную специфику стран с переходной экономикой, таких как Кыргызская Республика. Предложенные в главе элементы международных практик и сравнительная таблица моделей регулирования позволяют выделить те направления, которые могут быть реалистично адаптированы в отечественную среду.

Таким образом, институциональное совершенствование регуляторной политики должно опираться не только на формальные правовые изменения, но и на глубокую трансформацию механизмов взаимодействия государства и предпринимательства. Это определяет основу для разработки направлений институционального реформирования регулирования предпринимательской деятельности, которым посвящена следующая глава диссертационного исследования.

ГЛАВА 5. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5.1. Принципы построения современной регуляторной политики в условиях институциональной трансформации

Современное понимание регуляторной политики выходит за рамки традиционного административного вмешательства государства в экономику и все в большей степени трактуется как инструмент институционального развития, направленный на формирование предсказуемой, транспарентной и сбалансированной среды для предпринимательской активности. В условиях переходной экономики, где характерны высокая институциональная нестабильность, правовая фрагментарность и низкий уровень доверия, принципы построения эффективной регуляторной политики приобретают ключевое значение.

Согласно институциональной теории (Д. Норт, О. Уильямсон), институциональная среда представляет собой совокупность формальных и неформальных норм, определяющих правила взаимодействия между государством и экономическими субъектами. В этом контексте регуляторная политика должна быть не просто набором мер контроля и поддержки, но и механизмом снижения транзакционных издержек, формирования институционального доверия и стимулирования вовлеченности бизнеса в процессы развития [см. главы 1.2, 1.3].

На основе обобщения международных подходов ЕС, ОЭСР, страны СНГ, а также анализа институциональных особенностей Кыргызской Республики, предлагается выделить и акцентировать необходимость внедрения следующих принципов построения современной регуляторной политики:

- «Прозрачность и предсказуемость» - стабильность и логичность изменений законодательства, что формирует доверие и снижает регуляторные риски. Это фундаментальный институциональный принцип, обеспечивающий открытость и доступность информации о целях, процедурах, последствиях и ответственности регуляторной деятельности государства. В контексте предпринимательства прозрачность означает, что предприниматели чётко понимают, какие правила действуют, почему они введены, как применяются и какие риски и издержки они порождают;

- «Институциональное доверие» - ориентация на восстановление и поддержание доверия между бизнесом и регулируемыми органами. Устойчивое ожидание предпринимателей, что действия государственных институтов будут справедливыми, последовательными, предсказуемыми и не произвольными. Доверие не является моральной категорией - оно представляет собой экономический актив, влияющий на транзакционные издержки, формализацию бизнеса, инвестиционную активность и готовность к инновациям ;

- «Инклюзивность» - вовлечение представителей предпринимательского сообщества в оценку и формулирование регуляторных решений. Принцип, согласно которому государственная политика, в том числе регуляторная должна учитывать интересы и возможности всех групп предпринимателей, особенно структурно уязвимых или системно недопредставленных: женщин, молодёжи, региональных МСП, этнических меньшинств, людей с ограниченными возможностями и др. Это не просто «социальная чувствительность», а стратегический компонент устойчивого экономического развития, позволяющий раскрыть внутренний предпринимательский потенциал страны ;

- «Цифровизация» - использование электронных платформ, автоматизации, открытых данных и других инструментов GovTech как основы новой регуляторной архитектуры. Цифровизация в контексте регуляторной политики означает использование цифровых технологий и платформ для

проектирования, реализации и мониторинга норм государственного регулирования, а также для повышения качества взаимодействия между предпринимателями и государством. Цифровизация - это не только автоматизация услуг, но и изменение институциональной логики от бюрократического вмешательства к сервисной, прозрачной и отзывчивой модели регулирования.

- «Обратная связь и участие бизнеса» - принцип означает, что предприниматели должны иметь реальный, институционализированный доступ к процессам проектирования, обсуждения, оценки и корректировки государственных регуляторных решений. Он делает регулирование двусторонним процессом, где бизнес — не объект, а партнёр и источник информации. Публичные консультации, Институционализированный платформы участия, Механизмы быстрого реагирования должны войти в регуляторную среду как обязательный элемент политики;

- «Регуляторная эффективность» - это принцип, согласно которому любое вмешательство государства в предпринимательскую деятельность должно быть обоснованным, пропорциональным, основанным на доказательствах и поддающимся количественной и качественной оценке. Речь идёт о переходе от формального, фрагментарного регулирования к институционально продуктивному регулированию, которое достигает целей с минимальными издержками для бизнеса и общества. Экспертный и количественный анализ проекта НПА до его принятия и оценка после применения, что вообще не ведётся в Кыргызской Республике, как уже отражалось ранее в главе 4. Т.е. не только проводить АРВ, но и оценку воздействия после определённого периода;

- «Ориентация на устойчивый рост» - означает, что государственная регуляторная политика должна быть не только направлена на краткосрочные цели — устранение барьеров или поддержку отдельных групп, — но и на долгосрочное, структурное развитие предпринимательской среды. Это предполагает формирование институциональной устойчивости, интеграцию

целей ESG, поддержку инноваций, развитие локальных экосистем и предпринимательской инфраструктуры, а также учет межпоколенческой и межрегиональной сбалансированности.

В Кыргызской Республике реализуются следующие государственные программы, направленные на развитие предпринимательства:

1. Программа развития бизнеса Кыргызской Республики до 2026 года: утверждена Кабинетом Министров и направлена на взаимодействие государства и частного сектора для устойчивого развития бизнеса с учётом современных вызовов
2. Программа по поддержке и развитию женского предпринимательства на 2022–2026 годы: утверждена в декабре 2021 года и направлена на поддержку женщин-предпринимательниц, предоставление доступа к финансовым ресурсам и обучению основам ведения бизнеса
3. Программа по развитию молодёжного предпринимательства: разработана Министерством культуры, информации, спорта и молодёжной политики КР и направлена на создание благоприятной среды и механизмов поддержки для молодых предпринимателей, включая образовательные программы и доступ к финансированию .
4. Фонд развития предпринимательства: ОАО МКК "Фонд развития предпринимательства" предоставляет финансовую поддержку малому и среднему бизнесу, способствуя решению социальных проблем занятости населения и развитию инфраструктуры .

Эти программы и инициативы отражают стремление государства создать благоприятные условия для развития предпринимательства в стране, поддерживая различные группы населения и способствуя устойчивому экономическому росту. Тем не менее, не содержат, либо частично отражают предложенные принципы институционального развития предпринимательской среды (Таб. 5.1.).

Таблица 5.1 Анализ ключевых программ на наличие предложенных принципов регуляторной политики развития предпринимательства.

Программа	Принципы
Программа развития бизнеса КР до 2026 г.	Упомянуты приоритеты цифровизации, повышения инвестиционной привлекательности и налоговой стабильности, но механизмы предсказуемости, ОРВ и мониторинга слабые
Программа женского предпринимательства	Акцент на инклюзивность, финансовую доступность, обучение соответствует третьему и частично первому принципу
Программа по молодёжному предпринимательству	Содержит блоки по доступу к финансам, информационным сервисам, образованию. Однако нет системных элементов цифровизации или ОРВ
Фонд развития предпринимательства	Поддерживает через финансовые продукты. Отсутствует институциональная обратная связь, механизмы оценки и цифровые решения

Источник: составлена автором

Институциональная трансформация регуляторной среды в Кыргызской Республике предполагает переход от фрагментарного, ведомственно-ориентированного подхода к стратегически выстроенной регуляторной политике, в которой упор делается не только на поддержку предпринимательства, но и на устранение институциональных ограничений его развития. Это требует сочетания мер законодательного характера, организационных реформ и внедрения цифровых и поведенческих инструментов, о чём более подробно будет идти речь в следующем параграфе.

5.2. Институциональные и цифровые механизмы снижения регуляторных барьеров в предпринимательской деятельности

Формирование благоприятной регуляторной среды для малого и среднего предпринимательства в условиях институциональной трансформации требует перехода от преимущественно административной и фискальной логики государственного вмешательства к стратегически выстроенной системе

поддержки, основанной на принципах регуляторной политики, предложенной в параграфе 5.1. Как показал анализ, представленный в главах 1.2, 2.2 и 4.2, важнейшими барьерами в развитии предпринимательства остаются фрагментарность процедур, слабая согласованность между регулируемыми органами, недостаточная предсказуемость норм и частые изменения законодательства без предварительной оценки последствий.

Эти факторы не только увеличивают транзакционные издержки для субъектов МСП, но и формируют институциональное недоверие, подталкивая предпринимателей к теневым или адаптивным стратегиям ведения бизнеса. Следовательно, модернизация регуляторной среды должна опираться на комплексную институциональную модель, способную обеспечить долгосрочную устойчивость, цифровую интеграцию и инклюзивность регулирования.

С позиций институционального подхода ключевыми механизмами снижения регуляторной нагрузки выступают, *во - первых, инструменты оценки регулирующего воздействия, формирование единых реестров требований, мониторинг комплаенс-издержек и механизмы «регуляторной гильотины».* Эти подходы направлены на систематизацию и упрощение действующего регулирования, устранение дублирующих и устаревших норм.

В Кыргызской Республике в качестве аналога оценки регулирующего воздействия внедряется механизм оценки последствий регулятивных актов АРВ. Формально он предусматривает анализ проектов нормативных правовых актов с точки зрения их влияния на предпринимательскую среду, включая потенциальные издержки и барьеры. Однако, как показывает практика, АРВ в текущем виде носит преимущественно декларативный характер: отсутствуют чёткие методологические стандарты, независимая экспертиза, системная обратная связь от бизнеса и инструменты мониторинга реального воздействия уже принятых решений.

Таким образом, АРВ не выполняет функцию стратегического фильтра, призванного предотвращать неэффективные или избыточные регуляторные

меры.

Вторым направлением трансформации регуляторной среды выступает цифровизация процессов государственного регулирования. Применение электронных платформ, автоматизация процессов регистрации, лицензирования и отчётности позволяет существенно снизить транзакционные издержки, исключить личные контакты, повысить предсказуемость и воспроизводимость решений. В этом контексте важную роль может сыграть доработка и развитие системы «Тундук» с расширением её функционала и охвата. Примером служит Сингапур, где цифровая интеграция государственных сервисов реализована через платформу GoBusiness, обеспечивающую единый доступ к услугам для предпринимателей - от регистрации до получения разрешений и сопровождения экспортных операций.

Аналогично, система «Тундук» в Кыргызской Республике может стать ключевым элементом регуляторной инфраструктуры, если будет обеспечена её масштабная функциональная доработка: включение сервисов по лицензированию, цифровым проверкам, согласованиям, налоговому администрированию и обратной связи. Такая цифровая консолидация не только снижает транзакционные издержки, но и повышает предсказуемость, прозрачность и воспроизводимость регуляторных процедур.

Отдельное значение приобретает внедрение механизмов цифровой обратной связи и открытых данных. Регулярные опросы предпринимателей, публичные обсуждения проектов нормативных актов, индекс доверия к институтам и платформа для оценки качества услуг позволяют формировать регулирование с учётом реальных ожиданий и проблем бизнеса. Развитие этих элементов возможно на базе уже существующих цифровых экосистем и центров поддержки МСП.

Третьим важным элементом является адаптация международного опыта в институциональной логике. Практики стран ОЭСР, ЕС, Сингапура, Южной Кореи, Казахстана и Эстонии демонстрируют, что институциональные

эффекты от реформ возможны только при соблюдении контекстуальности: последовательной адаптации механизмов к местной практике, уровню цифровой зрелости и доверию. В Кыргызской Республике возможно внедрение концепции единого окна, автоматизация налогового администрирования, цифровые инструменты регистрации, а также развитие платформ для мониторинга качества регуляторной среды и сбора обратной связи от предпринимателей. Эти меры могут быть реализованы на основе уже существующих цифровых систем, таких как «Тундук» и электронное правительство, при условии институционального укрепления межведомственной координации и повышения цифровой грамотности как среди чиновников, так и среди предпринимателей. Внедрение концепции «единого окна» - как это реализовано, например, в Казахстане и Узбекистане позволит устранить дублирующие процедуры, сократить время на регистрацию и получение разрешений, а также минимизировать коррупционные риски, возникающие при физическом взаимодействии с чиновниками.

Таким образом, институциональные и цифровые механизмы трансформации регуляторной среды в Кыргызской Республике должны быть направлены не только на устранение формальных барьеров, но и на формирование доверительной, адаптивной и сервисной модели регулирования. Это требует системного подхода, в котором сочетаются цифровые технологии, институциональное проектирование, международный опыт и поведенческая логика, что станет основой устойчивого развития предпринимательского сектора.

Для обеспечения устойчивого развития малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике необходимо внедрение институциональных и технических новшеств, направленных на устранение существующих барьеров и создание условий для повышения конкурентоспособности предпринимательского сектора. Анализ международного опыта свидетельствует о том, что эффективные институциональные и технические

меры способны значительно усилить роль МСБ в экономике, повысить их вклад в формирование ВВП и улучшить занятость.

Дуглас Норт фокусировался на институтах как ключевом факторе долгосрочного экономического роста. Он выделял роль формальных и неформальных институтов, которые обеспечивают предсказуемость и снижают транзакционные издержки. Это напрямую связано с предпринимательством, так как стабильные и предсказуемые институциональные условия стимулируют бизнес-активность. Д. Норт также подчеркивал важность адаптации институтов к изменениям в экономике, что актуально для регулирования инновационного предпринимательства.

Принимая во внимание институциональную теорию, предлагается рассмотреть два основных механизма дальнейшего сопровождения развития бизнес-среды и поддержки предпринимательства:

- институциональный подход
- технический подход

Во-первых, необходимо реформирование системы взаимодействия между государственными органами и предпринимателями путем внедрения концепции «единого окна». Это предполагает унификацию и цифровизацию всех административных процессов, связанных с регистрацией бизнеса, лицензированием и налоговым администрированием. Международный опыт, в частности Сингапура, демонстрирует, что создание платформы для централизованного управления бизнес-услугами позволяет сократить временные и финансовые затраты предпринимателей на выполнение регуляторных процедур. В Кыргызской Республике система «Тундук» должна быть доработана для обеспечения полного охвата всех аспектов взаимодействия бизнеса с государством [68, с. 9].

Во-вторых, необходимо создание специализированных институтов поддержки, таких как Агентства по развитию Предпринимательства. Например, успешный опыт Германии, где функционирует Федеральное агентство по развитию среднего предпринимательства (BMWi), показывает,

что целенаправленная поддержка, включая образовательные программы, гранты и консультации, способствует росту и экспорту продукции МСБ. Внедрение подобных агентств в Кыргызстане позволит обеспечить системный подход к поддержке предпринимателей.

Для развития МСБ в Кыргызской Республике необходимо разработать и внедрить концептуальные подходы научно-практического характера, которые будут направлены на решение текущих проблем и обеспечение устойчивого роста сектора. Учитывая опыт развитых стран и особенности национальной экономики, можно выделить несколько ключевых направлений, требующих концептуальных изменений.

Инновационные образовательные программы и консалтинговая поддержка. Прежде всего, требуется разработка образовательных инициатив, ориентированных на развитие предпринимательских навыков с учетом современных вызовов, таких как цифровизация, глобализация и изменение потребительских предпочтений. Необходимо внедрение учебных программ, которые объединяют теоретические знания и практические навыки управления бизнесом, финансового планирования и маркетинга. Например, концепция «интенсивных обучающих лагерей» (business boot camps), широко применяемая в США, может быть адаптирована для Кыргызстана. Такие программы позволяют предпринимателям в сжатые сроки получать практические знания, что особенно полезно для начинающих бизнесменов.

Дополнительно необходимо создать сети консалтинговых центров, предоставляющих персонализированную поддержку субъектам МСБ. Эти центры могут быть интегрированы в существующую инфраструктуру поддержки бизнеса, предлагая консультации по вопросам налогообложения, сертификации, экспорта и использования технологий.

Внедрение цифровых экосистем. Концепция цифровых экосистем предполагает создание единой онлайн-платформы для МСБ, которая включает в себя доступ к финансированию, образовательным ресурсам, маркетинговым инструментам и взаимодействию с государственными органами. Примером

может служить платформа «SME Connect», успешно реализованная в Сингапуре, которая позволяет предприятиям получать полный спектр услуг в режиме онлайн. В Кыргызстане внедрение подобной платформы упростит административные процедуры, сократит временные затраты и расширит доступ предпринимателей к необходимым ресурсам.

Поддержка кластерного подхода и кооперации. Для стимулирования сотрудничества между предприятиями и повышения их конкурентоспособности целесообразно развивать концепцию кластеров. Это подразумевает объединение компаний, работающих в одной отрасли или смежных секторах, с целью оптимизации цепочек поставок, обмена знаниями и технологий. Например, успешный опыт текстильных кластеров в Турции показывает, что такие объединения позволяют не только снизить производственные издержки, но и увеличить экспорт продукции. В Кыргызстане данная концепция может быть реализована в секторах сельского хозяйства, текстильной промышленности и туризма.

Создание механизмов финансирования на основе венчурного капитала

Одним из значимых новшеств может стать внедрение венчурного финансирования для поддержки инновационных стартапов и высокотехнологичных предприятий. Государство может выступить в роли инициатора создания венчурных фондов, привлекая частных инвесторов и международные финансовые институты. Примером может служить опыт Израиля, где подобные фонды обеспечивают финансирование более 50% стартапов, что позволяет поддерживать высокий уровень инновационной активности.

Развитие экспортоориентированных стратегий. Для интеграции МСБ в международные рынки необходимо разработать стратегию поддержки экспорта, включая субсидирование сертификации продукции, организацию участия в международных выставках и помощь в установлении внешнеэкономических связей. Государство может создать специализированные экспортные агентства, подобные тем, что

функционируют в странах Европейского Союза, которые занимаются продвижением национальных производителей на глобальных рынках.

Укрепление научной базы для развития МСБ. Важным направлением является создание научных исследовательских центров, которые будут заниматься анализом тенденций в области МСБ, разработкой рекомендаций по повышению их эффективности и внедрением инновационных решений. Это может включать разработку региональных стратегий развития бизнеса, изучение особенностей потребительского спроса и поиск новых рыночных ниш.

Таким образом, внедрение концептуальных подходов научно-практического характера требует активного взаимодействия между государством, частным сектором и научными учреждениями. Такие меры, как развитие образовательных программ, создание цифровых экосистем, поддержка кластеров, внедрение венчурного финансирования и усиление экспортной ориентации, позволят значительно укрепить позиции МСБ в экономике Кыргызской Республики. Эти инициативы должны сопровождаться постоянным мониторингом и оценкой их эффективности для адаптации в условиях меняющихся экономических реалий.

Таблица 5.1. Предложения по внесению дополнений в НПА

Название документа	Недостатки или пробелы в текущем исполнении	Рекомендации по доработке
Закон Кыргызской Республики «О защите прав предпринимателей»	Механизмы защиты бизнеса от необоснованных проверок недостаточно эффективны из-за отсутствия реальных санкций для госорганов, нарушающих процедуру проверок.	Ввести санкции для госорганов за необоснованные проверки и нарушения процедур, а также создать независимый механизм апелляции для предпринимателей.
Налоговый кодекс Кыргызской Республики	Несмотря на упрощенные налоговые режимы, они остаются сложными для микробизнеса, особенно в сельских регионах. Отсутствуют инструменты налогового стимулирования инноваций.	Разработать и внедрить специальные налоговые режимы для инновационных стартапов и предприятий в сельских районах, включая налоговые каникулы.

Закон Кыргызской Республики «О лицензировании»	Процедуры лицензирования упрощены, но автоматическое продление лицензий внедрено только частично, что создает административные задержки.	Обеспечить полную автоматизацию продления лицензий для всех отраслей, где это возможно, с минимальным участием человека.
Постановление Правительства КР о льготном кредитовании МСБ	Объем льготного кредитования ограничен, а существующие программы не охватывают большинство микропредприятий в регионах.	Увеличить финансирование программ льготного кредитования, ориентировать их на микробизнес и экспортно-ориентированные предприятия.
Закон Кыргызской Республики «Об электронном правительстве»	Не все госуслуги интегрированы в систему «Тундук», что затрудняет использование платформы для бизнеса в удаленных районах.	Полностью интегрировать все государственные услуги в систему «Тундук» и обеспечить поддержку для предпринимателей в освоении цифровых инструментов.
Методология анализа регуляторного воздействия (АРВ)	Методология АРВ применяется не для всех новых НПА, отсутствует единый стандарт проведения оценки и контроля эффективности уже принятых регуляторных актов.	Внедрить обязательное применение методологии АРВ для всех НПА, а также создать систему мониторинга их эффективности через независимые аудиты.
Нормативно-правовые акты для развития регионов	Существующие региональные программы недостаточно направлены на развитие инфраструктуры и стимулирование частных инвестиций в сельских районах.	Разработать новые программы, направленные на развитие логистической инфраструктуры, субсидирование обучения в регионах и создание промышленных парков.

Источник: составлена автором

Технические подходы. С точки зрения технических новшеств, первостепенным является внедрение цифровых технологий для повышения эффективности деятельности субъектов МСБ. Развитие цифровой инфраструктуры, включая доступ к облачным технологиям, платформам электронной коммерции и финансовым услугам, может существенно сократить затраты на ведение бизнеса. Примером может служить Южная Корея, где государственные программы субсидируют внедрение цифровых решений в МСБ, что позволяет ежегодно увеличивать их производительность на 10–15% [133, с. 27].

Кроме того, необходимо внедрение программ обучения предпринимателей цифровым навыкам. Например, в Эстонии, которая считается лидером в цифровизации, государственные образовательные инициативы охватывают более 90% субъектов МСБ, что обеспечивает их конкурентоспособность на международных рынках. В Кыргызстане аналогичные программы могли бы быть реализованы через уже существующие центры поддержки предпринимательства.

Еще одним техническим направлением является развитие инновационной инфраструктуры, включая создание бизнес-инкубаторов и технопарков. Эти институты играют ключевую роль в поддержке стартапов и внедрении новых технологий. Например, в Израиле бизнес-инкубаторы обеспечивают поддержку более 70% стартапов, что способствует их успешному выходу на рынок [130, с.2]. В Кыргызстане создание подобной инфраструктуры может стать катализатором для развития инновационных бизнес-моделей.

Таким образом, для развития МСБ в Кыргызской Республике необходимо внедрение институциональных и технических новшеств, ориентированных на создание благоприятной деловой среды и повышение уровня конкурентоспособности предпринимательского сектора. Институциональные реформы должны включать упрощение регуляторных процедур и создание специализированных агентств, тогда как технические меры — развитие цифровой инфраструктуры, внедрение образовательных программ и поддержка инновационной деятельности. Применение успешного зарубежного опыта, адаптированного к национальным условиям, может обеспечить устойчивое развитие МСБ как ключевого сектора экономики.

Для обеспечения эффективного управления развитием малого и среднего бизнеса МСБ и малого и среднего предпринимательства МСП в Кыргызской Республике необходимо внедрение системного подхода к мониторингу и оценке их деятельности. Данный процесс должен быть основан на использовании передовых методологий, современных цифровых технологий и международного опыта в области оценки и анализа.

Таблица 5.2. Рекомендации по техническому сопровождению развития МСП

Инструменты технического сопровождения	Применение	Что необходимо внедрить
Создание единой цифровой платформы для МСБ	Система «Тундук» предоставляет некоторые государственные услуги, но охват и функциональность ограничены.	Расширить функционал «Тундук», включив в него поддержку всех административных процедур для МСБ.
Продолжение таблицы 5.2.		
Внедрение облачных технологий	Облачные технологии используются только крупными предприятиями, доступность для МСБ отсутствует.	Создать государственные программы субсидирования или льготного доступа к облачным сервисам для МСБ.
Развитие онлайн-обучения и тренингов	Некоторые платформы, такие как "Школа предпринимательства", предлагают курсы, но их охват недостаточен.	Разработать национальную платформу с доступными онлайн-курсами, адаптированными для разных уровней предпринимателей.
Автоматизация административных процедур	Частично автоматизированы процессы налоговой отчетности, но лицензирование и регистрации остаются сложными.	Автоматизировать лицензирование, регистрацию и взаимодействие с государственными органами, минимизируя ручные процессы.
Разработка цифровых решений для экспорта	Отдельные инструменты для экспорта существуют, но их использование ограничено из-за низкой осведомленности предпринимателей.	Разработать и внедрить цифровые платформы для сертификации и сопровождения экспортных товаров.
Создание системы кибербезопасности для бизнеса	Системы защиты данных для МСБ отсутствуют, кибербезопасность остается упущенной областью.	Создать национальную программу кибербезопасности для МСБ с обучением и поддержкой.

Источник: составлена автором

Рекомендации по мониторингу и отслеживанию развития МСБ и МСП

Во-первых, следует разработать и внедрить единую систему мониторинга и оценки эффективности мер государственной поддержки МСБ и МСП. Такая система должна охватывать сбор и анализ ключевых показателей, включая объемы финансирования, динамику занятости, вклад в ВВП, уровень экспорта и внедрение инноваций. Для этого, во-первых, необходимо разработать

унифицированные методики сбора данных, которые будут применяться как государственными органами, так и аналитическими центрами.

Во-вторых, необходимо обеспечить регулярный сбор данных на уровне предприятий с использованием цифровых инструментов. Например, создание интегрированной платформы, связанной с существующей системой «Тундук», позволит автоматизировать сбор статистической информации, включая данные о налоговых платежах, численности работников и объемах производства. Это позволит сократить временные затраты предпринимателей и повысить точность данных.

В-третьих, важным направлением является проведение независимых исследований и опросов предпринимателей. Такие исследования могут осуществляться в партнерстве с международными организациями, такими как Всемирный банк или Программа развития ООН (ПРООН), что обеспечит независимую оценку эффективности текущих мер государственной поддержки. Например, ежегодные опросы о деловой среде и административных барьерах позволят выявить ключевые проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели.

Кроме того, рекомендуется внедрение системы индикаторов раннего предупреждения для выявления рисков в развитии МСБ и МСП. Такие индикаторы могут включать данные о снижении объемов продаж, росте задолженности или сокращении числа зарегистрированных предприятий. Данная система позволит оперативно реагировать на изменения экономической ситуации и корректировать меры государственной поддержки.

Не менее важным является создание публичных отчетных систем, которые позволят предпринимателям, исследовательским центрам и широкой общественности получать доступ к основным данным о развитии МСБ и МСП. Регулярная публикация отчетов, в том числе на региональном уровне, будет способствовать повышению прозрачности и доверия к действиям государства.

Для обеспечения научно обоснованного подхода к мониторингу необходимо разработать стратегию оценки долгосрочного воздействия мер

поддержки на МСБ и МСП. Например, анализ вклада программ льготного кредитования в рост производительности и экспорта может стать основой для корректировки будущих стратегий развития.

Наконец, важным элементом является развитие кадрового потенциала государственных органов и аналитических центров, занимающихся мониторингом. Необходимо проводить регулярные тренинги и обмен опытом с международными экспертами, что позволит обеспечить высокое качество анализа и использования данных.

Таким образом, для эффективного мониторинга и отслеживания развития МСБ и МСП в Кыргызской Республике требуется создание комплексной системы, включающей цифровые инструменты, унифицированные методики и независимые исследования. Эти меры позволят не только объективно оценивать результаты государственной политики, но и оперативно адаптировать её к изменяющимся условиям. Внедрение таких подходов будет способствовать устойчивому росту сектора и его интеграции в национальную и глобальную экономику.

Для устранения существующих пробелов в экосистеме малого и среднего предпринимательства МСП необходимо внедрение целевых систем и структур, направленных на решение ключевых проблем, связанных с финансированием, доступом к рынкам, развитием компетенций, регуляторной средой и внедрением технологий. Предлагаемые меры базируются на современных подходах и успешных международных практиках.

Одной из ключевых инициатив может стать создание единого цифрового портала для МСП, который интегрирует все административные, финансовые и информационные услуги. Данная платформа должна обеспечивать автоматизацию процессов лицензирования, регистрации, подачи заявок на государственные программы и создание сети для взаимодействия с поставщиками и потребителями. Реализация такого портала позволит минимизировать бюрократические препятствия, снизить транзакционные

издержки и предоставить предпринимателям централизованный доступ к необходимым ресурсам.

Для решения проблемы ограниченного финансирования рекомендуется внедрение специального фонда гарантирования кредитов для МСП. Такой фонд обеспечит покрытие рисков по кредитам, предоставляемым коммерческими банками, и будет особенно актуален для микробизнеса в регионах и женщин-предпринимателей. Это улучшит доступ к финансированию для предприятий, не имеющих достаточного залогового обеспечения, и стимулирует предпринимательскую активность.

Важным направлением является развитие региональных кластеров МСП, которые позволят предприятиям одного сектора или региона объединяться для совместного использования логистической инфраструктуры, учебных центров и экспортной поддержки. Примером может служить текстильный кластер, который укрепит позиции отечественных производителей на внутреннем и внешнем рынках, повысит их производительность и снизит издержки.

Для поддержки экспортной деятельности необходимо создание цифровой системы содействия экспорту, которая обеспечит автоматизацию сертификации продукции, предоставит актуальную информацию о международных торговых требованиях и субсидирует участие предпринимателей в международных выставках. Это позволит снизить барьеры для выхода на глобальные рынки, повысить узнаваемость продукции и увеличить экспортный потенциал.

С учетом цифровизации экономики важным шагом является внедрение программы кибербезопасности для МСП, которая будет включать тренинги по управлению рисками, предоставление доступных инструментов защиты данных и создание центров оперативного реагирования на инциденты. Это позволит снизить уязвимость предприятий к кибератакам и укрепить доверие клиентов и партнеров.

Для улучшения регуляторной среды необходимо более качественно подходить к АРВ, которая обеспечит прозрачный анализ всех новых

нормативных актов, влияющих на бизнес. Это позволит минимизировать избыточные регуляторные нагрузки и гарантировать, что принятые меры способствуют развитию предпринимательства.

Наконец, необходимо содействие зеленому переходу для МСП, который будет включать субсидии на использование возобновляемых источников энергии, техническую поддержку перехода на низкоуглеродные технологии и стимулирование устойчивых бизнес-моделей. Это обеспечит соответствие глобальным стандартам устойчивого развития и откроет доступ к экологически ориентированным инвестициям.

Таким образом, внедрение предложенных систем и программ позволит устранить основные барьеры в развитии МСП, повысить их устойчивость и интеграцию в национальную и глобальную экономику. Эти меры, подкрепленные активным взаимодействием государства и частного сектора, создадут благоприятные условия для долгосрочного роста и повышения конкурентоспособности предпринимательского сектора.

Для стимулирования инновационной активности МСП в Кыргызской Республике необходимо внедрение целевого подхода к формированию и реализации государственной политики.

Прежде всего, необходимо внедрение грантовых программ и субсидий для поддержки инновационной деятельности. Такие программы должны охватывать финансирование научных исследований, разработку новых продуктов и технологий, а также модернизацию оборудования. В дополнение к этому следует ввести налоговые льготы для предприятий, инвестирующих в исследования, что будет способствовать снижению финансовой нагрузки и стимулировать инновации. Также полезным инструментом могут стать инновационные ваучеры, предоставляющие МСП возможность обращаться к университетам, лабораториям и консалтинговым компаниям за экспертной помощью.

Для улучшения доступа к финансированию требуется создание государственных гарантийных фондов, которые обеспечат покрытие рисков

по кредитам, выдаваемым инновационно ориентированным предприятиям. Кроме того, необходимо развивать механизмы альтернативного финансирования, такие как венчурные фонды и платформы краудфандинга, что позволит привлечь дополнительные ресурсы для реализации перспективных идей.

Для обеспечения цифровой трансформации сектора МСП необходимо внедрение программ поддержки цифровизации, включая субсидирование покупки программного обеспечения, внедрение систем электронной коммерции и обучение персонала. Развитие платформ, подобных «Тундук», позволит автоматизировать взаимодействие бизнеса с государственными органами, а также предоставить доступ к консультациям и аналитическим инструментам. Это особенно важно для регионов с ограниченной инфраструктурой, где цифровизация может стать драйвером роста.

Упрощение процедур интеллектуальной собственности также является важным шагом для стимулирования инноваций. Государство должно оптимизировать процессы регистрации патентов, товарных знаков и авторских прав, а также предоставить финансовую поддержку для покрытия соответствующих затрат. Одновременно с этим необходимо развивать программы по коммерциализации интеллектуальной собственности, включая помощь в лицензировании и поиске партнеров.

Важным аспектом остается повышение уровня профессиональной подготовки предпринимателей. В этой связи следует внедрить программы обучения управлению инновациями, стратегическому планированию и цифровым навыкам. Организация менторских программ и инкубационных центров позволит поддержать стартапы на ранних этапах развития и повысить их устойчивость к рыночным рискам.

Для расширения доступа на внешние рынки необходимо развивать экспортные программы поддержки инновационных МСП, включая содействие в сертификации продукции, участие в международных выставках и устранение логистических барьеров. Особое внимание следует уделить

развитию систем государственного закупа инновационной продукции, что станет стимулом для внедрения новых технологий.

Не менее важно учитывать глобальные тренды в области устойчивого развития. Программы поддержки экологически чистых технологий и предоставление субсидий для перехода на устойчивые практики позволят МСП не только соответствовать международным стандартам, но и привлечь дополнительные инвестиции.

Наконец, эффективная реализация инновационной политики требует разработки систем мониторинга и оценки, которые позволят измерять влияние институциональной среды развития предпринимательских мер на развитие сектора МСП и адаптировать политику в зависимости от достигнутых результатов. Комплексный подход к формированию инновационной экосистемы станет ключом к повышению конкурентоспособности МСП и устойчивому развитию экономики Кыргызской Республики..

5.3. Концептуальная модель институциональной среды для развития предпринимательской экосистемы в Кыргызской Республике

Развитие предпринимательской экосистемы в Кыргызской Республике предполагает необходимость формирования эффективной институциональной среды, способной обеспечить устойчивость, адаптивность и воспроизводимость предпринимательской активности. Институциональная среда в данном контексте рассматривается как совокупность формальных и неформальных правил, а также механизмов координации взаимодействия между субъектами предпринимательства, государством, образовательными учреждениями, инфраструктурными и финансовыми организациями.

Цель концептуальной модели институциональной среды для развития предпринимательской экосистемы в Кыргызской Республике заключается в создании комплексной и устойчивой институциональной рамки, способствующей стимулированию предпринимательской активности,

формированию инновационного развития, формированию благоприятных условий для роста малых и средних предприятий, а также интеграции предпринимательства в национальные и глобальные цепочки добавленной стоимости. модель направлена на устранение институциональных барьеров, снижение транзакционных издержек, повышение уровня доверия между экономическими агентами и государственными структурами, обеспечение равного доступа к инфраструктуре и ресурсам во всех регионах страны, а также на формирование адаптивной и инклюзивной среды, способной гибко реагировать на вызовы современной экономики. Предполагается что реализация данной модели должна способствовать институционализации механизмов межсекторного взаимодействия, цифровизации управленческих процессов и выстраиванию эффективной системы поддержки предпринимательства на всех уровнях – от национального до локального.

Теоретико-методологическая база предлагаемой концептуальной модели опирается на положения, представленные в главе 1 диссертационного исследования, где предпринимательство рассматривается как сложная многоуровневая система, функционирующая в рамках определённой институциональной структуры.

В частности, в разделе 1.2 были обоснованы ключевые функции предпринимательства в современной экономике, что позволило определить его не только как фактор экономического роста, но и как носителя инновационных трансформаций и источника региональной устойчивости. В этой связи разработка модели институциональной среды базируется на синтезе неoinституциональной теории Д. Норт, О. и Уильямсона и концепции предпринимательских экосистем И. Исаксона, С. Шнайдера, а также теории регионального развития и пространственной экономики М. Портера и Э. Стоу.

Особое внимание уделяется взаимодействию формальных и неформальных институтов, на основании выводов о необходимости комплексного институционального подхода к изучению предпринимательской среды.

С методологической направленности предложено построить модель на основе системного, институционального и междисциплинарного подходов, предусматривающих структурный анализ элементов среды, выявление функциональных взаимосвязей между субъектами предпринимательства, государством, образовательными учреждениями и инфраструктурными посредниками. Принципиальное значение имеет учет факторов транзакционных издержек, децентрализации, плотности сетевых взаимодействий и уровня доверия, как это было обозначено в теоретическом анализе институциональных основ предпринимательства в разделе 1.3. Таким образом, была сделана попытка представить модель, которая не только будет отражает современные научные представления о предпринимательской экосистеме, но и адаптирована к специфике социально-экономического контекста Кыргызской Республики, что обеспечило бы её прикладной характер и потенциал практической реализации.

Принимая во внимание предложенные принципы регуляторной политики, представленные в разделе 5.1, можно сформулировать и обосновать их значение для построения концептуальной модели институциональной среды развития предпринимательской экосистемы в Кыргызской Республике следующим образом:

Принципы, положенные в основу модели, отражают современные подходы к формированию эффективной, гибкой и предпринимательски ориентированной институциональной среды. Прежде всего, принцип прозрачности и предсказуемости обеспечивает снижение институциональных и регуляторных рисков, формируя доверие со стороны бизнеса и способствуя легитимации регуляторных норм. Его реализация в модели предполагает внедрение устойчивых правовых механизмов, логичных процедур и цифровых решений, гарантирующих открытость государственного регулирования. Принцип институционального доверия рассматривается как ключевой элемент снижения транзакционных издержек и стимулирования инвестиционной активности. Он требует построения регуляторной архитектуры, основанной на

справедливости, стабильности и последовательности действий государственных институтов.

Принцип инклюзивности в рамках модели трактуется как обязательное вовлечение всех групп предпринимателей - региональных, женских, молодёжных и социально уязвимых в процессы принятия решений. Это обеспечивает социальную сбалансированность и устойчивость предпринимательской экосистемы, позволяя раскрыть её внутренний потенциал. Принцип цифровизации предполагает широкое использование цифровых платформ, открытых данных и автоматизированных систем управления для обеспечения прозрачности, повышения эффективности регулирования и улучшения качества взаимодействия государства с бизнесом. Он формирует технологическую основу модели и позволяет перейти от бюрократической модели управления к сервисно-ориентированной.

Принцип обратной связи и участия бизнеса институционализирует механизмы двустороннего взаимодействия, в рамках которых предприниматели становятся активными участниками процессов проектирования и оценки регуляторных решений. Это требует создания платформ для консультаций, публичных обсуждений и механизмов быстрого реагирования на возникающие вызовы. Принцип регуляторной эффективности обеспечивает рациональность и экономическую обоснованность вмешательства государства в предпринимательскую деятельность. Он предполагает использование методов анализа регулирующего воздействия, а также пострегуляторную оценку эффективности принятых норм, что ранее было обозначено как недостаточно реализуемая практика в Кыргызской Республике.

Наконец, принцип ориентации на устойчивый рост задаёт стратегический горизонт для развития предпринимательской среды, включая поддержку инноваций, интеграцию целей устойчивого развития ЦУР, формирование локальных экосистем и развитие инфраструктуры. Он направлен на обеспечение институциональной преемственности, территориального баланса

и долгосрочной конкурентоспособности национальной экономики. Все указанные принципы не только формируют теоретическую основу модели, но и служат практическими ориентирами для её проектирования, реализации и оценки, делая её адаптивной, открытой и устойчивой к внешним и внутренним вызовам.

Для обеспечения практической реализации концептуальной модели институциональной среды предпринимательской экосистемы необходима чёткая систематизация инструментов, способных воплотить заложенные в модели принципы в конкретные управленческие и регуляторные действия. Несмотря на высокую значимость принципов как нормативных и ценностных ориентиров, их самостоятельное наличие не гарантирует институциональной результативности без соответствующего механистического сопровождения. В этой связи особую роль приобретает идентификация и внедрение таких механизмов, которые обеспечивают неразрывную связь между стратегическим уровнем институционального проектирования и повседневной практикой государственного регулирования, предпринимательской активности и межсекторного взаимодействия. Ниже представлены ключевые механизмы, соотнесённые с соответствующими принципами модели, каждый из которых служит операциональной основой формирования активной, устойчивой и предпринимательно ориентированной институциональной среды.

Таблица 5.1. Механизмы достижения активности институциональной среды

Принцип	Механизмы реализации
Прозрачность и предсказуемость	- Внедрение цифровых регистров и открытых баз данных, обеспечивающих доступ к нормативной информации для предпринимателей. - Публикация регуляторных планов и дорожных карт, включая прогнозируемые изменения законодательства. - Стандартизация процедур регистрации, лицензирования и отчётности через цифровые платформы и единые окна. - Введение индикаторов прозрачности качества нормативных актов и мониторинга их соблюдения.
Институциональное доверие	- Развитие механизмов обратной связи через институт омбудсмана, бизнес-ассоциации и другие посреднические структуры.

	- Гарантирование судебной защиты прав предпринимателей и повышение доверия к системе разрешения споров. - Создание и ведение реестров административных процедур с возможностью публичного мониторинга нарушений. - Внедрение антикоррупционных комплаенс-программ в государственных органах и стимулирование этического управления.
Инклюзивность	- Разработка специализированных программ поддержки женщин-предпринимателей, молодёжи, этнических меньшинств и других уязвимых групп. - Проведение целевых публичных консультаций с участием недопредставленных категорий предпринимателей. - Формирование инклюзивных форумов, рабочих групп и экспертных площадок при разработке политики. - Адаптация образовательных, консультационных и финансовых программ под нужды разных целевых аудиторий.
Цифровизация	- Создание цифровых платформ «одного окна» для взаимодействия предпринимателей с государственными органами. - Автоматизация процедур регистрации бизнеса, получения разрешений и подачи отчётности. - Внедрение инновационных технологий, включая блокчейн, искусственный интеллект и big data в госуслугах. - Развитие региональных и отраслевых цифровых экосистем на базе платформенных решений и открытых данных.
Обратная связь и участие бизнеса	- Организация регулярных онлайн-консультаций и опросов предпринимателей по актуальным регуляторным вопросам. - Создание цифровых платформ для подачи жалоб, предложений и обсуждения проектов нормативных актов. - Институционализация участия бизнеса в проектных офисах, рабочих группах при министерствах и агентствах. - Внедрение механизмов «регуляторной песочницы» для экспериментального тестирования новых инициатив.
Регуляторная эффективность	- Обязательное проведение анализа регулирующего воздействия до принятия любых нормативных актов. - Пострегуляторная оценка воздействия через мониторинг ключевых показателей эффективности. - Применение принципов «умного регулирования» (smart regulation), включая поведенческие подходы. - Использование доказательной базы и эмпирических данных при проектировании реформ.
Ориентация на устойчивый рост	- Интеграция целей устойчивого развития (ЦУР) и ESG-подходов в стратегические документы и регуляторные инициативы. - Введение налоговых и нефинансовых стимулов для зелёных и инновационных малых и средних предприятий. - Создание и поддержка региональных акселераторов, инкубаторов и центров роста.

	- Проведение мониторинга межрегиональных и межпоколенческих эффектов институциональных изменений.
--	---

Источник: составлена автором

Предложенные принципы и соответствующие им механизмы представляют собой взаимосвязанную конструкцию, обеспечивающую целостность и практическую реализуемость институциональной модели развития предпринимательской экосистемы. Принципы выступают в роли концептуальных и нормативно-ценностных ориентиров, задающих стратегическое направление трансформации предпринимательской среды, в то время как механизмы представляют собой конкретные инструментальные решения, обеспечивающие реализацию этих ориентиров в институциональной практике. Такое соотношение можно охарактеризовать как модель «цель—средство», где каждый принцип находит своё отражение в операционализированных процедурах, технологиях и институциональных форматах. Подобная комплементарность между абстрактными регуляторными идеалами и прикладными управленческими инструментами обеспечивает не только теоретическую обоснованность модели, но и её прикладную применимость в условиях Кыргызской Республики, позволяя адаптировать модель к локальному контексту и обеспечить её устойчивое функционирование в динамичной институциональной среде.

Описание институциональной среды. В качестве факторов, определяющих архитектуру и функциональные параметры концептуальной модели, целесообразно выделить совокупность внешних и внутренних детерминант, каждая из которых оказывает существенное влияние на эффективность функционирования экосистемы и устойчивость её институциональных механизмов. (Рисунок 5.1)

Прежде всего, к внешним факторам следует отнести макроэкономическую и геополитическую ситуацию, воздействие глобальных трендов, полный переход на цифровизацию, международные обязательства Кыргызской Республики в рамках интеграционных объединений, таких как ЕАЭС и ВТО, а также трансграничную конкуренцию за инвестиции и

технологические ресурсы. Немаловажным внешним параметром выступает уровень доступности внешнего финансирования, включая программы международных доноров и институтов развития, что, в свою очередь, формирует потенциал институционального сопряжения и масштабирования предпринимательской активности. Кроме того, в условиях глобальной волатильности особое значение приобретает адаптивность институциональной среды к шокам – будь то экономическим, климатическим или эпидемиологическим.

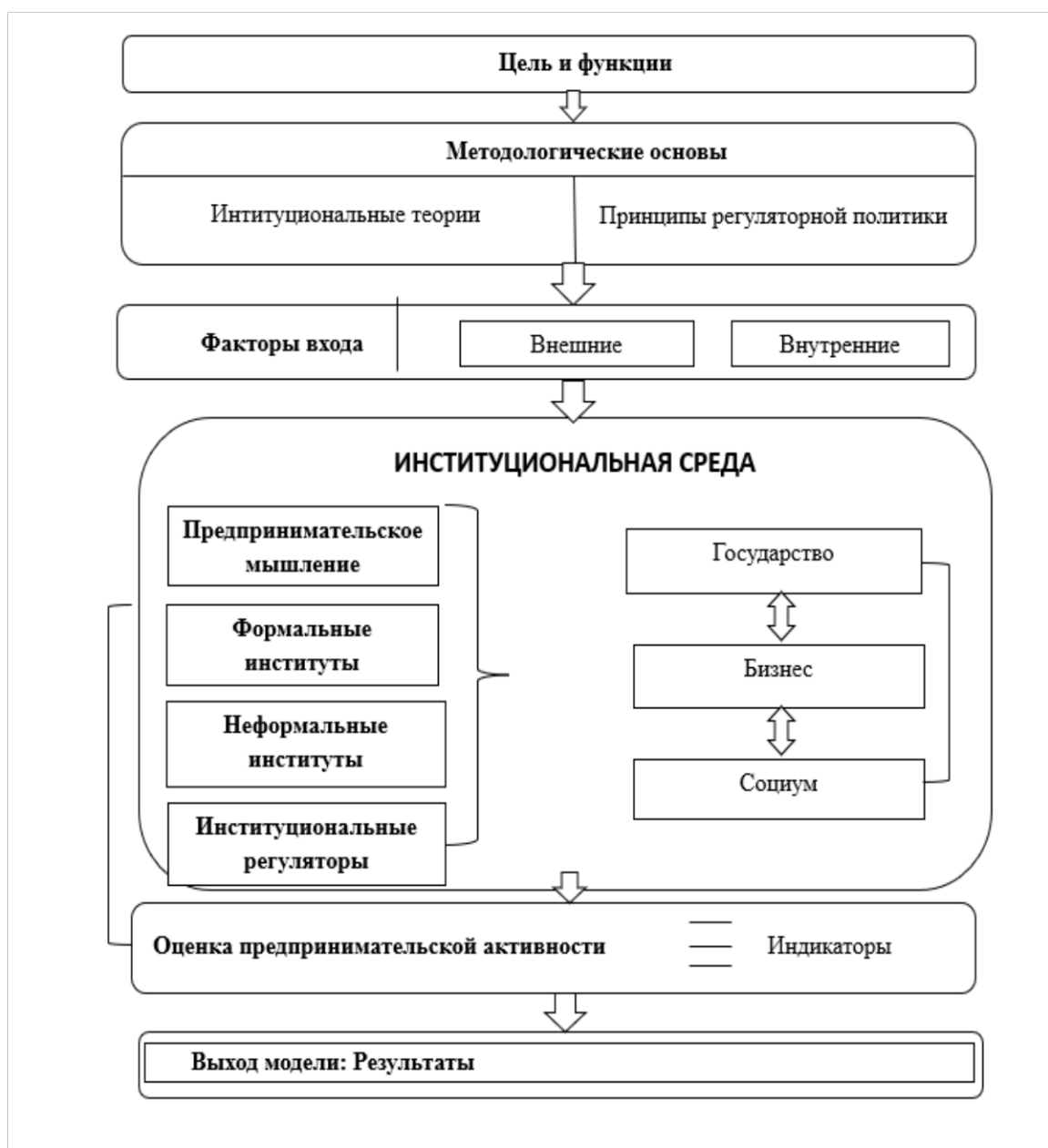

Рисунок 5.1. Схематичное представление концептуальной модели институциональной среды для развития предпринимательской экосистемы. Источник: составлена автором.

С другой стороны, внутренние факторы, являющиеся непосредственными входами для разработки модели, в значительной степени определяются текущим состоянием национальной предпринимательской среды. Во-первых, к числу ключевых внутренних факторов относится уровень институционального развития, включая стабильность и эффективность правовой системы, качество регулирования, уровень защищённости прав собственности и контрактных обязательств. Во-вторых, важным элементом

является инфраструктурная обеспеченность предпринимательства - наличие бизнес-инкубаторов, промышленных парков, цифровых платформ, логистических и коммуникационных сетей. В-третьих, существенным фактором выступает уровень человеческого капитала - наличие квалифицированных кадров, предпринимательских компетенций, образовательных программ, ориентированных на бизнес и инновации. В-четвёртых, критическую роль играют культурные и социопсихологические установки, включая общественное восприятие предпринимательства, уровень доверия в экономике и преобладающие модели взаимодействия между субъектами.

Таким образом, предложенная модель должна учитывать как экзогенные вызовы и возможности, так и эндогенные ограничения и ресурсы, обеспечивая институциональную гибкость, адаптивность и устойчивость. Интеграция указанных факторов в концептуальный каркас модели позволит создать сбалансированную и реалистичную институциональную конструкцию, способную обеспечить не только рост предпринимательской активности, но и её качественное преобразование в направлении инновационной и устойчивой экономики.

Институциональная среда предпринимательской экосистемы представляет собой сложную, многоаспектную систему, включающую формальные и неформальные нормы, ценностные установки, организационные структуры и механизмы координации, которые в совокупности определяют условия, стимулы и ограничения для ведения предпринимательской деятельности. Структура данной среды включает четыре взаимосвязанных компонента: предпринимательское мышление, формальные институты, неформальные институты и институциональные регуляторы.

Прежде всего, предпринимательское мышление выступает фундаментальной когнитивной и культурной основой предпринимательской среды. Оно включает в себя систему установок, поведенческих паттернов и

ценностей, ориентированных на инновационность, инициативность, принятие риска, способность к адаптации и выявлению экономических возможностей. В условиях развивающихся экономик, к числу которых относится и Кыргызская Республика, формирование предпринимательского мышления становится ключевым вызовом, поскольку оно напрямую связано с преодолением патерналистских настроений, активизацией самозанятости и развитием инновационного предпринимательства. Предпринимательское мышление не возникает спонтанно — оно требует институциональной поддержки через систему образования, просвещения, роль средств массовой информации и успешных примеров предпринимательской деятельности.

Формальные институты включают в себя закреплённые в законодательстве и административной практике нормы, регулирующие права и обязанности предпринимателей, порядок регистрации бизнеса, налоговую и фискальную политику, условия получения финансирования, доступ к инфраструктуре и мерам государственной поддержки. Эти институты формируют «официальную» часть предпринимательской среды, задают рамки легитимной экономической активности и обеспечивают предсказуемость взаимодействия с государственными структурами. От эффективности формальных институтов зависит уровень транзакционных издержек, уровень доверия к государству, а также мотивация субъектов к переходу из теневого в формальный сектор.

Наряду с этим, неформальные институты охватывают систему негласных правил, культурных норм, социальных практик, традиций и моральных ориентиров, регулирующих поведение предпринимателей вне рамок формального законодательства. Включают в себя такие элементы, как уровень доверия в обществе, толерантность к неудаче, восприятие предпринимательства как жизненной стратегии, степень солидарности и поддержки внутри деловых сообществ. В контексте Кыргызской Республики неформальные институты играют двойственную роль: с одной стороны, они могут поддерживать локальные формы кооперации и адаптивности; с другой -

воспроизводить клиентелизм, неформальные барьеры и коррупционные практики, что ослабляет институциональную устойчивость и снижает привлекательность предпринимательской деятельности.

Наконец, институциональные регуляторы или посредники представляют собой организационные и инфраструктурные звенья, обеспечивающие связь между государством, бизнесом, обществом и внешней средой. К ним относятся органы государственной власти, агентства по развитию предпринимательства, бизнес-ассоциации, торгово-промышленные палаты, образовательные и научные учреждения, цифровые платформы и международные организации. Эти субъекты выполняют функции трансляции нормативных установок, агрегирования интересов предпринимателей, предоставления сервисов, финансирования, консалтинга и адвокации. Эффективные институциональные регуляторы способствуют снижению информационной асимметрии, укреплению механизмов горизонтального взаимодействия и формированию благоприятного предпринимательского климата.

Таким образом, институциональная среда представляет собой целостную систему, в которой предпринимательское мышление, формальные и неформальные институты, а также институциональные регуляторы находятся в постоянном взаимодействии, формируя условия для возникновения, развития и масштабирования предпринимательской активности. Гармонизация этих компонентов и устранение институциональных дисбалансов являются ключевыми условиями построения устойчивой предпринимательской экосистемы в Кыргызской Республике.

Институциональная среда, охватывающая формальные и неформальные элементы, предпринимательское мышление и регулирующие механизмы, формирует основу для устойчивого функционирования и развития предпринимательской экосистемы. Однако для того, чтобы данные институциональные условия стали действенным инструментом управления, необходима их регулярная и объективная оценка, основанная на измеримых

параметрах предпринимательской активности и эффективности регуляторного воздействия.

Оценка предпринимательской активности представляет собой важнейший элемент институциональной модели, обеспечивающий не только мониторинг текущего состояния предпринимательской среды, но и формирование эмпирической базы для принятия обоснованных управленческих решений. В научной плоскости предпринимательская активность трактуется как совокупность количественных и качественных характеристик, отражающих динамику создания и развития бизнес-структур, степень вовлеченности населения в предпринимательство, интенсивность инновационной и инвестиционной деятельности, а также уровень адаптивности предпринимателей к институциональным и рыночным условиям. В рамках предлагаемой модели оценка предпринимательской активности выполняет две функции: с одной стороны, она служит диагностическим инструментом, фиксирующим институциональные и структурные барьеры; с другой — является механизмом обратной связи, позволяющим адаптировать политику поддержки предпринимательства в зависимости от конкретных региональных и секторальных условий.

Для реализации функции оценки необходимо применение целевой системы индикаторов, охватывающих ключевые аспекты предпринимательской активности. Предлагается прежде всего использовать индикаторы, которые можно рассчитать из данных Нацстаткома КР и которые были рассчитаны в данном диссертационном исследовании (глава 3). К базовым количественным индикаторам относятся:

- *доля малого и среднего бизнеса в ВВП;*
- *доля занятых в МСП в общей структуре занятости;*
- *объём инвестиций, привлечённых в сектор МСП;*
- *доля экспортно-ориентированных малых предприятий;*

Оценка предпринимательской активности как структурный элемент институциональной модели требует методологически верифицируемого

подхода, основанного на системе показателей, позволяющих объективно фиксировать динамику развития предпринимательской среды. В данной работе предлагается внедрить комбинированную система индикаторов, включающих как международно апробированные показатели, так и индикаторы, предложенные автором с учётом социально-экономической специфики Кыргызской Республики.

Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor, GEM) использует такие показатели, как уровень предпринимательской плотности, ожидания роста бизнеса, доля повторных предпринимателей (business re-entry), индексы восприятия институциональной среды и доверия к регулирующим органам [GEM Global Reports, 2019–2023].

Всемирный банк (Doing Business, Enterprise Surveys) использует показатели, отражающие время и стоимость регистрации бизнеса, доступ к финансированию, экспортную активность малого бизнеса, восприятие административных барьеров и степень использования цифровых услуг [World Bank, Doing Business, 2020; Enterprise Surveys, 2019];

Методические рекомендации ОЭСР и ЕЭК ООН по оценке развития МСП предложили индикаторы, связанные с инвестиционной активностью, участием в программах господдержки, развитием предпринимательской инфраструктуры и доступом к цифровым решениям [OECD SME and Entrepreneurship Outlook, 2021; UNECE, Guidelines on MSME Policy Index, 2022].

Наряду с этим, в целях адаптации модели к национальному контексту, автором предложены дополнительные индикаторы, отражающие качественные и поведенческие особенности предпринимательской активности, а также институциональные эффекты:

- *доля предпринимателей, удовлетворённых качеством регуляторной среды (на основе социологических опросов);*

- *уровень вовлечённости МСП в цифровую экономику (использование электронных сервисов, онлайн-продаж, цифровой отчётности);*
- *доля предпринимателей, реализующих инновационные или социально ориентированные проекты;*
- *степень доверия к институтам поддержки (местные органы власти, агентства развития, бизнес-инкубаторы);*
- *индекс адаптивности предпринимателей к институциональным и рыночным изменениям;*

Показатели, которые может считать Нацстатком КР при советующей единой государственной политике и запросу Министерства экономики и коммерции КР и обеспечения межведомственного сотрудничества и обмена базами данных. Такие показатели:

- Статистика демографии бизнеса (показатели регистрации и ликвидации МСП);
- Обследование доступа предприятий к финансированию (процент одобрения кредитов, размеры процентных ставок, государственные гарантии);
- Время открытия бизнеса, показатели нормативной нагрузки;
- Дезагрегированные показатели активности по полу, возрасту и региону, отражающие инклюзивность предпринимательской среды
- Интенсивность участия в программах государственной поддержки;
- Уровень предпринимательской плотности (число зарегистрированных субъектов предпринимательства на 1000 человек экономически активного населения)
- Доля предпринимателей, повторно запускающих бизнес после неудачи (индикатор толерантности к риску)

Таким образом, предложенная система оценки предпринимательской активности сочетает международные стандарты мониторинга с авторскими индикаторами, отражающими локальные институциональные реалии. Это позволяет не только обеспечить сопоставимость с международными

практиками, но и повысить чувствительность оценки к внутренним особенностям национальной предпринимательской экосистемы.

Особое значение в модели приобретает региональная и гендерная дезагрегация индикаторов, позволяющая выявлять территориальные и социальные диспропорции в развитии предпринимательства. Это, в свою очередь, создаёт аналитическую основу для адресного институционального вмешательства и формирования инклюзивной поддержки.

Таким образом, системная и многоуровневая оценка предпринимательской активности на основе верифицируемых индикаторов является неотъемлемой частью предлагаемой модели институциональной среды. Она позволяет формировать объективную картину предпринимательской динамики, оперативно выявлять институциональные деформации и выстраивать гибкую, эмпирически обоснованную политику развития предпринимательства в Кыргызской Республике.

В результате реализации предложенной концептуальной модели институциональной среды для развития предпринимательской экосистемы в Кыргызской Республике ожидается достижение совокупности устойчивых, взаимосвязанных институциональных, структурных и поведенческих эффектов, которые в совокупности будут свидетельствовать о её результативности и прикладной состоятельности. Прежде всего, следует подчеркнуть, что ключевым результатом модели выступает повышение институциональной устойчивости предпринимательской среды, выражающееся в укреплении формальных институтов, повышении транспарентности регуляторной политики, институционализации механизмов обратной связи и цифровизации процедур взаимодействия между бизнесом и государством. Важным направлением эффекта также является формирование среды, способной воспроизводить предпринимательскую активность на устойчивой основе, в том числе в условиях внешнеэкономических или институциональных шоков.

Кроме того, модель направлена на обеспечение системных структурных изменений, включая рост доли малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте, увеличение численности занятых в секторе МСП, снижение доли неформальной занятости, а также территориальную децентрализацию предпринимательской активности — за счёт развития региональных экосистем, бизнес-инкубаторов и инфраструктурных кластеров. Существенным ожидаемым результатом также является расширение участия предпринимателей в инновационной и экспортной деятельности, что, в свою очередь, повысит их конкурентоспособность на внешних и внутренних рынках.

Наряду с этим, особую значимость приобретают поведенческие эффекты, выражающиеся в трансформации предпринимательских установок, росте доверия к государственным институтам и повышении готовности субъектов бизнеса к взаимодействию в рамках формальной институциональной среды. Следует отметить, что формирование устойчивого предпринимательского мышления, основанного на ценностях инициативности, инновационности и толерантности к риску, также входит в контур целевых изменений модели.

Таким образом, результирующий эффект реализации модели выходит за рамки количественного роста предпринимательских структур и охватывает более глубокие институциональные преобразования, способствующие переходу от фрагментарных форм поддержки к системной, адаптивной и ориентированной на устойчивое развитие институциональной политике в сфере предпринимательства. Модель, таким образом, обеспечивает не только стимулирование текущей деловой активности, но и формирует предпосылки для её долгосрочной институционализации и интеграции в национальные и глобальные экономические процессы.

ВЫВОДЫ

Процессы институционального обеспечения развития предпринимательства в Кыргызской Республике требуют комплексного осмысления с учётом специфики трансформационной экономики, сочетающей элементы формального и неформального регулирования. Теоретико-методологический анализ позволил выявить внутренние противоречия существующих механизмов поддержки, а также обозначить направления их совершенствования с позиции системного и институционального подходов.

Междисциплинарное осмысление природы предпринимательства и эмпирический анализ факторов предпринимательской активности способствовали формированию целостного научного представления о предпринимательстве как о социально-экономической системе, функционирующей в рамках определённой институциональной среды. В результате диссертационной работы сформулированы следующие выводы:

- Предпринимательство в Кыргызской Республике формируется в условиях сложной и изменчивой институциональной среды, сочетающей формальные и неформальные институты. Историческая траектория институционального развития определила доминирование адаптивных стратегий поведения, распространение неформальных практик и высокий уровень институционального недоверия, что существенно влияет на характер предпринимательской активности.
- Развитие предпринимательства невозможно без устойчивой институциональной среды, способной обеспечить защиту прав собственности, снижение транзакционных издержек и доступ к ресурсам. В рамках диссертации обосновано, что предпринимательская активность формируется в пределах институциональных ограничений, задающих поведенческие нормы и рамки взаимодействия субъектов.
- Проведён комплексный анализ институциональных барьеров, наиболее значимыми из которых являются: нестабильность нормативно-правовой

базы, избыточность административных процедур, коррупционные издержки, слабая правовая защищённость бизнеса и ограниченность доступа к финансовым ресурсам. Эти барьеры классифицированы по уровню действия и включены в институциональную карту ограничений.

- Разработана концептуальная модель институциональной среды предпринимательства, отражающая взаимодействие ключевых акторов: государства, институтов развития, инфраструктурных организаций и предпринимательских объединений. Модель акцентирует внимание на необходимости согласованного институционального проектирования с учётом специфики социально-экономического контекста.
- Обоснована необходимость институциональной модернизации государственной регуляторной политики, включающей переход от административно-контрольных механизмов к партнёрским формам взаимодействия, цифровизацию услуг, внедрение инструментов оценки регулирующего воздействия и адаптацию успешных международных практик стимулирования предпринимательства.
- Эмпирическое исследование выявило устойчивые региональные различия в уровне предпринимательской активности, что требует проведения гибкой, дифференцированной политики поддержки с акцентом на развитие периферийных территорий. Предложена типология регионов по уровню предпринимательского потенциала, что позволяет учитывать пространственные диспропорции при разработке стратегий.
- Предпринимательство рассматривается как значимый фактор устойчивого социально-экономического развития, способствующий снижению безработицы, диверсификации экономики и формированию среднего класса. В условиях институциональной нестабильности именно малый и средний бизнес способен выполнять компенсаторную функцию, обеспечивая адаптацию экономики к вызовам трансформационного периода.

- Предложенные в диссертации подходы и модели развития предпринимательства ориентированы на долгосрочную институциональную устойчивость, системную трансформацию предпринимательской среды и расширение возможностей для экономической активности широких слоёв населения. Концептуальные положения могут служить основой для реформ в сфере предпринимательской политики и разработки целевых программ развития.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

1. На основании комплексного анализа институциональной среды предпринимательства Кыргызской Республики сформулированы прикладные рекомендации, направленные на её институционализацию, снижение уровня транзакционных издержек, повышение правовой определённости и упорядочение взаимодействия предпринимателей с государственными органами.
2. Уточнение и систематизация институциональных барьеров, выявленных в результате эмпирического анализа, позволяют использовать полученные результаты для проектирования инструментов совершенствования государственной регуляторной политики, в том числе в части устранения избыточных требований, коррупционных практик и неопределённости правоприменения.
3. Обоснована целесообразность внедрения механизмов мониторинга регулирующего воздействия, что может быть использовано в деятельности государственных органов для превентивной оценки последствий принимаемых нормативных решений в отношении малого и среднего бизнеса.
4. На основе кластерного анализа региональных показателей предпринимательской активности выделены четыре устойчивых типа

территорий, различающихся по интенсивности и институциональным условиям предпринимательства. Полученные результаты обладают применимостью для формирования дифференцированной региональной политики и приоритизации программ поддержки.

5. Аргументировано направление территориального выравнивания условий предпринимательской активности через институциональное сопровождение бизнеса в отдалённых и горных регионах, развитие физической и цифровой инфраструктуры, а также запуск специализированных программ микропредпринимательства.
6. В рамках исследования выявлена значимая роль неформальных институтов в становлении и функционировании предпринимательской среды, что позволяет учитывать их компенсаторный и ограничительный потенциал при разработке формальных механизмов регулирования и сопровождения предпринимательства.
7. Разработаны концептуальные и инструментальные подходы к цифровизации предпринимательских процессов, включая внедрение электронных платформ, программ цифровой грамотности и механизмов дистанционного взаимодействия между предпринимателями и органами государственной власти.
8. Сформулированы практические рекомендации по развитию экспортной ориентации субъектов малого и среднего бизнеса, включающие упрощение процедур сертификации, институциональное сопровождение внешнеэкономической деятельности и развитие механизмов цифровой торговли.
9. Подчёркнута значимость формирования кадрового и компетентностного потенциала предпринимательского сектора через развитие образовательных, акселерационных и менторских программ, в том числе с ориентацией на цифровые навыки, управление инновациями и стратегическое развитие.

10. Полученные результаты могут использоваться для разработки и корректировки национальных и региональных программ поддержки предпринимательства, формирования нормативно-правовой базы, проектирования цифровых инструментов и стратегических инициатив, направленных на формирование устойчивой предпринимательской среды в Кыргызской Республике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абалкин, Л. И. Проблемы переходной экономики [Текст]: кн. для чтения по экономике/ Л. И. Абалкин., С. Ю. Глазьев. - М.: Экономика, 2000. - 100-115с.
2. Акимов, О. Ю. Малый и средний бизнес: эволюция понятий, рыночная среда, проблемы развития [Текст]/ О. Ю. Акимов. - М.: Финансы и статистика, 2017. - 193 с.
3. Алиев, Б. Х. Государственное регулирование и поддержка малого бизнеса в условиях кризиса [Текст] / Б. Х. Алиев. – М.: Финансы и кредит, 2010. - 16-23 с.
4. Алимбеков М.Ш. Обеспечение правопорядка и законности в сфере предпринимательства [Электронный ресурс]. – Бишкек: 2024. - Режим доступа: economist.kg/ekonomika/2024/03/07/indieksie-ekonomichieskoi-svobody-kyrgyzystana - Бишкек: Кыргызский юридический институт, 2020. - 200-225 с.
5. Алифанова, Е.Н. Фондовые механизмы оценки и регулирования эффектов интеграции в экономике [Текст]/ Е.Н. Алифанова. – М.: Финансы и кредит, 2008. -301с.
6. Алыбаев, Ж.Б. Инвестиции в экономику Кыргызской Республики [Текст]: Институт экономики и финансов/ Ж. Б. Алыбаев, А.С. Сарыбаев. Институт экономики и финансов. – Бишкек, 2011. - 144 с.
7. Анализ неформальной экономики в Кыргызстане: через социальную справедливость для трудящихся, к устойчивому развитию в стране [Электронный ресурс]. – Бишкек: 2021. - Режим доступа: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/pdf>.
8. Акматалиев А.А. (ред.), Шадыбеков К.Б., Исраилов А.А. Словарь терминов по государственному и муниципальному управлению [Текст]/ Акад. упр. при Президенте КР. — Бишкек: НСС – Фонд им. Конрада Аденауэра, 2011. 320с.

9. Байдурин М.С. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ [Текст]/ дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05, 08.00.14. — Москва, 2017. — 355 с.
10. Башмаков, А.А. От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции: сборник научных трудов [Текст]/ А.А. Башмаков. - Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. - 182-189 с.
11. Блохина, Т. К. Новые аспекты интеграции финансовых рынков ЕАЭС в условиях развития цифровой экономики [Текст]/Т.К. Блохина.
12. Брагина, Е.И. Малое предпринимательство в переходной экономике Юга [Текст] / Е. И. Брагина. Мировая экономика и международные отношения- 2018. - 87-96 с.
13. Брагина, Е.И. Малый бизнес в развивающихся странах на фоне глобализации [Текст] / Е.И. Брагина. Мировая экономика и международные отношения. - 2018. - 126-134 с.
14. Бровко, Н.А. Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе [Текст]/ Н.А. Бровко - дис. ... д-ра эк. наук. Бишкек, 2011. 347 с.
15. Вардомский, Л.Б. Проблемы формирования евразийского полюса экономической силы и его позиционирование в мире [Текст]/ Л.Б. Вардомский. - М.: 2011.- 21 с.
16. Виленский, А. В. Парадокс поддержки малого бизнеса: предварительные итоги кризиса [Текст] / А. В. Виленский. -Вопросы экономики, 2018. -149-155 с.
17. Винокуров Е., Количественный анализ экономической интеграции ЕС и ЕАЭС: методологические подходы [Текст] // Пелипась И., Точицкая И., Доклад ЕАБР. - 2014. - № 23.
18. Владимирова, И.Г. Международная экономическая интеграция. Теория экономической интеграции [Текст]/ И.Г. Владимирова. - М.: 2004. -106 с.
19. Всемирный банк. Экономическое развитие Центральной Азии [Текст]/ автореф. кандидат. экон. наук: О.Г. Григор. - Бишкек, 2002. - 25с.

20. [Электронный ресурс]. - Бишкек: 2021. - Режим доступа: <https://www.worldbank.org>.
21. Гомон, И.В. Исследование таможенно-тарифного регулирования в международных экономических отношениях [Текст]/ И.В. Гомон, Н.В. Белопхова. - Естественно гуманитарные исследования, 2019. - 66-71 с.
22. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. № 15 // Закон Кырг. Респ. -8 мая 1996 г.- № 16.
23. Григор, О. Г. Экономические проблемы развития малого и среднего бизнеса в переходный период (на материалах Кыргызской Республики)
24. Давыдов, С.А. Особенности государственного финансового стимулирования инвестиционной деятельности в России и странах с развитой экономикой [Текст]/С.А. Давыдов. - Вестник Саратовского государственного технического университета. № 2. - 27-36 с.
25. Данильцев, А. В. Совокупный индекс глубины интеграционных процессов в сфере торговли на пространстве ЕАЭС [Текст]: Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: междунар. докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества/ А.В. Данильцев, Р.В. Крючков. -М.: 13-30 апр. 2021 г., М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 7-22 с.
26. Дьяченко, М. В. Инструменты современной государственной стабилизационной финансовой политики [Текст]/ М.В. Дьяченко. - Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление» -2014. - 104-105 с.
27. ЕАЭС/Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза, утверждена Решением Высшего Евразийского экономического совета 1 октября 2019 года/Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. - дата обращения: 01.11.2020. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>.
28. ЕАЭС: социально-экономическое развитие регионов/Авторский коллектив: Павлюшина В., Бриллиантова В. Под рук. Григорьева Л. / Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. [Электронный

- ресурс]. - М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2019. - Режим доступа: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/19000.pdf>.
29. Евразийская экономическая интеграция и «Экономический пояс Шелкового пути»: Научный доклад РСМД «Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии» [Электронный ресурс]. - 2016. - Режим доступа: eurasian-ovement.ru/archives/20387.
30. Евразийская экономическая комиссия/ Годовой отчет ЕЭК 2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.eurasiancommission.org/ru.
31. Евразийский банк реконструкции и развития. Аналитический отчет по Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы [Текст]/ Е.Ю. Винокуров. - М.: 2014. -62 с.
32. Жоробекова С.Ж. Становление норм предпринимательского права в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. - 2019.- № 3.- С. 124–128
33. Жапаров, Г.Д. Формирование предпринимательской культуры [Текст]/ Г.Д. Жапаров, Т.К Койчуев, Т.К. Камчыбеков. - Бишкек: Наука, 2015. - 90-105 с.
34. Ильяс, А.А. Системность развития рынков капитала в Едином экономическом пространстве Евразийского экономического сообщества [Текст]/ А.А. Ильяс. - Алматы: Экономика, 2013. - 399 с.
35. Иманбаева, Ж. Юридическая помощь для малого бизнеса в регионах Кыргызстана [Текст]/ Ж. Иманбаева. - Бишкек: Университет Центральной Азии, 2021.
36. Индекс экономической свободы Кыргызстана [Электронный ресурс]. – Бишкек: 2024. - Режим доступа: <https://economist.kg/ekonomika/2024/>.
37. Ибраимов Р.Т. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в условиях становления рыночной экономики КР [Текст]/ Ибраимов Р.Т. диссертация канд. экон. наук. — Бишкек, 2005

38. Калинин, А. В. Анализ развития и состояние малого и среднего бизнеса в мире [Текст]/ А.В. Калинин.- Экономика, предпринимательство и право, 2011. - 3-12 с.
39. Камчыбеков, Т. К. Закономерности становления и развития предприятий КР при переходе к рыночной экономике [Текст] / Т.К. Камчыбеков. - Б.: Илим, 2001. - 220 с.
40. Камчыбеков, Т. К. Малый и средний бизнес в Кыргызстане [Текст] / Т.К. Камчыбеков, Г.А. Сансызбаева. - Б.: Реформа. - 2000. - 36 -39с.
41. Карабекова, А.К. Внешняя и взаимная торговля Кыргызской Республики в рамках интеграционного объединения ЕАЭС [Текст]/ А.К. Карабекова //статья- Бишкек, 2022.-1-10 с.
42. Карабекова, А.К. Финансовые аспекты развития евразийской интеграции. - Исследование институционального развития предпринимательства [Текст]/ А.К. Карабекова. - Бишкек: Институт, 2023. - 50-75 с.
43. Карбекова, А.Б., /Гражданско-правовые вопросы предпринимательских отношений в Кыргызской Республике [Текст]/ А.Б. Карбекова, Т. А. Эргешова. - Бишкек: Экономика, 2022. - 130-145 с.
44. Кондратов, В.И. Финансовая интеграция: мировой опыт и перспективы развития СНГ [Текст]/ В.И. Кондратов. - Экономический журнал Высшей школы экономики, 2012. - 105-1142 с.
45. Концепция молодежной политики на 2020-2030 годы [Текст]: постановление Правительства Кырг. Респ. от 18 окт. 2019 г. № 562// Норматив. Акты Кырг. Респ. -2019.- с 3.
46. Концепция Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024 – 2028 гг. [Текст]: Указ Президента Кыргызской Республики от 25 апреля 2024 г. №90 об Утверждении Концепции Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 гг.\\Норматив. акты Кырг. Респ.
47. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / пер. с англ. — М.: Социум, 2010. — 268 с

48. Кузьмина, Е.М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом. Проблемы постсоветского пространства. [Текст]/ Е.М. Кузьмина. - М.: 2015.- 5-16 с.
49. Кыргызская Республика и индекс верховенства закона. [Электронный ресурс]. -Режим доступа:<chromeextension://efaidnbmnnnibpcajpcg/clefindmkaj>.
50. Лагкуева, И. В. Вопросы налоговой интеграции государств — членов Евразийского экономического союза. [Текст]/ И.В. Лакгуева. – М.: Вестник университета им. О.Е.Кутафина (МГЮА), 2020.
51. Макеева, М.Т. Особенности развития интеграционных процессов. В постсоветском пространстве в условиях формирования Евразийского экономического союза [Текст]: автореф. дис. ... канд. эк. наук: 2015/ М.Т. Макеева. - Бишкек, 2015.-27 с.
52. Макконнелл, К. Р., Экономикс: Принципы, проблемы и политика [Текст]/ К.Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М.: ИНФРА-М. 58, 2003.
53. Малое и среднее предпринимательство в КР 2010-2014 [Текст] // Статистические сборники Национального статистического комитета Кыргызской Республики. - Бишкек, 2015.
54. Малое и среднее предпринимательство в КР 2016-2020 [Текст] // Статистический сборник Национального статистического комитета Кыргызской Республики. - Бишкек, 2021.
55. Методика проведения анализа регулятивного воздействия нормативных правовых актов на деятельность субъектов предпринимательства [Текст]: постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 8 апреля 2024 г. № 156//Норматив. Акты Кыргызской Республики -2024.-№156.-С. 3.
56. Министерство финансов Кыргызской Республики. Отчет о реформах в таможенном администрировании [Электронный ресурс]. – Бишкек: 2022. – Режим доступа: www.esep.kg/images/otchet.RB.rus.pdf.
57. Навой, А.В. Современная рег. эконом. интеграция: основные тренды и противоречия [Текст]/ А.В. Навой.-М.: Деньги и кредит, 2017.- 24-32 с.

58. Налоговый кодекс Кыргызской Республики [Текст]: от 18 янв. 2022 г. №3// Закон Кырг. Респ. -18 янв. 2022 г.- № 4.
59. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики до 2040 г. [Текст]: Указ Президента Кырг. Респ от 31 октября 2018 года УП № 221// Норматив. Акты Кырг. Респ. -2018.-№221- 15-30 с.
60. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 250 с.
61. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Кыргызская Республика [Электронный ресурс]. – Бишкек: 2024. – Режим доступа: stat.gov.kg.
62. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Демографический обзор [Электронный ресурс]. – Бишкек: 2023. – Режим доступа: stat.gov.kg
63. Норт, Д., Институциональная экономическая теория [Текст]/ Д. Норт, О. Уильямсон. -М.: Дело, 1997. - 50-75 с.
64. О государственной услуге в электронной форме [Текст]: Закон Кырг. Респ. от 2020 г. № 85 // Норматив. Акты Кырг. Респ. – 2020.- с 7.
65. О защите прав предпринимателей [Текст]: Закон Кырг. Респ. от 22 мая 2019 г. №63 // Норматив. Акты Кырг. Респ. – 2019.- с 5.
66. О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике [Текст]: Закон Кырг. Респ. от 19 окт. 2013 г. №195 // Норматив. Акты Кырг. Респ. – 2013.- с 8.
67. О совете по развитию бизнеса и инвестициям при Правительстве Кыргызской Республики [Текст]: постановление Правительства Кырг. Респ. от 5 августа 2010 г. № 149// Норматив. Акты Кырг. Респ. – 2010- № 149.- утратил силу
68. О создании государственного учреждения «Тундук» при Министерстве цифрового развития Кыргызской Республики [Текст]: постановление

Кабинета Министров Кырг. Респ. от 30 апреля 2022 г. № 245\\ Норматив. акты Кырг. Респ. - 2022.-№ 245.-9 с.

69. О цифровых услугах [Текст]: Закон Кырг. Респ. от 2021 // Норматив. Акты Кырг. Респ. – 2021.- с 13.

70. Об инвестициях в Кыргызской Республике [Текст]: Закон Кырг. Респ. от 27 марта 2003 г. № 66 // Норматив. Акты Кырг. Респ. – 2003.- с 12.

71. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eurasiancommission.org.

72. Об утверждении Программы «Финансирование субъектов предпринимательства» [Текст]: постановление Правительства Кырг. Респ. от 09 июня 2020 г. № 315//Норматив. Акты Кырг. Респ. -2020.- с 4.

73. Об электронном управлении [Текст]: Закон Кырг. Респ. от 19 июля 2017 г. №127 // Норматив. Акты Кырг. Респ. – 2017.- с 6.

74. Обзор налоговых систем государств членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/>.

75. Оболенский, В.А. Оценка роли интеграционных группировок в международной торговле [Текст]/ В.А. Оболенский.- М.: Российский внешнеэкономический вестник, 2011.- 10 с.

76. Омуралиева, А. К. Влияние мирового финансового кризиса на развитие частного предпр в Кыргызской Республике [Текст] / А.К. Омуралиева, А. К. Аль Пари. – Алма-Ата: Экономический журнал, 2015. - 41-43 с.

77. Орешин В.П. Система государственного и муниципального управления: учебное пособие [Текст]/ — М.: ИНФРА-М, 2013. — 320 с

78. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года, утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета N° 28 от 16 октября 2015г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eurasiancommission.org.

79. Основные показатели деятельности предприятий финансового сектора экономики Кыргызской Республики НСК КР [Электронный ресурс]. - Режим доступа: stat.kg/ru/publications/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti.
80. Омурзакова Э.С. Проблемы государственного регулирования в развитии предпринимательства Кыргызской Республики//дис.канд.экон.наук. – Бишкек, 2005.
81. ОЭСР. Regulatory Policy and Governance: Supporting Economic Growth and Serving the Public Interest. – OECD, 2012г.
82. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года: Книга I: Основные социально-демографические характеристики населения.-Бишкек: 2023. - Режим доступа: stat.kg/media/publicationarchive.
83. Повышение качества решений в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности. Оценка регулирующего воздействия. [Электронный ресурс].- М.: НИСИП, 2005. – Режим доступа: www.nisse.ru/publications.html?id=povish-e_kach_res.
84. Предпринимательство в Кыргызской Республики [Текст] / А.К. Омуралиева.- Мат. межд. научно - технич. конф. «Наука, образование, инновации: приоритетные направления развития». -Бишкек: Известия КГТУ. - 2014. С. 447 - 449
85. Концепция цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы. Бишкек, 2024. URL: <https://digital.gov.kg/activities/konczkpcziya-czifrovoj-transformaczii-kyrgyzskoj-respubliki-na-2024-2028-gody/>
86. Полтерович В. М. Почему реформы вызывают разочарование и как этого избежать? // Экономическая политика. — 2007. — №1. — С. 3–20.
87. Соловьев А.И. Государственное регулирование экономики: теория, практика и направления развития.- М.: Юрайт, 2021. — С. 112
88. Сейдахматова, С.З. Экономическая безопасность Кыргызской Республики как основа обеспечения устойчивого роста [Текст]: М.Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары/С. З. Сейдахматова, А.О. Кожошев. – Бишкек: 2019. С. 81-84

89. Сейдахматова, С.З. Анализ состояния и развития малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике [Текст]: Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии/ С.З. Сейдахматова, Б.Б. Есеналиева.- Бишкек: 2022. -№ 2. С. 256-260
90. Сейдахматова, С.З. Гендерная асимметрия в государственном управлении Кыргызской Республики [Текст]: Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики/ С. З. Сейдахматова, А. Ж. Жолонбаева. – Бишкек: 2023. С. 60-67
91. Сейдахматова, С.З. Динамический анализ деятельности малых и средних предприятий Кыргызской Республики [Текст]: Актуальные вопросы современной экономики/ С.З. Сейдахматова, А.А. Бектурганова, Б.Б. Есеналиева.- Бишкек: 2024. - №2. С. 418-429
92. Сейдахматова, С.З. Инвестиции в развитие малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике [Текст]: Вопросы устойчивого развития общества/ С.З. Сейдахматова, А.К. Омуралиева. – Бишкек: 2019. С. 64-69
93. Сейдахматова, С.З. Источники и барьеры финансирования малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике [Текст]: Актуальные вопросы современной экономики/ С.З. Сейдахматова, А.К. Омуралиева. – Бишкек: 2021. С. 96-102
94. Сейдахматова, С.З. Обзор методики реализации анализа регулятивного воздействия нормативно-правовых актов на деятельность субъектов предпринимательской деятельности в Кыргызской Республике [Текст]/ С.З. Сейдахматова. – Бишкек, Известия вузов Кыргызстана, № 3, 2022. С. 132-135
95. Сейдахматова, С.З. Основные аспекты государственной политики стимулирования развития предпринимательства [Текст]: Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии/ С. З. Сейдахматова, А.О. Кожошев. – Бишкек: 2018. С. 106-110

96. Сейдахматова, С.З. Основные приоритеты экономической политики Кыргызской Республики [Текст]: Проблемы управления (Минск)/ С. З. Сейдахматова, А.Т. Насыров. – Бишкек: 2018. С. 81-85
97. Сейдахматова, С.З. Развитие предпринимательской деятельности Кыргызской Республики в условиях глобальных экономических вызовов [Текст]/ С.З. Сейдахматова. – Бишкек, Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии, 2022. С. 308-313
98. Сейдахматова, С.З. Развитие предпринимательства в Кыргызской Республике в условиях совершенствования регуляторной политики [Текст]: Актуальные вопросы современной экономики/ С.З. Сейдахматова, Б.Б. Есеналиева.- Бишкек: 2021. -№ 4. С. 259-267
99. Сейдахматова, С.З. Тенденции экономического развития регионов Кыргызской Республики за период 2018 – 2022 г.г. [Текст]: М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары/С. З. Сейдахматова, А.О Кожошев. -Бишкек: 2024 -№ 3. 64 с.
100. Сейдахматова, С.З. Цифровая трансформация как фактор устойчивого развития бизнес экосистемы [Текст]: Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики/ С. З. Сейдахматова, М.М. Мамбетова. – Бишкек: 2023. С. 191-197
101. Сейдахматова, С.З., К вопросу финансирования развития малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике [Текст]: Вопросы устойчивого развития общества/ С.З. Сейдахматова, А.К. Омуралиева. – Бишкек: 2019. С. 78-83
102. Талис Дж. "Индекс теневой экономики в России в 2017-2018 годах: сравнение с размером теневой экономики в Украине, Кыргызстане, Косово, Молдове, Румынии, Латвии, Литве, Эстонии и Польше" [Текст]// Путиныш, А. Саук/ 2020 г.
103. Турсунова С.А. Принципиальные требования к государственной политике развития и поддержки предпринимательства [Текст] //Вестник университета. – 1995. -№4. С. 10

104. Теория предпринимательства Йозефа Шумпетера и ее применимость в российской практике. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mgimo.ru/library/>.
105. Торгово-промышленная палата Кыргызской Республики - Вопросы развития МСБ в Кыргызстане в условиях кризиса [Электронный ресурс]. – Бишкек, 2021. - Режим доступа: <https://www.investmentcouncil.kg/index.php>.
106. Флоря О.В. Понятие государственного регулирования предпринимательской деятельности // Современное право. 2012. № 1. С. 123–127
107. Хофстеде, Г., Культурные аспекты глобального бизнеса [Текст]/ Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарс. – М.: Альпина, 2017. С. 210-225
108. Цели устойчивого развития ООН. - Нью-Йорк, 2015. С. 90-120
109. Чаначев, Н.С. Бюджетно-налоговый механизм стимулирования малого и среднего бизнеса в условиях интеграции КР в ЕАЭС [Текст]: автореф. на соис.учен.степ.к.э.н., 2023/Н. С. Чаначев. – Бишкек, 2023. С. 15-16
110. Шумпетер, Й. Теория экономического развития [Текст]/ Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. С. 150-180
111. Экономическая интеграция в системе пространственного развития региона [Электронный ресурс]. – М.: 2020. – Режим доступа: [vest.rea.ru/jour/article/view/868? locale](http://vest.rea.ru/jour/article/view/868?locale).
112. Экономическое Развитие Кыргызстана В Евразийском Экономическом Союзе: Новые Возможности Развития [Электронный ресурс]. -Бишкек. – Режим доступа: www.avekon.osmitrg/papers/2632.pdf.
113. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – Crown Publishing, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://browse.oecdbookshop.org>
114. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. Н. А. Каблукова под ред. А. И. Михайлова. — М.: Соцэкгиз, 1962. 814 с.

115. Campbell J.L. Institutional Change and Globalization. — Princeton University Press, 2004
- Chen, M. A. (2007). «Rethinking the Informal Economy: Linkages with the Formal Economy and the Role of the State».
116. Doing Business 2020. World Bank Group. - Washington, 2019. - С. 25-40.
117. Economist.kg. Экономическая свобода Кыргызстана. - Бишкек, 2024 [Электронный ресурс]. [economist.kg/ekonomika/2024/03/07/].
118. Estonia. Digital Skills Development in SMEs. [Электронный ресурс].
119. Eggan, G. (2017). Property Rights and Economic Growth: Theory and Evidence. Oxford University Press.
120. Enterprise Singapore. Annual Report on Business Digitalization. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.enterprisesg.gov.sg>.
121. Eggan, G. (2017). Property Rights and Economic Growth [Электронный ресурс]. URL: <https://www.enterprisesg.gov.sg>.
122. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. — New York: Free Press, 1995
- Harrington Winston, Heinzerling Lisa, and Morgenstern Richard D. (2009), <https://www.transparency.org/en/cpi/2023/index/kgz>.
123. Heinzerling Lisa, and Morgenstern Richard D. (eds.). Reforming Regulatory
- Hofstede, G. (1980). Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills: Sage Publications.
124. Hofstede, G. (1980). Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage Publications. 475 pages.
125. «Internal Market & Services» (2008), Guide to evaluating legislation.
126. Say, Jean-Baptiste. A Treatise on Political Economy. 1st ed. Paris, 1803.
127. Index of Economic Freedom. Heritage Foundation. - Washington, 2024. -С. 55-60.
128. Israel Innovation Authority. Annual Innovation Report. URL: <https://innovationisrael.org.il>.
129. Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 499 pages.

130. Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. London: Macmillan. 403 pages.
131. Kirkpatrick, C., & Parker, D. (2003). *Regulatory Impact Assessment: Developing Its Potential for Use in Developing Countries*. Centre on Regulation and Competition (CRC) Working Paper No. 30646, University of Manchester, Institute for Development Policy and Management.
132. NEWS KG. Рост оборотов Парка высоких технологий: вдвое больше каждый год [Электронный ресурс]. URL: <https://news.kg/2024/05/27/rost-oborotov-parka-vysokih-tehnologij-vdvoe-bolshe-kazhdyj-god/>
133. North, D. (1990). *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. Northampton, MA, USA: Edward Edgar, p. 1-16.
134. Rodrik D. Institutions for High-Quality Growth: What They Are and How to Acquire Them. // NBER Working Paper No. 7540, 2000.
135. Сейдахматова С.З., Эсеналиева Б.Б. Отраслевая структура малого и среднего предпринимательства в Кыргызской Республике // *Сегодня и завтра Российской экономики*. — 2023. — № 118. — С. 180–189. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67202509>
136. Salia Z. Seidahmatova, Turdubek T. Japarov, Kometa T. Paytaeva // *Sustainable Development of the World Economy of the Future on the Basis of Digitalization: The 2030 Perspective. - Challenges of the Modern Economy*.
137. Cantillon, R. (2004). *Essay on the Nature of Trade in General*. In: *World Economic Thought Through the Centuries*, Vol. 1. Moscow: Mysl Publishing House. [In Russian].
138. Schumpeter, J. A. (1911). *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Cambridge, MA: Harvard University Press. (English edition published in 1934).
139. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. The Quality of Government // *Journal of Law, Economics and Organization*, 1999, vol. 15(1), pp. 222–279

140. Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New York: Penguin Books. 293 pages.
141. Simon, H. A. (1982). *Models of Bounded Rationality*. Cambridge, MA: MIT Press. (Vols. 1–2)
142. Stiglitz, J. E. (2012). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York: W. W. Norton & Company. 414 pages
143. United Nations. (2015). *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. Retrieved from <https://sdgs.un.org/2030agenda>
- Williamson, O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York: Free Press. 456 pages
144. World Bank Group. (2020). *Doing Business 2020: Comparing Business Regulation in 190 Economies*. Washington, DC: World Bank. Retrieved from <https://www.worldbank.org>.
145. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Open Data Portal. Retrieved from <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/1>.
146. Schneider, F., & Enste, D. H. (2000). Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences. *Journal of Economic Literature*, 38(1), 77–114.
147. Williams, C. C. (2014). *Out of the Shadows: A Classification of Economies by the Size and Character of Their Informal Sector*. *Work, Employment & Society*, 28(5), 735–753.
148. Alm, J., & Torgler, B. (2006). Culture Differences and Tax Morale in the United States and in Europe. *Journal of Economic Psychology*, 27(2), 224–246.
149. <https://globalaffairs.ru/articles/novye-stranicy-integraczii/>Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе
150. https://eabr.org/upload/iblock/ed2/EDB_2021_Report_Mutual-Investments_rus-1Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР
151. <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?author.Id=5848658080> - A.K. Karabekova, B.B Esenalieva, S.A Makkaeva. // Challenges of the Modern

- Economy: Digital Technologies, Problems, and Focus. Innovation. – 2023. - Part F1. - 355–358 с.
152. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/6234/1/> С.Г. Коробейникова /Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки
153. [https://vest.rea.ru/jour/article/view/868?locale=ru_RU//T.N.Topoleva/Economic integration in the system of spatial development of the region](https://vest.rea.ru/jour/article/view/868?locale=ru_RU//T.N.Topoleva/Economic%20integration%20in%20the%20system%20of%20spatial%20development%20of%20the%20region)<https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-privlekatelnost-i-investitsionnye-riski-v-kyrgyzstane/viewer>
154. <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/47.TURDUBEKOV.B.pdf> - Current state and development trends of small and medium entrepreneurship in the Kyrgyz Republic B. Turdubekov., A.B. Karbekova
155. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-razvitiya-malogo-i-srednego-biznesa-v-kyrgyzskoy-respublike/viewer> - A.B.Karbekova
156. <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-politika-razvitiya-malogo-i-srednego-biznesa-v-kyrgyzskoy-respublike-v-usloviyah-krizisa> - P.K. Alisheva
157. <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-legkoy-promyshlennosti-v-regionah-kyrgyzskoy-respubliki/viewer> - Tursunalieva D. M., Chuburova Z.T.
158. <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-podhod-v-issledovanii-stanovleniya-i-razvitiya-infrastruktury-malogo-i-srednego-biznesa> - Karbekova A.B., Ergeshova T.A.
159. <https://eee-region.ru/article/7001/> - Development of small and medium-sized businesses in Kyrgyzstan and its role in saturating the consumer market
160. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/brief/doing-business>
161. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2024/07/31/kyrgyz-republic-to-scale-up-the-impact-of-community-driven-development-with-world-bank-support>